

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2022 № 12

Ежемесячный научный журнал

Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. - «Современный Восток»).

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Л.В. Гевелинг (Москва, Россия),
Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
А.В. Денисов (Москва, Россия), Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия),
С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия), В.А. Мельянцева (Институт стран Азии
и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия), Д.В. Мосяков, (Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфаммади (ЮАР), М. Наср аль-Гибали
(Египет), У. Рено (США), С.В. Прохогина (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2022 № 12

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title "Sovremennyi Vostok" / "Contemporary East"). The journal is published under the supervision of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
L.V. Geveling (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
W. Reno (Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow), V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
O.I. Teterin (Moscow, Russia), H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Абрамова И.О. Народонаселение Африки в условиях трансформации мирового порядка 5

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Аскеров М.-А.И., Исаев Л.М., Коротаев А.В. Афганский кризис и угроза исламистского экстремизма в Таджикистане 16

Бакланов А.Г. Какую игру ведет Турция в Сирии? 23

Шубин В.Г. Южная Африка: трудные времена 31

Кулькова О.С. «Старые» и «новые» игроки в Африке: драйверы изменения их политики в отношении континента (2010-2022 гг.) 39

Куланов А.Е. Якудза: история и двойной удар в условиях пандемического кризиса 47

Грибанова В.В., Уланова Н.С. Цифровая трансформация образования в странах Африки южнее Сахары: общие тенденции и опыт Кении и Уганды 54

Бобохонов Р.С., Следзевский И.В. Конфликт между Западом и миром Ислама: причины и динамика в историческом измерении 62

Нефляшева Н.А. Дерадикализация исламистов: общие теоретические подходы (историографический аспект) 70

Захаров И.А. Распространение пятидесятничества в Африке 77

© Российская академия наук, 2022
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2022

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1
Тел.: **+7 495-697-95-66, 691-02-70**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

TOP PROBLEM

Irina O. Abramova. Africa's population in conditions of the world order transformation **5**

POLITICS, ECONOMICS

Mir-Ali I. Askerov, Leonid V. Issaev, Andrey V. Korotayev. Afghani crisis
and the threat of Islamist extremism in Tajikistan **16**

Andrey G. Baklanov. What game is Turkey playing in Syria? **23**

Vladimir G. Shubin. South Africa: Hard Times **31**

Olga S. Kulkova. "Old" and "new" players in Africa: Drivers of change in their policies
towards the continent (2010-2022) **39**

Alexander E. Kulanov. Yakuza: History and Double Stroke in the Pandemic Crisis **47**

Gribanova V.V., Ulanova N.S. Digital transformation of education in Sub-Saharan Africa:
General trends and Kenya and Uganda experience **54**

Rakhimbek S. Bobokhonov, Igor V. Sledzevsky. The Conflict between the West
and the World of Islam: Causes and Dynamics in the Historical Dimension **62**

Naima A. Nefliasheva. Deradicalization of islamists: Theoretical approaches
(historiographical aspect) **70**

Ivan A. Zakharov. The expansion of Pentecostalism in Africa **77**

© Russian Academy of Sciences, 2022

© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2022

The authors opinions may not coincide with position
of the Editorial.

**Included in Russian Science Citation Index on WoS platform,
and EBSCO Publishing.**

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66, 691-02-70**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

Народонаселение Африки в условиях трансформации мирового порядка

© Абрамова И.О.^a, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-3407-0073; irina.abramova@inafr.ru

Резюме. Статья посвящена роли Африканского континента в меняющейся демографической картине мира в условиях глобальной трансформации мирового порядка, с учетом современных экономических, социальных и военных вызовов.

Автор анализирует современные тенденции роста мирового населения, которое 15 ноября 2022 г. перевалило за 8-миллиардный рубеж, и приходит к выводу, что именно Африканский континент начиная с 2035 г. будет вносить решающий вклад в мировые демографические тенденции и определять количественную и качественную структуру будущего рынка труда. А это, в свою очередь, принципиально изменит структуру мировой экономики, поскольку массовый потребитель значительной доли товаров и услуг будет находиться не в странах Глобального Севера, население которого будет неуклонно сокращаться, а на Глобальном Юге.

В статье подробно и в динамике анализируются основные демографические показатели африканских государств: рождаемость, смертность, темпы прироста населения, фертильность, ожидаемая продолжительность жизни и ряд других. Определяются основные экономические и социальные факторы, влияющие на динамику данных показателей на фоне аналогичных изменений в других странах и регионах нашей планеты.

Ключевые слова: Африка, новый мировой порядок, население, демографический рост, человеческий капитал, сотрудничество с Россией

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Абрамова И.О. Народонаселение Африки в условиях трансформации мирового порядка. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 12. С. 5-15. DOI: 10.31857/S032150750023555-2

Africa's population in conditions of the world order transformation

© Irina O. Abramova^a, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Science,
Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-3407-0073; irina.abramova@inafr.ru

Abstract. The article explores Africa's role in the changing demographic picture of the world in the context of the global transformation of the world order, taking into account modern economic, social and military challenges. Basing on the analysis of current demographic trends, the author suggests that the center of global demographic growth has already largely shifted towards Sub-Saharan Africa, where population growth rates average at 2.5% per year.

Despite certain discrepancies in sub-regional and national trends, it is the African continent that, starting from 2035, will shape the dominating demographic trends on the planet and, to a large extent, determine the quantitative and qualitative structure of the future of the global labor market. This, in turn, will fundamentally change the structure of the world economy, since the mass consumer of a significant share of goods and services will be located not in the countries of the Global North whose population will steadily decline, but in the Global South. The article reviews Africa's main demographic indicators: birth rate, mortality, population growth rates, fertility, life expectancy, etc.

The author analyzes main economic and social factors affecting the dynamics of these indicators against the background of similar changes in other countries and regions of our planet. As a result of the undertaken analysis the author posits that Russia should have developed a new system of foreign economic relations, focusing, among other things, on the rapidly growing market of goods, services and labor of the African continent. The humanitarian sphere should become the most important area of cooperation.

Russia is able to make a significant contribution to improving the quality of Africa's human capital through the promotion of its educational and scientific schools and broad cooperation in the technological sphere.

Keywords: Africa, new world order, population, demographic growth, human capital, cooperation with Russia

For citation: Abramova I.O. Africa's population in conditions of the world order transformation. *Asia and Arica today*. 2022. № 12. Pp. 5-15. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750023555-2

ВВЕДЕНИЕ

15 ноября 2022 г. население Земли, по данным ООН, превысило 8 млрд человек. При этом в последние 100-150 лет темпы прироста населения мира почти всё время ускорялись, за исключением периодов мировых войн и глобальных пандемий. В начале 1900-х гг. на планете проживало всего 1,6 млрд человек, на заре 2000-х - уже 6 млрд, а в 2011 г. - 7 млрд¹. Такой стремительный рост объясняется рядом факторов: развитием медицины, достижениями в области санитарии, расширением доступа к чистой питьевой воде, широким охватом населения вакцинацией и т.п. Все вышеперечисленные факторы в конечном счете привели к сокращению показателей смертности, в первую очередь младенческой, и к росту средней продолжительности жизни в большинстве государств мира, что при сохранении высоких показателей рождаемости в ряде государств способствовало ускорению темпов прироста населения.

По мнению экспертов ООН, несмотря на постоянное увеличение численности населения, темпы его прироста в последнее время замедляются. Прогнозируется, что более чем в 60 странах число жителей сократится на 1% или более в период с 2022 по 2050 г. из-за устойчиво низкого уровня рождаемости и в некоторых случаях - оттока населения в другие страны.

Более половины прогнозируемого прироста населения мира до 2050 г. будет сосредоточено в восьми странах - Демократической Республике Конго, Египте, Эфиопии, Индии, Нигерии, Пакистане, на Филиппинах и в Объединенной Республике Танзания. Весьма примечательно, что 5 стран из этого списка расположены на Африканском континенте.

В то же время, согласно прогнозам, доля населения мира в возрасте 65 лет и старше вырастет с 10% в 2022 г. до 16% в 2050 г.

Эксперты ООН отмечают, что ожидаемая продолжительность жизни в мире достигла 73 лет в 2020 г., что почти на 9 лет больше, чем в 1990 г. Прогнозируется, что дальнейшее снижение смертности приведет к тому, что средняя продолжительность жизни в мире превысит 77 лет к 2050 г.

Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш полагает, что достижение 8-миллиардного рубежа - радостное событие в жизни человечества, но одновременно оно накладывает большую ответственность на все страны и народы за решение общих проблем гуманитарного характера².

Глобальная трансформация мирового порядка, резко ускорившаяся в период пандемии *COVID-19* и особенно после начала специальной военной операции, затронула все государства, регионы и континенты и все сферы человеческой деятельности - экономику, политику, культуру, науку, социальные отношения, информационное пространство. Нарастающие эпидемиологические угрозы и резкий рост военной напряженности выдвинули на передний план вопрос выживаемости человечества. В этих условиях, даже если удастся избежать биологической и ядерной катастрофы, структурные изменения мировой экономики и социальной сферы будут настолько глубокими, что скажутся и на модели демографического поведения жителей нашей планеты. Другое дело, что последняя, по сравнению с моделью экономического развития, является гораздо более инерционной, поскольку в значительной степени обусловлена традициями и стереотипами, складывавшимися веками. Вместе с тем в странах Запада, где достаточно быстро разрушается традиционное представление о семье, можно спрогнозировать ускоренное формирование нового типа демографического поведения с минимальным числом детей или их полным отсутствием и в будущем, какой бы фантастической ни казалась эта картина, с возможным переходом к генно-инженерным технологиям контролируемого воспроизводства потомства с заданными качествами.

Большая часть человечества пока не готова к такому переходу ни технологически, ни морально. Институт традиционной семьи по-прежнему сохраняет свою значимость не только в России, но и в большинстве стран Азии, Африки и Латинской Америки, и именно эти регионы глобального Юга определяют сегодня и будут определять в ближайшие десятилетия демографическую картину мира.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ «ВЗЛЕТЫ» И «ПАДЕНИЯ»

Наиболее «уязвимым» с демографической точки зрения регионом остается Европа. Так, например, если население Земли за последние 20 лет увеличивалось за год в среднем на 1,15%, то в странах Европы темпы прироста числа жителей за тот же период не превышали 0,14%. За последние два десятка лет население мира выросло на 742 млн человек, а число жителей Старого Света - всего на 20 млн и то в основном за счет мигрантов, получивших европейские паспорта.

¹ Население Земли достигло 8 миллиардов человек. *РБК*. <https://www.rbc.ru/politics/15/11/2022/63732a4f9a7947bb4475efa5> (accessed 16.11.2022)

² См.: <https://www.un.org/en/desa/world-population-reach-8-billion-15-november-2022> (accessed 16.11.2022)

По данным ООН, при сохранении нынешних тенденций к 2050 г. европейское население сократится примерно до 700 млн человек, а к 2100 г. на континенте будет проживать менее 600 млн жителей. Кроме того, к 2050 г. Европа потеряет примерно 30 млн человек трудоспособного возраста³. А это уже серьезный удар по рынку трудовых ресурсов, компенсировать который можно будет только за счет мигрантов, что сопряжено с целым букетом социальных, культурных и религиозных проблем, а также со снижением образовательного и квалификационного уровня работников. В 2022 г. доля Европы и Северной Америки в мировом населении составила 14,1%. По прогнозам ООН, к 2030 г. число жителей этих регионов увеличится всего на 9 млн человек, а его доля в мировом населении сократится до 13,2%. Еще более интересная картина прогнозируется к 2050 г.: население США, Канады и Европы сократится на 4 млн и составит всего 1,125 млрд человек, или чуть больше 11% жителей нашей планеты⁴.

Совсем иная ситуация наблюдается в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Среднегодовые темпы демографического прироста составляли в этой группе стран с 1990 по 2020 г. 1,7%, т.е. были в 5,5 раз выше, чем в развитых государствах. Именно развивающиеся страны обеспечивают в настоящее время 98% мирового прироста населения, а в ближайшие 15 лет их вклад достигнет 100%⁵.

Таблица 1. Основные демографические показатели мира и его отдельных регионов в XXI в.
Table 1. World's and region's main demographic indicators of the 21st century

	Населе- ние в 2021 г., млн	Рождае- мость на 1000 жит.	Смерт- ность на 1000 жит.	Темп прироста населе- ния, %	Населе- ние в 2035 г., млн	Населе- ние в 2050 г., млн	Уровень младенче- ской смерт- ности	Уро- вень фер- тильно- сти в 2020 г.	Доля на- селения молоче 15 лет, %	Доля на- селения старше 65 лет, %
Весь мир	7837	18	8	1	8848	9688	31	2,3	26	10
Развитые страны	1271	9	11	-0,2	1298	1296	4	1,5	16	19
Развиваю- щиеся страны	6566	20	7	1,3	7550	8393	33	2,4	27	8
Африка	1373	33	8	2,5	1890	2529	47	4,3	40	4
Африка Южнее Сахары	1125	36	8	2,7	1589	2181	50	4,7	42	3
Северная Африка	248	23	6	1,7	301	348	22	2,9	33	6
Западная Африка	413	37	10	2,7	587	814	55	5,1	43	3
Восточная Африка	458	34	6	2,7	640	861	42	4,3	41	3
Центральная Африка	185	42	9	3,4	281	413	62	5,8	46	3
Юг Африки	68	20	11	0,9	81	94	26	2,4	29	6
Азия	4651	16	7	0,9	5043	5192	26	1,9	24	9
Китай	1412	8	7	0,1	1383	1266	8	1,3	18	14
Индия	1393	20	6	1,4	1553	1688	32	2,2	26	7
Латинская Америка	656	16	7	0,9	725	762	15	2,0	24	9

Рассчитано автором по: 2021 World Population Data Sheet. Population Reference Bureau. <https://www.prb.org/wp-content/uploads/2021/08/print-at-home-2021-world-population-data-sheet.pdf> (accessed 03.11.2022)

Как видно из табл. 1, в 2021 г. 2,8 млрд человек, или 36% мирового населения, проживали в Индии и Китае. В последние десятилетия основной прирост населения мира обеспечивался в основном именно эти-

³ <https://worldpopulationreview.com/continents/europe-population> (accessed 01.11.2022)

⁴ World Population Prospects 2022. Summary of Results. UN Department of Economic and Social Affairs. https://un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (accessed 03.11.2022)

⁵ Ibidem.

ми демографическими гигантами. Однако в последнее время ситуация изменилась. Китаю, длительное время проводившему политику «Одна семья - один ребенок», удалось сократить темпы прироста населения к 2021 г. до 0,1%, хотя еще в 2010 г. они были на уровне 0,5% в год. В Индии данный индикатор продолжает оставаться достаточно высоким - на уровне 1,4% (в 2010 г. - 1,6%).

Весьма примечательно, что уже к 2035 г. население Китая при сохранении нынешних демографических тенденций сократится на 29 млн человек, а к 2050 г. - еще на 117 млн, и его доля в мировом населении упадет с 18% в 2021 г. до 15,6% в 2035 г. и до 13% - в 2050 г. Отметим, что население Индии в ближайшие 2-3 десятилетия продолжит увеличиваться, а его удельный вес в населении нашей планеты составит 17,5% в 2035 г. (против 17,8% в 2021 г.) и сохранится примерно на том же уровне до 2050 г.

Между тем наибольшую прибавку в прирост мирового населения в ближайшие 30 лет даст Африканский континент. Его вклад в этот прирост составит с 2021 по 2035 г. 51%, а с 2021 по 2050 г. - уже 63%. С 2035 по 2050 г. доля Африки в увеличении населения нашей планеты составит уже 76%. Иными словами, **центр мирового демографического роста уже сегодня в значительной степени сместился в сторону Африки**, где темпы прироста населения в настоящее время остаются самыми высокими в мире и составляют более 2,5% в год. При сохранении нынешних тенденций удельный вес Африки в населении планеты составит в 2035 г. 21%, а в 2050 г. - 26% против 7% в 1820 г. и 6% - в 1900 г.

АФРИКА В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Весьма примечательно, что удельный вес жителей Африканского континента в населении Земли в доколониальную эпоху был выше. Так, население Африки на рубеже нашей эры оценивалось в 30-40 млн человек (16-18% всего населения Земли). С XVI в., с началом вывоза рабов, численность жителей Африканского континента росла медленнее, чем в других регионах мира. В 1500 г. доля африканцев в мировом населении не превышала 10,8%, а в 1750 г. - 9%. В XVII-XVIII вв. потери от работорговли составили десятки миллионов африканцев. Колониализм, ставший причиной истребления местных жителей, принудительный труд на европейских плантациях и рудниках, болезни, голод - всё это снижало темпы роста африканского населения в XVIII-XIX вв. За 1750-1900 гг. число жителей Африки выросло всего в 1,7 раза (за этот же период численность населения мира увеличилась в 2,3 раза) [1].

Быстрый рост населения стал характерен для Африканского континента только в XX в. В первой половине XX в. темпы роста населения Африки уже были несколько выше, чем в среднем в мире (за 1900-1950 гг. население Африки увеличилось в 1,7 раза, а мира - в 1,5 раза), однако в целом они все еще оставались невысокими. В последующий за этим период до 2000 г. число жителей Африки увеличилось уже в 3,7 раза, а мира - в 2,5 раза. В XX-XXI вв. удельный вес африканцев во всём населении мира постоянно возрастал и составил в 1950 г. 9%, в 1980 г. - 11%, в 1990 г. - 12%, в 2000 г. - 13%, а в 2021 г. - 17,5%⁶.

Конечно, демографическую революцию середины XX в. можно сравнивать с демографической революцией эпохи промышленных переворотов. Но при этом нельзя не видеть, что, несмотря на определенное сходство, между ними существуют очень большие различия. Демографический подъем в Европе XVIII-XIX вв. был обусловлен, прежде всего, изменениями в социально-экономической сфере, а в XX в. в развивающихся странах, в т.ч. и в Африке, он, напротив, сильно опережал социально-экономическое развитие.

В африканских странах в XIX и XX вв. высокая рождаемость уравнивалась высокой смертностью, поэтому общий рост населения оставался весьма умеренным, а иногда совсем приостанавливался. Африканское население страдало от голода, антисанитарных условий жизни, способствовавших широкому распространению всевозможных тяжелых эпидемических заболеваний. При колониальном режиме серьезной борьбы с этими болезнями не велось, медицинское обслуживание населения практически отсутствовало, а общий коэффициент смертности держался на уровне 30% и более. Особенно велика была детская смертность: нередко в течение первого года жизни умирали от трети до половины всех новорожденных [2].

«ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ» И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Ускоренный рост населения Африканского континента, как и других «периферийных регионов», получивший в литературе название «демографический взрыв», был связан с двумя основными причинами - резким снижением за относительно короткий срок (30-40 лет) уровня смертности и сохранением достаточно высокого уровня рождаемости.

⁶ Рассчитано автором по: U.S. Census Bureau. Global Population Profile: 2002, pp. 1-4; The 2009 World Population Data Sheet, pp. 7-10 и по табл. 1.

С конца 1950-х гг. в странах Африки стала совершенствоваться национальная служба здравоохранения, и впервые возникла возможность для проведения широких мероприятий по борьбе с эпидемиями. В 1960-1970-е гг. в африканских странах, в т.ч. при помощи СССР, с большим успехом осуществлялись такие противоэпидемические меры, как борьба с насекомыми-переносчиками болезней, санитарный контроль воды, эпидемиологический контроль продуктов питания, просветительские меры в области личной гигиены, строительство больниц и медицинских пунктов. В бюджетах большинства африканских государств расходы на здравоохранение увеличились в 3-4 раза, существенно возросло число врачей, повысилась их профессиональная подготовка.

Всё это привело к тому, что за короткий исторический срок уровень смертности на континенте снизился с 30% в 1940-х гг. до 20% в 1970-х гг. и до 10-15% в 1990-х гг. В 2009 г. данный показатель составил по Африке в целом 12%. История не знала такого быстрого сокращения смертности в столь широких масштабах. Европейским и североамериканским странам потребовалось более 100 лет, чтобы коэффициент смертности их населения снизился до уровня в 10-15%, тогда как развивающиеся страны, в т.ч. и африканские государства, достигли этого уровня всего за 20-30, а иногда даже за 15 лет, причем в условиях отсталой экономики и низкого уровня дохода на душу населения [3].

При сохраняющейся высокой рождаемости такое резкое снижение смертности вызвало увеличение естественного прироста населения. Если в 1900-1950-е гг. его среднегодовые темпы равнялись в Африке 1% (для сравнения - в Азии они не превышали 0,8%, а в Латинской Америке достигали 1,6%), то в 1965 г. они составляли уже 2,1%, а в 1980 г. превышали 3%. В результате за 30 лет (1950-1980 гг.) население Африки увеличилось более чем в 2 раза [4].

В дальнейшем темпы снижения смертности в Африке постепенно замедлялись, а в отдельных случаях приостанавливались или даже шли вспять, поскольку лишь на начальной стадии борьбы за укрепление здоровья населения можно было добиваться значительных результатов преимущественно за счет противоэпидемических и санитарно-гигиенических мероприятий. После того как в основном была ликвидирована угроза эпидемий, дальнейшее уменьшение смертности всё в большей степени становилось зависимым от экономических факторов. В первую очередь - от общего повышения жизненного уровня населения: увеличения семейных доходов, улучшения питания, жилищных условий и т.п., что требовало более быстрого, чем рост населения, расширения сельскохозяйственного и промышленного производства, жилищного и коммунального строительства и т.п. Для многих африканских государств это оказалось нелегкой задачей.

Что же касается рождаемости, то в ходе экономического и культурного строительства в странах Африки вызревали материальные и психологические предпосылки к её снижению. Прежде всего, такие предпосылки складывались в процессе разложения патриархального уклада, особенно в семейных отношениях, под воздействием модернизации общественных структур, а также эмансипации женщин, распространения образования и информационной революции.

Таким образом, период «демографического взрыва» в Африке практически закончился, что, однако, не означает смягчения остроты демографической проблемы в обозримом будущем. Ожидаемое снижение темпов прироста населения в Африке, по крайней мере, до середины XXI в., останется недостаточным, чтобы привести к уменьшению абсолютной величины этого прироста из-за практически утроившейся в 1980-2021 гг. общей численности жителей континента. Так, если в 1980 г. население Африки составляло 469 млн человек, то в 2021 г. - уже 1,373 млрд человек⁷.

К 2021 г. Африка по уровню смертности сравнялась со среднемировым показателем в 8% (см. табл. 1), и это огромное достижение для континента.

Однако более наглядным для выявления потенциальных возможностей снижения смертности в странах Африки является сопоставление африканских государств и развитых стран по коэффициенту детской смертности. Данный показатель по всем странам Африки также существенно сократился. В 2009 г. он составлял 74, в т.ч. в странах Субсахарской Африки - 80, а в развитых странах - всего 6. Среднемировой коэффициент детской смертности составил в 2009 г. 46 младенцев на тысячу [2]. В 2021 г. уровень младенческой смертности сократился в Африке до 47, в т.ч. в странах Северной Африки - до 22, а в странах Африки южнее Сахары - до 50. При этом самая высокая младенческая смертность наблюдалась в государствах Центральной Африки - 62. Среднемировой показатель младенческой смертности составил в том же году 31 младенца на тысячу, т.е. был значительно выше, чем в странах Северной Африки, но ниже, чем в Африке в целом. Что же касается развитых государств, то соответствующий индикатор в 2021 г. равнялся 4, т.е. также снизился примерно в 1,5 раза по сравнению с 2009 г. (см. табл. 1).

Таким образом, в результате повышения уровня жизни африканских семей, улучшения медицинского обслуживания и дальнейшей борьбы с инфекционными заболеваниями возможно дальнейшее снижение

⁷ Рассчитано автором по: табл. 1 и по African Development Indicators 2002. The World Bank. Wash., 2002. P. 6.

коэффициента детской смертности, а в конечном счете и общего коэффициента смертности африканского населения, что, безусловно, скажется на темпах демографического роста.

Вторая основная причина ожидаемого в ближайшие десятилетия значительного увеличения численности населения Африки, несмотря на начавшееся снижение рождаемости, - молодая возрастная структура африканского населения. Более высокая рождаемость прошлых лет и заметно снизившаяся в последние 30-40 лет детская смертность еще долго будут проявляться в умножении численности молодых людей, достигающих взрослого возраста и вступающих в брак. В результате, даже если плодовитость брачных пар в среднем уменьшится, продолжающееся увеличение общего числа этих пар сохранит рост суммарного числа деторождений. И так будет продолжаться до тех пор, пока в ходе длительных демографических изменений не произойдет столь существенное постарение населения, что действие упомянутого фактора постепенно сойдет на нет. Пока же за последние 40 лет возрастная структура африканского населения практически не изменилась. В 1980 г. удельный вес жителей в возрасте до 15 лет достигал 44,6%, в 2000 г. - 42,6%, в 2009 г. - 41%, в 2021 г. - 40%. Еще меньше изменилась доля людей старше 65 лет - 3,1% в 1980 г., 3,1% - в 2000 г., 3% - в 2009 г. и 4% - в 2021 г.⁸

ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В АФРИКЕ: ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД?

В ближайшие 20-30 лет при улучшении медицинского обслуживания населения и совершенствовании систем водоснабжения и канализации теоретически возможно дальнейшее снижение уровня общей смертности африканского населения до 6-7%. Вместе с тем уже сегодня во многих странах Африки активно действует прямо противоположный фактор, увеличивающий коэффициент смертности. Это многочисленные болезни, такие как малярия, туберкулез, геморрагические лихорадки (Эбола, денге), а с 1980-х гг. еще и СПИД.

По состоянию на конец 2021 г. в мире, согласно оценкам, насчитывалось 38,4 млн человек, живущих с ВИЧ-инфекцией, две трети из которых - 25,6 млн - проживали в Африканском регионе⁹ [14] (в 2009 г. - 27 млн человек) [2]. Сократилась и смертность от СПИДа. В 2009 г. от этой болезни в Африке умерли 1,5 млн человек, а в 2021 г. - всего 500 тыс.

Восточная и Южная Африка остаются регионами, наиболее сильно затронутыми ВИЧ. В 2021 г. там проживало 20,6 млн инфицированных этой инфекцией, или 54% всех людей, живущих с ВИЧ в мире. Наибольший процент затронутых ВИЧ людей в возрасте 15-49 лет наблюдается в Эсватини (26%), Лесото (23,5%) и Ботсване (20,7%). В ЮАР ситуацию с распространением ВИЧ пока не могут взять под контроль, в результате за последние 30 лет численность населения выросла только на 23 млн человек (хотя могла увеличиться значительно больше). Количество инфицированных на сегодняшний день составляет 19% трудоспособного населения страны - около 6 млн человек.

В целом же по региону в борьбе с опасной болезнью был достигнут значительный прогресс: число новых случаев ВИЧ-инфекции среди всех возрастов снизилось на 44% с 2010 по 2021 г. (38% среди женщин и 52% среди мужчин). Регион также добился заметного прогресса в сокращении числа новых случаев ВИЧ-инфекции среди детей: на 61% с 2010 г. Несмотря на этот прогресс, в таких странах, как Мадагаскар и Южный Судан, с 2010 г. число новых случаев инфицирования ВИЧ всё еще увеличивалось [5].

Что касается Западной и Центральной Африки, в этом субрегионе на конец 2021 г. насчитывалось 5 млн человек, которые живут с ВИЧ. При этом число новых случаев ВИЧ-инфекции среди всех возрастов в Западной и Центральной Африке снизилось с 2010 по 2021 г. на 43%, при этом среди мужчин оно снижается быстрее (на 49%), чем среди женщин (на 38%).

В субрегионе Северной Африки число инфицированных остается на достаточно низком уровне и не превышает 100 тыс. человек [5].

Что касается пандемии *COVID-19*, то в данном исследовании не имеет смысла подробно останавливаться на этой проблеме, поскольку на эту тему вышел целый ряд публикаций, в т.ч. и автора данной статьи (см.: [5]). Отмечу лишь, что мрачные прогнозы относительно влияния пандемии коронавируса на демографическую ситуацию в Африке не оправдались.

Несмотря на то, что Африка стала местом рождения нового штамма «омикрон», она достаточно успешно справляется с этой опасной болезнью. На 28 ноября 2022 г. в Африке от коронавируса умерло 258 073 человека [6], что составляет всего 3,9% всех смертей от этой болезни в мире, хотя доля жителей Африки в мировом населении составляет 17,5%. На континенте на эту дату было инфицировано 12,7 млн

⁸ Рассчитано автором по: African Development Indicators 2002. The World Bank. Wash., 2002. P. 312-319; The 2009 World Population Data Sheet, pp. 6, 10 и по табл. 1.

⁹ См.: https://www.unaids.org/sites/default/files/media_asset/2022-global-aids-update_ru.pdf (accessed 20.11.2022)

человек, или 0,9% всего населения, в то время как число случаев *COVID-19* в мире превысило 643 млн человек, или 8% мирового населения [7]. Конечно, данные по заболеваемости коронавирусом в Африке могут быть недостаточно достоверными в силу малого охвата населения тестированием, однако уже сегодня понятно, что пандемия *COVID-19* постепенно сходит на нет и не будет оказывать серьезного влияния на демографическую ситуацию на Африканском континенте.

Подводя краткий итог, необходимо отметить, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе с учетом всех вышеизложенных факторов возможно постепенное незначительное сокращение показателей смертности на Африканском континенте, что, при прочих равных условиях, будет способствовать сохранению относительно высоких темпов прироста населения Африки.

СКОЛЬКО ДЕТЕЙ РОЖДАЕТСЯ СЕГОДНЯ В АФРИКЕ?

Остановимся теперь на таком важном демографическом показателе, как рождаемость. Её высокие показатели сохраняются на Африканском континенте и сегодня, хотя в последние 40 лет данный индикатор в большинстве африканских государств имел тенденцию к снижению. Так, в 1982 г. уровень рождаемости в Африке составлял 45,3%, в 1992 г. - 40,3%, в 2009 г. - 37%, а в 2021 г. - уже 33% [7]. Однако по сравнению с общемировыми показателями (в 2021 г. - 18%) рождаемость на Африканском континенте всё ещё очень высока. Особенно существенным этот разрыв остается в сравнении с развитыми странами, где уровень рождаемости в 2021 г. не превышал 9%.

Таблица 2. Основные показатели социального развития регионов мира
Table 2. World's and region's key indicators of social development

	Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ)	ОПЖ мужчин	ОПЖ женщин	Доля городского населения, %	Доля женщин, использующих контрацептивы, %	ВВП по ППС на душу населения, \$
Весь мир	72	70	75	57	63	18 625
Развитые страны	78	75	82	79	67	50 865
Развивающиеся страны	71	69	73	53	62	12 199
Африка	63	61	64	44	36	5212
Тропическая Африка	60	58	62	42	33	3993
Северная Африка	73	71	75	53	50	10 594
Северная Америка	77	74	80	83	75	68 545
Латинская Америка	73	70	77	81	75	16 663
Азия	73	71	76	52	67	14 638
Европа	78	75	81	75	66	42 820

Источник: [8].

Сохранение высокого уровня рождаемости на Африканском континенте обусловлено целым рядом факторов социально-экономического, исторического и культурного характера. В начале XX в. практически для всех африканских государств была характерна мало затронутая прогрессом отсталая общественная структура, в которой преобладало сельское население. Низкая производительность труда, хроническая нехватка продуктов питания закрепили патриархальную организацию больших крестьянских семей, которые в большинстве своем вели полунатуральное хозяйство, и для которых дети оставались экономической и социальной необходимостью, освященной к тому же религиозными вероисповеданиями и обычаями. Детей в таких семьях зачастую использовали как бесплатную рабочую силу. Тем самым закреплялись экономические и культурные условия для господства традиций многодетности и, следовательно, высокой рождаемости.

Сегодня доля занятых в сельском хозяйстве в Африке неуклонно снижается, да и сам аграрный сектор постепенно модернизируется [9]. Так, в 2000 г. сельскохозяйственная занятость составляла 58,2%, а в 2020 г. - уже 49,5% [10]. Однако в некоторых африканских странах высокий удельный вес занятых в сельском хозяйстве сохраняется. Больше всего сельских жителей проживает сегодня в странах Восточной и Центральной Африки (66 и 61%, соответственно), при этом в ЦАР, Чаде, Нигере, Уганде и Мозамбике их число превышает 70% всего занятого населения, а в Сомали и Бурунди - более 80 и 90%, соответственно¹⁰. Всё это ведет к разнонаправленным тенденциям в демографической сфере, когда в ряде стран формируется новый тип демографического поведения, ориентированного на меньшее количество детей, а в других сохраняются большие патриархальные семьи с высоким уровнем рождаемости.

Решающей причиной снижения рождаемости становится модернизация общественных структур, проявившаяся в расширении рамок современного сектора экономики, для которого характерны новые представления о семье. Следует, однако, отметить, что процесс модернизации в странах Африки носит очаговый характер, затрагивая не все государства континента и не все отрасли хозяйства. Результатом неравномерности процесса модернизации и явилось сохранение в ряде государств Тропической Африки высокого уровня рождаемости.

Постепенный рост уровня жизни африканского населения также способствует снижению рождаемости. По данным *табл. 2*, в 2021 г. ВВП по ППС на душу населения в Африке достиг \$5212 (в 2009 г. не превышал \$2550). При этом в странах Северной Африки соответствующий индикатор составил \$10594 против \$4660, соответственно [11].

Как показывает опыт развитых стран, чем выше доходы, тем ниже рождаемость. Этот феномен связан с тем, что дополнительные доходы расширяют возможности для роста образования, организации досуга, применения современных средств контрацепции, покупки современных товаров и т.п. Они повышают качество жизни индивидуума, что постепенно способствует формированию «эгоистичной» психологии отказа от большого количества детей, которые требуют внимания и пренебрежения собственными потребностями и интересами.

Наиболее, возможно, сильное «модернизирующее влияние» на уровень рождаемости оказывает современное образование, охватывающее всё большее число африканцев. Доля неграмотного населения на Африканском континенте старше 15 лет сократилась с 51% в 1985 г. до 44% в 2000 г. и до 34,5% в 2021 г. [12].

Как известно, наиболее тесно показатели рождаемости коррелируют с женской грамотностью (чем выше грамотность женщин, тем ниже уровень рождаемости). В Африке удельный вес грамотных женщин в возрасте старше 15 лет увеличился с 38% в 1985 г. до 47% в 2000 г. А в 2020 г. уже 59,4% всех африканских женщин были грамотными. При этом французский социолог Филипп Фарг обнаружил интересную зависимость между долей расходов в семейных бюджетах на образование и уровнем рождаемости. Ф.Фарг считает, что рост расходов на образование, которые, естественно, еще более увеличиваются с появлением каждого нового ребенка, гораздо больше влияет на динамику рождаемости, чем экономический рост и модернизация [12].

Одновременно наблюдается тесная зависимость между уровнем рождаемости и социально-экономическим статусом женщины. Если в первые годы после окончания Второй мировой войны лишь незначительная часть африканок выходила на рынок труда, то к концу XX в. процент вовлеченности женщин в трудовую деятельность увеличился до 25-30%. Исследования, проведенные социологами, показали, что работающая африканка в среднем хочет иметь не более 2-3 детей [9]. По данным Всемирного банка, доля женщин в суммарной занятости в Африке южнее Сахары составила в 2021 г. 45,6%¹¹. Это означает, что практически половина всех занятых в Африке - женщины. При этом и безработица среди представительниц «слабого» пола незначительно превышает средний уровень безработицы в государствах Субсахарской Африки (8 и 7,7%, соответственно). Весьма примечательно, что женщины также лидируют по количеству создаваемых ими новых стартапов в Африке¹².

Важным фактором снижения рождаемости служит также процесс урбанизации. Город коренным образом меняет социальные установки людей, ломает их традиционные стереотипы, изменяет бытовые условия их жизни, представления о роли семьи и детей. Меняется всё, начиная от режима трудовой деятельности, который весьма отличается от сельского, до жилищных условий, возможностей проведения свободного времени, доступа к современным средствам информации и коммуникации, медицинского обслуживания. В странах Африканского континента доля городского населения увеличилась с 37% в 2009 г. до 44% в

¹⁰ 2009 World Population Data Sheet. Population Reference Bureau: New York, 2009, pp. 11-14.

¹¹ The World Bank Data. <https://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.FE.ZS> (accessed 22.11.2022)

¹² 2009 World Population Data Sheet. Population Reference Bureau: New York, 2009, p. 7; African Development Indicators 2002. The World Bank. Wash., 2002. P. 313 и по *табл. 1*.

2021 г. А в государствах Северной Африки этот показатель сегодня составляет 53%, и именно там наблюдается самая низкая в Африке рождаемость (см. *табл. 1*). Примечательно, что, по нашим расчетам, на временном отрезке с 1980 по 2021 г. коэффициент корреляции уровней урбанизации и рождаемости по африканским государствам достаточно высок и достигает 0,712.

Известную роль в снижении рождаемости в Африке сыграли программы планирования семьи, которые реализуются во многих африканских странах со второй половины 1960-х гг. Уже в 1970-е гг. при поддержке ВОЗ в Африке развернулось производство средств контрацепции разных видов. При больницах и других медицинских учреждениях открывались отделения пропаганды планирования семьи и контроля рождаемости. Особенно успешно эта работа велась в странах Северной Африки, где на сегодняшний день удельный вес замужних женщин, использующих различные средства предотвращения нежелательной беременности, превысил 50% (по странам Африки в целом он составляет 36%, а по Африке южнее Сахары - 33%) [11].

НАСЕЛЕНИЕ АФРИКИ И МИРА: ЧТО ДАЛЬШЕ?

Таким образом, в XXI в. в государствах Африканского континента наметилась тенденция к снижению общего уровня рождаемости, обусловленная целым рядом социально-экономических факторов.

Разрыв по данному показателю с группой наиболее развитых стран мира остается достаточно высоким, но постепенно сокращается. В 2009 г. он составлял 27% (11% в развитых странах и 38% в Африке), а в 2021 г. - уже 24% (9% и 33%, соответственно). При этом выделяется группа стран с наиболее четко выраженной тенденцией к снижению уровня рождаемости. В основном это субрегион Северной Африки, где рождаемость составляет 16% в Тунисе, 17% - в Ливии и Марокко, 21% - в Египте и 22% - в Алжире. Существенно ниже, чем в Африке в целом, данный показатель в Кении - 28%, Габоне - 27%, Ботсване - 24%, ЮАР - 20%, а также на Сейшельских островах - 17%, Кабо-Верде - 15%, на Маврикии - 10% [8], т.е. в тех государствах Тропической Африки, которые достигли наибольших успехов на пути социально-экономической модернизации. Здесь коэффициент рождаемости всего в 1,5-2 раза выше, чем в развитых странах Севера. Но, несмотря на общую тенденцию снижения рождаемости, африканские государства сохраняют в ближайшие 20-30 лет мировое лидерство по этому показателю в силу перечисленных выше объективных социально-экономических факторов.

Аналогичные выводы можно сделать и относительно динамики фертильности - суммарного коэффициента рождаемости или количества детей, приходящегося на одну женщину. Практически во всех африканских государствах его абсолютная величина уменьшилась, что свидетельствует о некотором сближении этого важнейшего демографического индикатора в африканских и развитых странах. Так, в последних число детей на одну женщину детородного возраста в 1960 г. составляло 2,7, а в 2021 г. - 1,5; в Африке - 6,4 и 4,3, соответственно. При этом уровень фертильности продолжает оставаться относительно высоким в Африке южнее Сахары (4,7 в 2022 г.) и сравнительно быстро уменьшается в странах Североафриканского субрегиона, где его величина в 2021 г. сократилась до 2,9 [13].

Вследствие снижения общего коэффициента смертности и снижающегося, но всё еще сравнительно высокого уровня рождаемости, среднегодовые темпы демографического роста в Африке за последние 30 лет были самыми высокими в мире и составляли в 1980-1990 гг. 2,9%, а в 1990-2020 гг. - 2,5%. За вторую половину XX столетия население Африки увеличилось в 4 раза, в период с 1980 по 2010 г. - более чем в 2 раза, а к 2022 г. - еще в 1,4 раза и превысило сегодня 1,4 млрд человек¹³.

Важнейшим агрегированным показателем развития, наиболее полно отражающим социальные сдвиги в обществе, служит показатель ожидаемой продолжительности жизни. Разрыв по этому показателю между развитыми и африканскими странами за последние 60 лет сократился как относительно, так и абсолютно. Так, ожидаемая продолжительность жизни африканца увеличилась с 40 лет в 1960 г. до 63 лет в 2021 г.; при этом в странах Северной Африки - с 59 до 73 лет, что выше общемировых показателей (72 в 2021 г.), а в странах Африки южнее Сахары - с 38 до 60 лет [14].

Конечно, в разных группах стран Африканского континента и тем более в отдельных странах демографические изменения происходят по-разному, что проявляется в различной динамике рождаемости и смертности, темпах и абсолютных величинах прироста населения, в неодинаковых переменах в возрастной структуре и т.п. Однако именно Африканский континент в целом в ближайшие десятилетия будет вносить определяющий вклад в мировые демографические тенденции и в значительной мере определять количественную и качественную структуру будущего рынка труда. А это, в свою очередь, принципиально изменит структуру мировой экономики, поскольку массовый потребитель значительной доли товаров и

¹³ African Development Indicators 2002. The World Bank. Wash., 2002. P. 313 и данные *табл. 2*.

услуг будет находиться не в странах Глобального Севера, население которого будет неуклонно сокращаться, а на Глобальном Юге. И не надо думать, что африканцы не создают спрос на современные товары и услуги. Сегодня 60% населения Африки составляет молодежь в возрасте до 25 лет [15], наиболее активная часть населения, легко воспринимающая любые новации. Конечно, качество человеческого капитала Африки еще весьма далеко от западных аналогов. Так, индекс использования человеческого потенциала в подавляющем числе стран континента не превышает 55%, а доля высококвалифицированных работников - всего 6%¹⁴.

Среди главных Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН на 2016-2030 гг. значатся: преодоление бедности и голода, достижение достойного уровня здравоохранения и образования, постоянное обеспечение населения жильем, коммунальными и социальными услугами (прежде всего питьевой водой, санитарией, электроэнергией), новыми рабочими местами [16]. Эти цели актуальны и для Африки, испытывающей огромные трудности во всех перечисленных сферах жизнедеятельности. Они включены и в «Повестку-2063» Африканского Союза. От успешности решения этих проблем зависят уровень и качество жизни населения.

Однако и в этой сфере есть определенные сдвиги. Медленно, но неуклонно увеличиваются доходы африканского населения. Растет уровень образования африканцев, включая высшую школу. Активно развивается африканская наука, в первую очередь в таких областях, как эпидемиология, биология, медицина, сельское хозяйство, геология [17]. Африка показывает всему миру и самые высокие темпы цифровизации. Только один пример из этой серии - Африка занимает передовые позиции в мире по онлайн платежам. Руанда, например, заявила об отказе от использования наличных денег. В Нигерии, а это самая большая по численности африканская страна - более 210 млн человек, уже ведутся расчеты в электронной наире.

Вообще технологии *DeFi* (децентрализованные финансы) становятся всё более популярными в Африке. На Африканском технологическом форуме в Найроби, который состоялся в феврале 2022 г., вопрос о децентрализованных финансах был одним из трех основных вопросов для обсуждения, наряду с африканскими стартапами и мобильными сетями [18]. Однако для соответствия требованиям Четвертой промышленной революции в области человеческих ресурсов странам Африки необходимо существенно расширить и модернизировать систему образования и сферу профессиональной подготовки с целью их адаптации к потребностям цифровой экономики. Вот почему вложение средств в образование, развитие навыков и охрану здоровья людей для приведения квалификации работников в соответствие с требованиями новой экономики и рынка труда становится одной из важнейших задач, стоящих перед африканскими странами в XXI в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учитывая современные демографические тенденции в мире в целом и в Африке в частности, России уже сегодня стоит выстраивать новую систему внешнеэкономических отношений, ориентируясь в том числе на быстро растущий рынок товаров, услуг и рабочей силы Африканского континента. Важнейшим направлением нашего сотрудничества должна стать гуманитарная сфера. Россия способна внести существенный вклад в повышение качества человеческого капитала Африки через продвижение своих образовательных и научных школ, широкого взаимодействия в технологической сфере. Это позволит и России, и Африке занять достойное место в новой, формирующейся на наших глазах модели мирового экономического развития.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Африка. Энциклопедия. М., 1986, Т. 1, с. 56.
1986. Africa. Encyclopedia. Vol. 1, p. 56. Moscow. (In Russ.)
2. Абрамова И.О. Развивающиеся страны в мировой экономике XXI века: новые демографические детерминанты. *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 6. С. 23-29.
Abramova I.O. 2011. The developing countries in the world economy: New demographic factors of determinism. *Asia and Africa today*. № 6. Pp. 23-29. (In Russ.)
3. Абрамова И.О. Демографический дивиденд и будущее Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 11. С. 23-29.
Abramova I.O. 2014. Demographic dividend and the future of Africa. *Asia and Africa today*. № 11. Pp. 23-29. (In Russ.)
4. Трудовые ресурсы Востока. Демографо-экономические проблемы. Под ред. Я.Н.Гузеватого. М., 1987, с. 18.
1987. Labor resources of the East. Demographic and economic problems. Moscow. P. 18. (In Russ.)
5. Абрамова И.О. Коронавирус в Африке: социально-экономические и политические последствия. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020, № 13(5), с. 38-56. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-3>

¹⁴ <http://www.un.org.lb/.../The-SustainableDevelopment-Goals-Report-2016> (accessed 27.03.2022)

- Abramova I. 2020. Coronavirus in Africa: Social, Economic and Political Consequences. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. № 13(5), pp. 38-56. Moscow. (In Russ.) <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-3>
6. COVID-19 Coronavirus Pandemic. *Worldometer*. <https://www.worldometers.info/coronavirus> (accessed 22.11.2022)
7. 2022 World Population Data Sheet. Population Reference Bureau. <https://www.prb.org/wp-content/uploads/2022/09/2022-World-Population-Data-Sheet-Booklet.pdf> (accessed 03.11.2022)
8. См. подробнее: Гаврилова Н.Г. Агропромышленные парки как перспективная форма модернизации сельскохозяйственного производства в Африке. Экономика Африки в эпоху глобальной технологической революции. Сб. статей (отв. ред. Е.В.Морозенская). М.: Институт Африки РАН, 2019, с. 40-77.
Gavrilova N.G. 2019. Agro-industrial parks as a promising form of modernization of agricultural production in Africa. *Africa's Economy in the Era of the Global Technological Revolution*. Pp. 40-77. Moscow. (In Russ.)
9. World Food and Agricultural Statistical Yearbook 2021. <https://www.fao.org/3/cb4477en/cb4477en.pdf> (accessed 15.11.2022)
10. Africa's Development Dynamics 2021: Digital Transformation for Quality Jobs. AUC/OECD: Addis Ababa/Paris, 2021. Annex, table 10.
11. The World Bank Data. <https://data.worldbank.org/indicator/SE.ADT.LITR.ZS> (accessed 21.11.2022)
12. Fragues P. 1997. State Policies and the Birth Rate in Egypt: from socialism to liberalism. *Population and Development Review*. Vol. 23, № 1, p. 27.
13. African Development Indicators 2011. The World Bank. Wash., 2011. P. 312; [8].
14. World Population Prospects 2019. UN Department of Economic and Social Affairs. <https://population.un.org/wpp/> (accessed 27.03.2022)
15. The Future of Jobs and Skills in Africa. https://www3.weforum.org/docs/WEF_EGW_FOJ_Africa.pdf (accessed 27.11.2022)
16. A High Standard of Living, Quality of Life and Well Being for All Citizens. <http://agenda2063.au.int/en/pr> (accessed 30.03.2022)
17. Фитуни Л.Л. Наука, технологии и инновации в Африке: стереотипы, реалии, перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 4. С. 15-24. DOI: 10.31857/S032150750014642-8
Fituni L.L. 2021. Science, Technology and innovation in Africa: stereotypes, realities, prospects. *Asia and Africa today*. № 4. Pp. 15-24. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750014642-8
18. Ndemo B. The role of cryptocurrencies in sub-Saharan Africa. <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2022/03/16/the-role-of-cryptocurrencies-in-sub-saharan-africa/> (accessed 12.04.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Абрамова Ирина Олеговна, член Президиума РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института Африки РАН, Москва, Россия; член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Irina O. Abramova, member of the Presidium, Russian Academy of Sciences (RAS), Corresponding member, RAS, Dr.Sc. (Economics), Professor, Director, Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia; member, Editorial Board, "Asia and Africa today" journal, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 25.10.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 12.11.2022

Принята к публикации
(Accepted) 30.11.2022

Афганский кризис и угроза исламистского экстремизма в Таджикистане

© Аскеров М.-А.И.^{a,c,d}, Исаев Л.М.^{a,b,c,e}, Коротаев А.В.^{a,b,c,f}, 2022

^a НИУ «Высшая школа экономики» Москва, Россия

^b Институт Африки РАН Москва, Россия

^c Российский университет дружбы народов Москва, Россия

^d ORCID ID: 0000-0002-3478-4267; mi.askerov@hse.ru

^e ORCID ID: 0000-0003-4748-1078; lisaev@hse.ru

^f ORCID ID: 0000-0003-3014-2037; akorotaev@hse.ru

Резюме. В статье рассматриваются террористические организации, представляющие угрозы для Таджикистана, а также анализируется их активность, медиапродукция и вербовочные кампании в контексте афганского кризиса. Особое внимание уделяется приходу к власти движения «Талибан» в Афганистане и тем трансформациям, которые произошли за год их нахождения у власти. Также анализируются экспертные интервью, которые были собраны в ходе полевых исследований. С опорой на вышеназванные данные в статье дается оценка уровню угроз, которые исходят от различных террористических организаций, и озвучиваются возможные перспективы развития ситуации. Также рассматриваются имеющиеся законы в сфере религиозной политики в Республике Таджикистан и их применение. Изучается, как в контексте афганского кризиса исламистские экстремисты подстраивают под них свои вербовочные кампании, и как это отражается на их дискурсе.

Ключевые слова: Афганистан, Таджикистан, исламистский экстремизм, Талибан, терроризм, Исламское Государство в провинции Хорасан

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках проекта № 19-18-00155 «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Для цитирования: Аскеров М.-А.И., Исаев Л.М., Коротаев А.В. Афганский кризис и угроза исламистского экстремизма в Таджикистане. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 12. С. 16-22. DOI: 10.31857/S032150750023557-4

Afghani crisis and the threat of Islamist extremism in Tajikistan

© Mir-Ali I. Askerov^{a,c,d}, Leonid V. Issaev^{a,b,c,e}, Andrey V. Korotayev^{a,b,c,f}, 2022

^a HSE University, Moscow, Russia

^b Institute for African Studies, Moscow, Russia

^c RUDN University, Moscow, Russia

^d ORCID ID: 0000-0002-3478-4267; mi.askerov@hse.ru

^e ORCID ID: 0000-0003-4748-1078; lisaev@hse.ru

^f ORCID ID: 0000-0003-3014-2037; akorotaev@hse.ru

Abstract. This article examines terrorist organizations that pose a threat to Tajikistan and analyzes their activities, media products and recruitment campaigns within the context of the Afghan crisis. Particular attention is paid to the rise to power of the Taliban in Afghanistan and the transformations that occurred during their year in power. It considers not only transformations in Afghanistan itself, but in the global jihadist movement as a whole. Expert interviews gathered during field research are also analyzed.

The data collected during the field study are analyzed in addition to databases and academic papers already available in the public domain. Based on the data mentioned above, this article assesses the level of threat posed by various terrorist organizations and the possible prospects for the situation. It also examines the existing laws in the sphere of religious policy in the Republic of Tajikistan and their application. It examines how extremists adjust their recruitment campaigns and how it is reflected in their discourse. The article also reveals the peculiarities of relations between various extremist organizations that are active in Tajikistan or are composed of Tajik citizens and are involved in fighting in other countries. In addition, it investigates which organizations Tajik citizens are more likely to join and what determines their choice.

The results of the article contain conclusions for each organization considered in accordance with the results of the study that has been conducted. These findings contribute to existing studies on extremism in general and on extremist activity in Tajikistan in particular against the background of the Afghan crisis. Therefore, it brings new arguments and perspectives to the existing academic debate on this topic.

Keywords: Afghanistan, Tajikistan, Islamists extremism, terrorism, Taliban, The Islamic State - Khorasan Province

For citation: Askerov M.-A.I., Issaev L.M., Korotayev A.V. Afghani crisis and the threat of Islamist extremism in Tajikistan. *Asia and Africa today*. 2022. № 12. Pp. 16-22. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750023557-4

ВВЕДЕНИЕ

После прихода к власти в Афганистане движения «Талибан» в августе 2021 г. в соседних странах Центральной Азии актуализировалась тема угрозы исламистского экстремизма, исходящей из этой страны. О влиянии афганского кризиса на постсоветское пространство написано немало работ, в которых отмечалось первостепенное значение Афганистана для стабильности в бывших республиках СССР [1; 2; 3; 4]. В этой связи неудивительно, что очередной виток гражданского конфликта в этой стране спровоцировал рост напряженности в странах Центральной Азии.

В первую очередь афганский кризис отразился на Таджикистане, имеющем самую протяженную границу с Афганистаном по сравнению с остальными постсоветскими республиками. Помимо этого, в Таджикистане уже был относительно недавний опыт гражданской войны 1992-1997 гг., во время которой в том числе отмечался рост активности различных исламистских экстремистских группировок [5, 6]. К этому стоит добавить активность сторонников различных террористических организаций как в самом Таджикистане, так и в соседних странах - не говоря уже о том, что и некоторые таджикские граждане вступают в террористические организации, действующие на территории Сирии и Афганистана [7].

Учитывая все вышесказанное, представляется целесообразным выявить основные риски и угрозы для Таджикистана, связанные с новой волной распространения исламистского экстремизма, вызванной афганским кризисом. С этой целью мы провели полевые исследования в Афганистане в октябре 2019 г., а также в Таджикистане в августе 2022 г. В ходе проведенных исследований мы собрали и проанализировали структурированные экспертные интервью с представителями академического сообщества и общественно-политическими деятелями этих стран, что позволило оценить масштабы угрозы проникновения исламистского экстремизма из Афганистана в Таджикистан.

ТЕРАКТЫ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Рассматривая текущую ситуацию вокруг Таджикистана, обратимся к статистике террористической активности на территории этой страны. Данные о терактах с 1997 по 2019 г. взяты из базы данных *The Global Terrorist Database* [8], а информация за период с 2020 по сентябрь 2022 г. - из отчета международного аналитического центра *Special Eurasia* [9].

Согласно имеющимся данным, наибольшее количество терактов в поствоенном Таджикистане пришлось на 2012, 2014 и 2015 гг., а затем их количество уменьшилось. При этом до 2016 г. отсутствовали данные о принадлежности исполнителей террористических актов к какой-либо из организаций. Однако если рассмотреть не только количество самих актов, но и количество жертв, картина выглядит несколько иначе. Самые кровавые теракты произошли в 2018 и 2019 гг.

В 2018 г. в Худжанде заключенный напал на охранника и отобрал у него оружие, после чего началась перестрелка, в результате которой погибли 27 человек с обеих сторон [10]. В том же году боевики «Исламского Государства» (ИГ) напали на туристов во время велосипедной прогулки: погибли два американца, один голландец и гражданин Швейцарии [11]. Еще трое иностранцев, включая одного гражданина Франции, были ранены в результате инцидента 29 июля 2018 г. в Дангаринском районе Хатлонской области, примерно в 150 км к югу от столицы [11]. В мае 2019 г. вновь произошло нападение и перестрелка с охранниками в тюрьме «Кирпичный». По меньшей мере 32 человека были убиты [12]. В ноябре того же года произошло нападение на пограничный пост в Ишкобде, в ходе которого 17 человек были убиты [13]. ИГ взяло на себя ответственность за все эти нападения.

В последующие годы подобных масштабных по количеству жертв нападений не происходило, однако боевики ИГ, а точнее его филиала - «Исламское Государство в провинции Хорасан» (ИГПХ), обстреляли территорию Таджикистана с территории соседнего Афганистана [14]. Жертв не было, однако сам факт возможности проведения подобной атаки позволяет предположить, что ИГПХ в своей деятельности отнюдь не ограничивается границами Афганистана и стремится распространить влияние и на страны Центрально-Азиатского региона.

Здесь следует сказать несколько слов об ИГПХ. Эта ветвь «Исламского государства» была создана в 2015 г. и активно вербовала сторонников среди афганцев и пакистанцев, особенно перебежчиков из «Талибана». Хорасан, который упоминается в названии организации, - это название исторического региона, включающего территории нынешних Пакистана, Ирана, Афганистана и Центральной Азии. С 2020 г. во главе ИГПХ стоит Шахаб аль-Мухаджир, также известный как Санаулла ас-Садик. Примечательно, что до того как присоединиться к ИГПХ аль-Мухаджир был командиром среднего звена т.н. «сети Хаккани»¹ и членом «Аль-Каиды» [15].

¹ Сеть Хаккани (*Haqqani Network*) - афгано-пакистанская террористическая группировка, связанная с движением «Талибан», которая была основана в первой половине 1990-х гг. пуштунским религиозным деятелем Джалалуддином Хаккани (*прим. авт.*).

В июне 2021 г. Совет Безопасности ООН опубликовал отчет, в котором говорилось, что численность ИГПХ может составлять от 1500 до 2200 боевиков в афганских провинциях Кунар и Нангархар [16]. При этом многие специалисты по безопасности в Средней Азии отмечали, что в последние годы деятельность ИГПХ стала более активной и опасной. Кроме того, организация ведет активную деятельность по первербовке бывших бойцов «Талибана» и других радикальных группировок региона [17].

УЧАСТИЕ ТАДЖИКОВ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ

Обратим внимание на количество граждан Таджикистана, пополнивших ряды террористических организаций в других странах. Наибольшее количество отправилось в Сирию и Ирак, чтобы присоединиться к ИГ в период наибольшей активности данной организации. Всего около 2000 граждан Таджикистана участвовали в боевых действиях в Сирии и Ираке в 2010-е гг. [7], что является самым высоким показателем в сравнении с другими постсоветскими странами Центральной Азии. Например, из Казахстана уехало около 800 человек, из Кыргызстана - 850, а из Узбекистана - 1900² [7]. Значительно меньше граждан Таджикистана вступает в ряды других группировок (прежде всего тех, которые связаны с «Аль-Каидой»).

Главным образом таджики состоят в рядах этнических подразделений террористических организаций в Сирии и Ираке, насчитывающих примерно 500 человек как таджиков, так и узбеков [7]. Другое популярное направление для таджикских экстремистов - Афганистан. Туда изначально выезжали в основном те люди, чьи взгляды были близки идеологии афганского движения «Талибан», для участия в боях на стороне группировки «Джамаат Ансаруллах»³.

Отметим два обстоятельства, связанные с «Джамаат Ансаруллах». Во-первых, эта группировка немногочисленна: по имеющимся оценкам, в 2022 г. её примерная численность составляла всего лишь около 100 человек [18] - это очень мало по сравнению с общим числом таджиков, вступающих в ряды террористических структур. Во-вторых, проведенные нами экспертные интервью в Душанбе в июле 2022 г. показали, что «Джамаат Ансаруллах» состоит в основном из тех людей, которые уехали в Афганистан еще в начале 2000-х гг. Опрошенные нами эксперты ставили под сомнение тот факт, что кто-либо из граждан Таджикистана присоединялся к группировке после появления ИГ в середине 2010-х гг.

Афганистан также - важное направление для тех, кто хочет пополнить ряды «Исламского государства» и, в частности, ИГПХ. При этом сторонники ИГ стали предпочитать Афганистан странам Ближнего Востока с момента разгрома этой организации в Сирии и Ираке в 2017 г. Точное количество боевиков из Таджикистана в рядах ИГПХ неизвестно, т.к. при подсчетах сложно разделить афганских таджиков и таджиков - граждан Таджикистана [19]. Однако на сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что таджики составляют очень важную часть ИГПХ. Например, ряд последних терактов ИГПХ был совершен смертниками-таджиками - это и нападение на индуистский храм 18 июня 2022 г. в Кабуле, которое совершил Абу Мухаммад ат-Таджики [20], и нападение на автобус талибов, которое совершил 4 июля 2022 г. Муаз ат-Таджики [21], а также убийство талибами лидера отряда таджикских смертников Юсуфа ат-Таджики в начале июля 2022 г. При этом информацию о каких-либо подобных отрядах смертников из представителей других этнических меньшинств Афганистана ИГПХ никогда не сообщало. В сложившейся ситуации некоторые эксперты даже отмечают, что «ИГПХ приобретает этнический таджикский колорит» [22].

Таким образом, если брать во внимание теракты на территории самого Таджикистана и участие таджикских граждан в террористических группировках за пределами страны, можно отметить высокую популярность ИГ и связанных с ней структур. Именно «Исламское Государство» стоит за самыми массовыми (и по числу убийств, и по количеству участников) терактами на территории Таджикистана, а также именно в ряды ИГ (и её филиалы, такие, как ИГПХ) вступает подавляющее большинство таджикских граждан. Число тех, кто присоединяется к группировкам, связанных с «Аль-Каидой» и «Талибаном», гораздо меньше и незначительно в сравнении с числом вступающих в ИГ [7].

РОЛЬ ПОЛИТИКИ ВЛАСТЕЙ

Отдельного внимания заслуживает политика правительства Таджикистана в сфере религии. С 2009 г. в стране запрещен т.н. салафитский ислам, который был охарактеризован таджикскими властями как «экс-

² Несмотря на то, что число близко к числу бойцов из Таджикистан, стоит учитывать разницу в численности населения двух стран (прим. авт.).

³ «Джамаат Ансаруллах» была основана в 2010 г. муллой Амриддином, командиром антиправительственных исламистских сил во время гражданской войны в Таджикистане 1992-1997 гг. Её костяк составляли бывшие боевики таджикской оппозиции, несогласные с условиями мирного соглашения 1997 г. (прим. авт.).

тренистское течение ислама» [23]. Однако точное определение этого термина по-прежнему остается крайне проблематичным и даже простое исполнение исламских ритуалов в формах, которые власти считают «чуждыми» или не соответствующими правительственной интерпретации ханафитской школы суннитского ислама, подлежит уголовному преследованию [24].

Другая сложность связана с тем, что принятый в Таджикистане Закон об экстремизме не дает четкого определения этому термину и часто приводит к произвольным задержаниям мусульман, которые не имеют отношения к деятельности экстремистских организаций [25].

Из этого вытекает проблема реализации правовых норм, следствием чего стала переполненность тюрем, которые на сегодняшний день характеризуются как основная среда для радикализации мусульман в Таджикистане [24]. Заключение, осуждение «за религию», подвергаются жестокому обращению со стороны как властей, так и своих сокамерников. В подобных условиях у заключенных появляется не только запрос на восстановление справедливости, но и защита, которую предлагают т.н. «тюремные джамааты»⁴ из числа непосредственных сторонников и членов террористических организаций. Именно этим исследователи объясняют тот факт, что два самых громких теракта на территории Таджикистана в последние годы произошли именно в тюрьмах и спровоцировали дальнейшие бунты заключенных [24].

Таким образом, подобные практики в сфере религиозной политики зачастую могут способствовать не снижению террористической угрозы, а её росту. Как было показано выше, таджикские тюрьмы становятся важнейшими центрами для пропаганды идей «Исламского Государства». Кроме того, подобная политика властей зачастую создает благодатную почву для таджикоязычных пропагандистских СМИ террористических организаций. Именно тема несправедливости и угнетения по отношению к мусульманам в Таджикистане становится центральной для мобилизации населения на борьбу с режимом.

ОСОБЕННОСТИ ПРОПАГАНДЫ

Если рассматривать медиаактивность на таджикском языке, абсолютным лидером в данном направлении является ИГПХ, которое с весны 2022 г. начало переводить свою официальную периодику на таджикскую кириллицу [26]. Кроме этого, известно о действии ряда неофициальных телеграмм-каналов на таджикском языке, которые ведут пропаганду идей ИГ, помогают желающим советами по переезду из Таджикистана в регионы присутствия ИГПХ и консультируют читателей по различным вопросам. В частности, можно привести в пример следующие каналы: «Защитники Уммы», «Мавераннахр», «Голос Хорасана», «Радио Голос Хорасана» - все они публикуют сообщения именно на таджикской кириллице.

Как отмечает эксперт Л.Веббер из издания *Militant Wire*, таджикские боевики, воюющие в Афганистане в составе местного филиала ИГ, всё чаще используют образ президента Таджикистана в качестве важного инструмента для своей вербовочной кампании. «Эмомали Рахмон теперь почти ежедневно фигурирует на каналах в социальных сетях, связанных с ИГПХ, наряду с советами о том, как поехать в Афганистан и, оказавшись там, как связаться с радикалами», - отмечает Л.Веббер [27]. Несколько раз в неделю на ресурсах ИГ появляются изображения боевиков в масках, наносящих телесные повреждения Э.Рахмону, осаждающих Душанбе и приводящих в действие взрывчатку в столице Таджикистана. Сопроводительные сообщения часто обращаются к «угнетенному народу Таджикистана» и призывают его влиться в ряды ИГПХ для «настоящей борьбы против притеснения мусульман» [27].

Пропагандистские ресурсы других организаций малочисленнее и гораздо менее активны. Если говорить о «Талибанах», то официальных ресурсов на таджикской кириллице у организации нет. Есть неофициальные телеграмм-каналы, которые обращаются к таджикской аудитории, однако они крайне редко используют таджикскую кириллицу и их активность чаще сводится к публикации видеозаписей проповедей имамов, лояльных талибам, на языке дари (язык таджиков Афганистана). Растущей популярности этих ресурсов, как в случае с ИГПХ, не замечено. В целом медиаресурсы «Талибана» стараются избегать сообщений, направленных на дестабилизацию ситуации в соседних странах, и придерживаются принципа невмешательства. Их сообщения чаще имеют характер опровержений, в которых они стараются изменить мнение читателей о том, что таджикское население Афганистана притесняется по этническому или языковому принципу. К примеру, периодически появляются опровержения сообщений о том, что талибы готовят какие-либо нападения или провокации против Таджикистана.

Сторонники отпочковавшейся от «Аль-Каиды» в 2016-2017 гг. группировки «Хайят Тахрир аш-Шам», осуществляющей свою деятельность на территории Сирии, периодически обращаются к таджикской ауди-

⁴ Подразумеваются объединения из осужденных за действия экстремистского характера или распространение экстремистских идей, которые объединяются с целью пропаганды своей идеологии среди других заключенных. Также эти объединения предлагают свое покровительство и защиту в обмен на лояльность и помощь (прим авт.).

тории, однако тоже делают это крайне редко. Официальных таджикоязычных ресурсов у организации нет, а любительские проекты используют русский язык за редким исключением. В основном к этому прибегают в те моменты, когда обращение связано с какими-то значимыми событиями вокруг Таджикистана. Например, недавние вооруженные столкновения на таджикско-киргизской границе, по поводу которых были опубликованы обращения некоторых сторонников «Хайят Тахрир аш-Шам» на таджикском языке с призывами не участвовать в этом конфликте и не поддаваться на провокации. Однако это лишь исключения, не сравнимые с той активностью, которую демонстрируют различные ресурсы ИГПХ.

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что в активности медиапропаганды лидирует ИГПХ, которое явно делает упор на таджикское население как Афганистана, так и Таджикистана. К таджикским читателям в основном обращаются с призывами переселиться в Афганистан и присоединиться там к боевикам ИГПХ для дальнейших боевых действий против движения «Талибан», которое обвиняется в предательстве мусульман (в т.ч. таджикских), а далее с этой территории планируется атаковать правительство Эмомали Рахмона.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕРВЬЮ

Полученные в ходе полевых исследований результаты довольно противоречивы. С одной стороны, практически все таджикские эксперты озвучивали озабоченность приходом к власти в Афганистане движения «Талибан» и отмечали это как фактор роста угрозы экстремизма и политической нестабильности в Центральной Азии. С другой стороны, многие из них отмечали, что с августа 2021 г. на приграничных территориях между Афганистаном и Таджикистаном обстановка стала спокойнее, либо соглашались с тем, что ситуация, как минимум, не ухудшилась.

Вместе с тем в ходе интервью часто упоминалось, что границу между государствами охраняют в основном бойцы таджикского происхождения, предположительно из «Джамаат Ансаруллах». Периодически они вступают в перепалку с таджикскими пограничниками, угрожая им «захватом Душанбе и убийством политического руководства страны»⁵. Примечательно, что большинство экспертов подчеркивали высокий уровень угрозы, исходящей от «Джамаата Ансаруллах». Это, в свою очередь, вызывает определенные сомнения, т.к. с 2015 г. данная организация не проявляла никакой самостоятельной террористической активности [18].

Все эксперты называли активность ИГПХ важнейшей угрозой для безопасности Таджикистана, однако по-разному оценивали её причины. Один из экспертов настаивал на том, что эта структура управляется непосредственно «Талибаном» и существует для того, чтобы совершать те акты, за которые талибы не готовы брать на себя ответственность. В то же время подобная оценка выглядит крайне противоречивой, т.к. основной целью атак ИГПХ зачастую становятся сами талибы, а также ввиду того, что подобные действия наносят сильный ущерб репутации «Талибана», осуществляющего власть в стране и заинтересованного в снижении уровня социально-политической нестабильности. Большинство экспертов всё же характеризовали ИГПХ как независимую структуру и признавали, что оно является общей проблемой и для Таджикистана, и для талибов.

При этом важно отметить, что никто из экспертов не видит серьезной угрозы экспансии движения «Талибан» на территорию Таджикистана. В качестве основной причины отмечается то, что идеология «Талибана» не пользуется популярностью среди таджикского населения, а его имидж в массовом сознании крайне негативный, поскольку ассоциируется с притеснениями таджиков Афганистана по этническому признаку. Вместе с тем возможность кооперации между Таджикистаном и нынешними властями в Афганистане в противостоянии ИГПХ большинство экспертов исключили, т.к. это противоречило бы интересам таджикской стороны и было бы расценено местным населением и в особенности афганскими таджиками как предательство.

Наконец, практически никто не упоминал «Аль-Каиду» в качестве серьезной угрозы региональной безопасности, что объясняется низким уровнем активности группировки. Кроме того, недавно в своем англоязычном журнале «*One Ummah*» организация сама официально подтвердила, что не будет использовать Афганистан для атак на другие страны, тем самым подтвердив ранее данные заверения официальных лиц «Талибана».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования был проведен анализ террористической активности на территории Таджикистана на фоне развертывания афганского кризиса, данных об участии таджикских граждан в боевых действиях в

⁵ Здесь и далее приводится информация, которую сообщили эксперты по региону Центральной Азии из Таджикистана в ходе интервью на условиях анонимности. Интервью были проведены во время поездки в Таджикистан в 2022 г. в рамках упомянутого выше проекта РНФ (прим. авт.).

составе экстремистских организаций в Афганистане и на Ближнем Востоке, работы пропагандистских медиаэкстремистских организаций в контексте афганского кризиса и результатов интервью с экспертами. Итоги проведенного анализа однозначно указывают на то, что основная экстремистская угроза для Таджикистана из Афганистана исходит от организации «Исламское Государство» и его регионального филиала - «Исламское Государство в провинции Хорасан».

«Аль-Каида» хотя и является глобальной джихадистской структурой, сохраняющей высокий уровень террористической активности во многих регионах мира⁶, в отличие от талибов не претендует на локальное государственное строительство в рассматриваемом регионе и в сложившихся условиях не проявляет активности в Афганистане, Таджикистане и других странах Центральной Азии. Кроме того, официальные медиаорганизации подтвердили, что обязуются не использовать территорию Афганистана для атак на другие страны, дабы не вызвать нового вторжения на его территорию и сохранить Исламский Эмират Афганистан.

Движение «Талибан», во-первых, не создает угрозы военной экспансии, т.к. заинтересовано, прежде всего, в сохранении своей власти в Афганистане и избегает лишней конфронтации с соседними государствами. Во-вторых, оно не ставит перед собой цели экспорта собственной идеологии в Таджикистан, в отличие от ИГПХ, что можно наблюдать при анализе медиаактивности двух организаций. Группировка «Джамаат Ансаруллах», состоящая из таджикских боевиков и находящаяся в подчинении у движения «Талибан», используется исключительно для охраны таджикско-афганской границы. Кроме того, будучи главным оппонентом ИГПХ в Афганистане, талибы обладают высоким потенциалом, чтобы выступать ситуативным союзником Таджикистана для борьбы с экстремизмом, на что, впрочем, не готовы идти таджикские власти.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Васильев А.М. Афган: незаживающие раны России. *Азия и Африка сегодня*. № 5. 2014. С. 66-72. Vasiliev A.M. 2014. Afghanistan: Russia's unhealed wounds. *Asia and Africa today*. № 5. Pp. 66-72. (In Russ.)
2. Коргун В.Г. 2012. Афганский конфликт и Центральная Азия. *Россия и мусульманский мир*. 2012. № 6. С. 106-114. Korgun V.G. 2012. Afghan conflict and Central Asia. *Russia and the Muslim World*. № 6. Pp. 106-114. Moscow. (In Russ.)
3. Белокреницкий В.Я. Вооруженный экстремизм в Афганистане, Пакистане и Центральной Азии: взгляд из России. *Пути к миру и безопасности*. 2017. № 1(52). С. 205-212. Belokrenitsky V.Ya. 2017. Armed Extremism in Afghanistan, Pakistan, and Central Asia: A View from Russia. *Pathways to Peace and Security*. № 1(52). Pp. 205-212. Moscow. (In Russ.)
4. Малышева Д.Б. Постсоветская Центральная Азия и Афганистан как сфера пересечения интересов крупных азиатских государств. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. № 2. С. 259-272. Malysheva D.B. 2018. Post-Soviet Central Asia and Afghanistan as an intersection of interests of major Asian states. *Vestnik RUDN. International Relations*. № 2. Pp. 259-272. (In Russ.)
5. Bashiri I. The history of the Civil War in Tajikistan. Boston: Academic Studies Press. 2020. 327 p.
6. Epkenhans T. 2016. The Origins of the Civil War in Tajikistan: Nationalism, Islamism and Violent Conflict in Post-Soviet Space. Lanham: Lexington Books. 401 p.
7. Soliev N. 2021. Tracing the Fate of Central Asian Fighters in Syria. *Perspectives on Terrorism*. Vol. 15, № 4, pp. 125-140.
8. Global Terrorist Database. Tajikistan Incidents over Time. <https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?search=Tajikistan&sa.x=40&sa.y=20> (accessed 10.10.2022)
9. Bifolchi G. The number of terrorists and extremists has increased in Tajikistan. <https://www.specialeurasia.com/2022/07/16/terrorism-tajikistan-extremism/> (accessed 10.09.2022)
10. Global Terrorism Database. Khujand Incident Summary. <https://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=201811070036> (accessed 02.09.2022)
11. Lemon E. 2018. Talking Up Terrorism in Central Asia. Kennan Cable. Woodrow Wilson International Center for Scholars. Washington. № 38. <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no-38-talking-terrorism-central-asia> (accessed 24.08.2022)
12. Global Terrorism Database. Kirpichnyi Incident Summary. <https://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=201905190037> (accessed 04.09.2022)
13. Global Terrorism Database. Ishkobod Incident Summary. <https://www.start.umd.edu/gtd/search/IncidentSummary.aspx?gtdid=201911060005> (accessed 14.09.2022)
14. Ibragimova K. Tajikistan: ISKP claims new cross-border attack, officials deny. *Eurasianet*. 09.05.2022. <https://eurasianet.org/tajikistan-iskp-claims-new-cross-border-attack-officials-deny> (accessed 17.09.2022)
15. Schmitt E. ISIS Branch Poses Biggest Immediate Terrorist Threat to Evacuation in Kabul. *The New York Times*. 25.08.2021. <https://www.nytimes.com/2021/08/25/us/politics/isis-terrorism-afghanistan-taliban.html> (accessed 10.09.2022)
16. Letter dated 20 May 2021 from the Chair of the Security Council // UN Security Council, 01.06.2021. <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/107/61/PDF/N2110761.pdf?OpenElement> (accessed 08.09.2022)

⁶ Например, в странах Западной Африки (см: [28; 29; 30]).

17. Эсфандиари Г. «Исламское государство в Хорасане»: что оно собой представляет и чего добивается? *Радио Азаттык*. 28.08.2021.
Esfandiari G. The "Islamic State in Khorasan": What does it represent and what does it seek to achieve? *Radio Azattyk*. 28.08.2021. (In Russ.) <https://rus.azattyq.org/a/islamic-state-khorasan-exainer/31432340.html> (accessed 11.09.2020)
18. Rogio B. Tajik terrorist serves as Taliban commander in northern Afghanistan. FDD's Long War Journal, 22.05.2022. <https://long-warjournal.org/archives/2022/05/tajik-terrorist-serves-as-taliban-commander-in-northern-afghanistan.php> (accessed 12.09.2022)
19. Lemon E. To Afghanistan Not Syria? Islamic State Diverts Tajik Fighters South. Jamestown Foundation. *Eurasia Daily Monitor*. Vol. 14, № 35. <https://www.refworld.org/docid/58cbbf4e.html> (accessed 05.09.2022)
20. Islamic State says attack on Sikh temple is revenge for Prophet insults. *CNN*. 19.06.2022. <https://www.cnn.com/2022/06/19/asia/islamic-state-sikh-gurdwara-temple-attack-kabul-afghanistan-intl-hnk/index.html> (accessed 11.09.2022)
21. Botobekov U. ISKP Tajik Fighters Step Up Sophisticated Inghimasi Attacks against Taliban and Intimidate the U.S. Homeland Security. 23.06.2022. <https://www.hstoday.us/featured/iskp-tajik-fighters-step-up-sophisticated-inghamasi-attacks-against-taliban-and-intimidate-the-u-s/> (accessed 01.09.2022)
22. Webber L. Taliban target Tajik Islamic State fighters. *Eurasianet*. 29.06.2022. <https://eurasianet.org/taliban-target-tajik-islamic-state-fighters> (accessed 10.10.2022)
23. United States Commission on International Religious Freedom Annual Report 2021. <https://www.uscifr.gov/sites/default/files/2021-04/2021%20Annual%20Report.pdf> (accessed 29.08.2022)
24. Promoting Religious Freedom and Countering Violent Extremism in Tajikistan 2021. <https://www.uscifr.gov/publication/issue-update-tajikistan> (accessed 10.09.2022)
25. Chutia T. 2022. Tajikistan: An Evaluation of Terrorism and Counter-Terrorism Policies since Independence. *Conflict Studies Quarterly*. Vol. 39, pp. 37-51.
26. Webber L. 2022. Islamic State in Khorasan Province Exploits Tajik Martyrs for Online Recruitment in Central Asia. *Terrorism Monitor*. The Jamestown Foundation. Washington. № 14. <https://jamestown.org/program/islamic-state-in-khorasan-province-exploits-tajik-martyrs-for-online-recruitment-in-central-asia/> (accessed 06.09.2022)
27. Webber L. Islamic State uses Tajikistan's dictator in recruitment drive. *Eurasianet*. 02.06.2022. <https://eurasianet.org/perspectives-islamic-state-uses-tajikistans-dictator-in-recruitment-drive> (accessed 03.09.2022)
28. Исаев Л.М., Коротаев А.В., Бобарыкина Д.А. 2022. Глобальная террористическая угроза в Сахеле и истоки терроризма в Буркина-Фасо. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 22, № 2. С. 411-421. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-411-421
Issaev L.M., Korotayev A.V., Bobarykina D.A. 2022. The global terrorist threat in the Sahel and the origins of terrorism in Burkina Faso. *Vestnik RUDN. International*. Vol. 22, № 2, pp. 411-421. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-411-421
29. Korotayev A., Khokhlova A. 2022. Revolutionary events in Mali, 2020-2021. Issaev L., Korotayev A. (eds.). *New wave of revolutions in the MENA region. A comparative perspective*. Cham: Springer, pp. 191-218. DOI: 10.1007/978-3-031-15135-4_9
30. Issaev L., Fain E., Korotayev A. 2021. Impact of the Arab Spring on Terrorist Activity in the Sahel. *Ideology and Politics Journal*. № 3(19), pp. 34-49. DOI: 10.36169/2227-6068.2021.03.00003

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Аскеров Мир-Али Исмаилович, тьютор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия; ст.-иссл. РУДН, Москва, Россия.

Mir-Ali I. Askerov, Tutor, HSE University, Moscow, Russia; Trainee Researcher, RUDN University, Moscow, Russia.

Исаев Леонид Маркович, к.полит.н., доцент НИУ ВШЭ; ст.н.с. ИАФР РАН и РУДН, Москва, Россия.

Leonid M. Issaev, PhD (Political Science), Associate Professor, HSE University; Senior Researcher, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences & RUDN University, Moscow, Russia.

Коротаев Андрей Витальевич, д.и.н., зав. лаб. НИУ ВШЭ, в.н.с. РУДН и г.н.с. ИАФР РАН, Москва, Россия.

Andrey V. Korotayev, Dr.Sc. (History), Lab. Head, HSE University; Leading Researcher, RUDN University & Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 15.09.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 25.10.2022

Принята к публикации
(Accepted) 22.11.2022

Какую игру ведет Турция в Сирии?

© Бакланов А.Г.^а, 2022^а НИУ ВШЭ, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0002-5913-616X; agbaklanov@hse.ru

Резюме. В статье обращается внимание на активизацию внешнеполитической деятельности Турции, которая стремится стать самым влиятельным государством ближневосточного региона с тем, чтобы получить в обозримом будущем статус одной из ведущих держав мира. В зоне особого внимания Анкары - соседняя Сирия. Турция ставит вопрос о необходимости проведения всё новых военных операций на севере Сирии под предлогом создания условий для защиты своей территории от курдских военизированных формирований.

В статье анализируется вопрос о том, насколько эти аргументы Анкары соответствуют действительности. Рассматривается планомерная и масштабная деятельность турецких властей по расширению своего присутствия в ряде северных районов САР. Приводятся оценки такой линии Турции со стороны властей Дамаска, полагающих, что Анкара ведет дело к поглощению этих территорий, к изменению их этнического состава.

Подчеркивается, что Россия последовательно выступает за обеспечение территориальной целостности и суверенитета Сирии. Проводя эту линию, Москва, естественно, принимает во внимание реалии региона и ситуации в Сирии. В интересах России - воздерживаться от обострения отношений с нынешними руководителями Турции, использовать потенциал Астанинского переговорного формата. Вместе с тем РФ считает условием достижения прочного урегулирования кризиса в САР и вокруг неё возвращение всех сирийских территорий под контроль законного правительства в Дамаске. С точки зрения создания в регионе прогнозируемой, стабильной ситуации, такое развитие событий соответствует и национальным интересам самой Турции.

Ключевые слова: Ближний Восток, Сирия, Турция, Российская Федерация, США, Иран, арабские страны, конфликт в Сирии, курды в Сирии

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта факультета Мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»: «Влияние политики Ирана и Турции на трансформацию Ближнего Востока и постсоветского пространства».

Для цитирования: Бакланов А.Г. Какую игру ведет Турция в Сирии? *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 12. С. 23-30. DOI: 10.31857/S032150750023558-5

What game is Turkey playing in Syria?

© Andrey G. Baklanov^a, 2022^a HSE University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-5913-616X; agbaklanov@hse.ru

Abstract. The article draws attention to the serious intensification of Turkey's foreign policy, which seeks to become the most influential state in the Middle East region and to receive the status of one of the world's leading powers in the foreseeable future.

Ankara's area of special attention is neighboring Syria. Turkey raises the question of the need to conduct military operations in northern Syria areas under the pretext of creating conditions for protecting its territory from Kurdish paramilitaries.

The various directions of activities of the Turkish authorities aimed at expanding their presence in these regions are also considered. Syrian leadership believes that Ankara is leading the matter to the absorption of these territories, changing their ethnic composition.

It is emphasized that Russia consistently stands for ensuring the territorial integrity and sovereignty of Syria. In pursuing this line, Moscow naturally takes into account the realities of the region and the situation in Syria. It is in Russia's interests to refrain from aggravating relations with the current leaders of Turkey and to use the potential of the Astana negotiation format.

At the same time, the Russian Federation considers the return of all Syrian territories under the control of the legitimate government in Damascus as a condition for achieving a lasting settlement of the crisis in the SAR and around it. From the point of view of creating a predictable, stable situation in the region, such a development of events also corresponds to the national interests of Turkey itself.

Keywords: Middle East, Syria, Turkey, Russian Federation, USA, Iran, Arab countries, conflict in Syria, Kurds in Syria

For citation: Andrey G. Baklanov. What game is Turkey playing in Syria? *Asia and Africa today*. 2022. № 12. Pp. 23-30. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750023558-5

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня практически все ключевые игроки на международной арене сходятся во мнении: Турция настойчиво и целеустремленно стремится обеспечить себе региональное лидерство в обширных районах Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, Кавказского региона и Средней Азии.

Она становится главным, наиболее заметным и активным сторонником создания новой, модифицированной системы международных отношений, идущей на смену послевоенной. Такой системы, в которой Турции отводилась бы более весомая роль. По мнению Анкары, Турция является одной из первых в списке стран, претендующих на роль «новых великих» государств. Можно предположить, что руководство страны будет всё более настойчиво продвигать данный тезис.

АКТИВНАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, МНОГОВЕКТОРНОСТЬ УСИЛИЙ

Многое зависит от способности Анкары доказать свою особую роль в регионах, территориально прилегающих к её территории. В этой связи особое, «знаковое» значение имеет то влияние, которое Турция оказывает на эволюцию ситуации в Сирии, на итоги кризисного развития и гражданской войны в этой стране.

Примечательно, что на состоявшихся 13 июня и 21 июля 2022 г. при содействии Женевского центра политики безопасности российско-американских экспертных консультаций¹ тематика Турции вошла в число самых важных и в то же время - самых сложных вопросов повестки дня. Стороны имеют серьезные разногласия по многим ключевым проблемам региональной и международной повестки дня в отношении политики Анкары. Тем не менее они сошлись в следующем мнении: Турция будет и далее продвигать свои интересы на сирийском направлении, задействуя все доступные ей средства - от политических и экономических до силовых. При этом американские и российские специалисты особо обратили внимание на проблему турецкого присутствия на севере Сирии и на планы Анкары продолжать проведение военных кампаний в этом регионе под предлогом создания условий для защиты своей территории от курдских военизированных формирований.

Конечно, в позиции американцев легко угадывается желание «перевести стрелку» критики за нелегитимное иностранное военное присутствие на сирийской территории на Анкару (присутствие американцев столь же нелегитимно), но это не снимает проблему турецкого вмешательства во внутренние дела Сирийской Арабской Республики.

Жесткая внешнеполитическая линия Турции во многом связана с установками стоящей у власти исламистской Партии справедливости и развития (ПСР) во главе с Р.Эрдоганом. При этом борьба за новую роль в мире, за возвращение стране «былого величия», «неоосманские теории», разрабатываемые ведущими политиками и экспертами Турции, в последнее время переходят из области лозунгов и призывов в практическую плоскость.

Вместе с тем такая линия нынешнего руководства Турции, по мнению многих специалистов, - важнейшая составная часть новых раскладок сил, формирующихся на Ближнем Востоке и в международных отношениях в целом.

В этой связи весьма примечательно опубликование авторитетным американским журналом *«Foreign Affairs»* (май-июнь 2022 г.) статьи американского ученого и политолога Кеннета Поллака «Ближний Восток не терпит вакуума. Уход Америки и предстоящая схватка за военное доминирование» [1].

В статье отмечается, что Ближний Восток в течение длительного времени жил в условиях, когда «всем управляли США». Они были способны убрать любого своего противника. Рядом с ними находился Израиль, «потрясающая военная компетентность которого и доступ к американскому оружию» давал ему почти такие же возможности. На другой стороне находились арабские страны, которые были не в состоянии вести современную войну. «Между этими двумя группами, но значительно ближе к слабому полюсу находились Турция и Иран» [1, р. 130].

Однако, пишет автор, в последнее время баланс военных сил начал меняться, и сейчас уже сложно определить, кто имеет стратегический приоритет [1, р. 131]. К.Поллак связывает это, в частности, со «сменой поколений» современных вооружений. Вместо очень дорогих и сложных в обращении самолетов в армию поступают совершенно иные изделия - недорогие и весьма эффективные дроны, включая микродроны, легко меняющие параметры полета, а также «стаи» дронов, которые могут дезорганизовать работу самых современных средств ПВО.

По мнению американского исследователя, в соревновании за обладание наиболее эффективными средствами ведения боя «образца XXI века» на Ближнем Востоке вперед вырвались именно турецкие вооруженные силы.

Ранее, отмечает К.Поллак, турецкие военные показывали довольно скромные результаты в борьбе с курдскими вооруженными формированиями. Однако после проведения ряда успешных операций с использованием дронов в Ливии Турция стала себя чувствовать гораздо увереннее, в т.ч. в Сирии.

¹ Автор был участником этих двусторонних консультаций.

По прогнозу автора, Турция будет принимать самое энергичное участие в разворачивающейся сейчас борьбе за лидерство среди ближневосточных стран, которые хотели бы использовать новую конъюнктуру, возникающую в связи с определенным снижением вовлеченности США в региональные дела на Ближнем Востоке.

То, что на прежнем Ближнем Востоке в сфере военного баланса казалось безусловным, в настоящее время рушится вследствие трансформации военных технологий. На данный момент, делает вывод автор статьи в «*Foreign Affairs*», «на Ближнем Востоке именно Иран и Турция в наибольшей мере воспользовались изменениями, и теперь они смогут шире проявлять свое влияние в военной сфере...» [1, p. 141].

О характере стратегических целей нынешней турецкой верхушки в регионе, в Сирии можно судить по «катехизису» современного «неоосманизма» - книге известного политического деятеля, в недалеком прошлом министра иностранных дел и премьер-министра Турции, Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина». Основная идея книги - Турция должна продвигать свои интересы, исходя из традиций и масштабов своего бывшего величия. Естественно, вначале она должна завоевать новые рубежи в своем непосредственном географическом окружении, где особую роль играет Сирия, воспринимаемая как страна, в состав которой вследствие особенностей исторического развития региона вошли территории, на которые многие в Турции привыкли смотреть как на «утраченные».

Примечательно, что Давутоглу включает в «ближайшее окружение» примыкающий к территории Турции обширный геополитический район мира - Черноморский бассейн, Ближний Восток, Персидский залив, Каспийское море [2, с. 177].

Для России указанные геополитические районы, как и для Турции, - это тоже ближайшее окружение. Отсюда для турецкой стороны появляется необходимость решения интересующих её вопросов с учетом позиции России.

«ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗМЕНЫ» РЕДЖЕПА ЭРДОГАНА

В ракурсе сирийской проблематики можно достаточно определенно говорить, что помощь, которую Анкара оказала и оказывает России, турецкая сторона явно хотела бы «разменять» на большее «понимание» своих собственных озабоченностей.

При деятельном содействии Анкары в 2017 г. были созданы т.н. зоны деэскалации в районах Идлиба, восточнее Дамаска, в провинциях Дераа и Сувейда, в регионе между Хамой и Хомсом. Создание этих зон было на тот период весьма выгодно Москве и Дамаску, т.к. эта мера ограничила сферу деятельности сил экстремистов.

Важнейшее значение имеет и линия Анкары, направленная на сохранение всех положений Конвенции Монтрё по проливам, включая ограничения на проход и пребывание в Черном море военных судов нечерноморских стран. Однако похоже, что эту свою линию Р.Эрдоган хотел бы «разменять» на признание «особых интересов» Турции на севере Сирии.

На эту специфику турецкой позиции указывали участники прошедшего 30 июня 2022 г. совместного заседания образованного недавно объединения востоковедов-ближневосточников - «Хакимовского клуба»² и Департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, в котором принимал участие посол России в Сирии А.В.Ерхов.

Вывод, к которому пришли участники встречи, - Анкара будет и далее проводить линию на своего рода «торг» по поводу конфигурации взаимной поддержки и получения встречных политических и экономических преференций за свою позицию³.

Важнейшей специфической чертой нынешней стадии взаимодействия между Турцией и Сирией является фактическое непризнание Анкарой легитимности правительства Асада. Турция относится к Сирии как к стране, где происходит гражданская война, ведутся, в т.ч. в формате международной коалиции, боевые действия против террористических группировок.

Из такого восприятия ситуации в Сирии Турция делает вывод о легитимности её собственных силовых действий - по аналогии с действиями международной антитеррористической коалиции с участием США в пределах национальных границ другого государства - Сирийской Арабской Республики.

Север Сирии, где эти действия ведутся, - район с очень сложной структурой этноконфессиональных групп населения. До начала военных столкновений большинство проживавших здесь граждан Сирии были

² Хакимовский клуб - общественная организация дипломатов, востоковедов, арабистов, созданная в 2022 г. в Москве для изучения процессов, происходящих в ближневосточных странах, и выработки предложений по активизации связей РФ с государствами региона (прим. авт.).

³ Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации, Раздел Общественные организации, Ассоциация российских дипломатов. «Круглый стол» по проблематике отношений с Турцией. 05.07.2022.

арабами-мусульманами, имелось значительное по своим размерам курдское меньшинство. Кроме того, здесь проживали также христиане (в т.ч. этнические арабы), изиды, армяне, туркоманы, некоторое количество выходцев с Северного Кавказа [3].

Отношения Дамаска с Анкарой, в т.ч. в контексте ситуации на севере Сирии, складывались неровно. В 1980-е - 1990-е гг. Сирия поддерживала левую политическую партию марксистского толка - Турецкую Рабочую партию, пытаясь найти дополнительные возможности давления на Турцию в сложных и очень важных для обеих сторон переговорах о распределении водных источников [4]. Естественно, это серьезно повлияло и во многом предопределило отношение Турции к руководству Сирийской Арабской Республики.

Однако в основе политического курса Анкары лежали и лежат не «обиды» на сирийских руководителей, а соображения долговременного, стратегического характера, в т.ч. связанные с возможной перекройкой территориальных границ в регионе.

Сирийская проблематика заняла во внешней политике Турции весьма значительное место. Египетский эксперт по Турции Шаймаа Магид в своей недавней аналитической статье, посвященной истории взаимоотношений Анкары и Дамаска в последние десятилетия, отмечала: «Сирия всегда оставалась в центре региональных факторов, влиявших на роль Турции на Ближнем Востоке. Географическое положение, общая история, общие озабоченности в сфере безопасности предопределили характер двусторонних отношений и широкий спектр поведения Турции в регионе - от замирения и сближения со своим соседом до обострения отношений и использования военной силы [4, р. 1].

В первое десятилетие XXI в., в т.ч. и после прихода к власти в Турции Партии справедливости и развития и её руководителя Р.Эрдогана, в подходе Анкары к Дамаску превалировало стремление к улучшению отношений, в т.ч. на уровне руководства.

Так, было принято знаковое решение об отмене виз для граждан двух стран, развивалось сотрудничество в торгово-экономической сфере, наблюдалось некоторое продвижение в формировании единых подходов к решению водных проблем Тигра и Евфрата, в 2004 г. было разработано Соглашение о свободной торговле. Всё это свидетельствовало о довольно динамичном развитии добрососедских отношений [4, р. 2].

Ситуация стала быстро меняться после мартовских событий 2011 г. и начала общественно-политического конфликта в Сирии, постепенно переросшего в гражданскую войну.

Как представляется, Р.Эрдоган пытается использовать ослабление своего соседа - системный кризис сирийской государственности, а затем и гражданскую войну, - чтобы укрепить свои позиции в регионе.

На первом этапе сирийских событий турки попытались взять под свой контроль оппозиционные правительству Асада элементы. Именно в Турции, а именно в Стамбуле и Анкаре, проходили различные встречи оппозиционных лидеров, которые жестко ставили вопрос о «замене Асада» и приходе к власти в стране новых сил.

Один из ведущих российских специалистов по Турции П.В.Шлыков, характеризуя политику Турции в период с 2010-х гг., отмечает: «Приоритетным для Анкары представлялось обеспечение свободы маневра и создание основы для наступательного наращивания своего влияния в регионе. Такую логику можно увидеть в желании Турции на начальном этапе «арабской весны» выступить посредником между противоборствующими сторонами - пошатнувшимися режимами и оппозиционными силами. Успехов на этом поприще Анкара не добилась ввиду ограниченности возможностей и негативной реакции на турецкую активность. Турция стала искать новых союзников в регионе, которыми стали Катар, египетские «братья-мусульмане» и сирийская оппозиция» [5].

Однако попытки разыграть карту сирийской оппозиции только лишь осложнили ситуацию в САР и привели к резкому ухудшению отношений Анкары и законных властей в Дамаске. Естественно, это относится и к личным отношениям Р.Эрдогана и Б.Асада, которые ранее носили «почти дружеский» характер.

Сейчас можно с уверенностью говорить о том, что турецкие руководители не смогли правильно спрогнозировать траекторию развития сирийского кризиса, полагая, что всё пойдет по сценарию американцев, ранее отстранивших от власти многолетних руководителей в Ираке и в Ливии. По-видимому, Р.Эрдоган мог допустить стратегический просчет, «сделав ставку» на непримиримую сирийскую оппозицию, предав тем самым своего партнера - президента Сирии Б.Асада.

Резолюции Совета Безопасности ООН в первые годы сирийских событий также фактически признавали необходимость замены президента Б.Асада и органов государственной власти на некие «переходные» структуры, а затем, после принятия новой конституции и проведения под международным контролем выборов, - «посткризисные» институты власти и управления⁴.

⁴ Резолюция СБ ООН 2254 (2015), принята Советом Безопасности на его 7588-м заседании 18 декабря 2015 г. (прим. авт.).

На позицию Анкары в дальнейшем повлиял переход в новую стадию вооруженного противостояния после создания на территории Ирака, а затем и Сирии «Исламского государства» (ИГ). Это «перевело» сирийский кризис из внутреннего конфликта в часть борьбы международного сообщества с терроризмом.

Смысл резолюций ООН заключался в том, что сирийская территория теперь становилась особой зоной, где ранее существовавшее национальное руководство утратило свои суверенные административные полномочия, их захватили международные террористы, которых необходимо было уничтожать всеми дозволенными способами.

Опираясь на аргументы о необходимости участия в международной борьбе с террористическими объединениями и группами, Анкара получала доступ к приграничным регионам Сирии. Турция при этом настаивала на включении в список международных террористов Рабочей партии Курдистана и других организаций курдских националистов, стоявших на жестких позициях.

Аргументация турецкой стороны имеет во многом необъективный, предвзятый характер. Важно подчеркнуть, что курдские формирования не ведут военных действий на территории Турции. Инциденты, ставшие сегодня основой для антикурдских обвинений Анкары, происходят на территории Сирии⁵.

Анкара постаралась максимально использовать в своих интересах вопрос о приеме на турецкой территории сирийских беженцев. Известный специалист по Турции, старший научный сотрудник Института исследований мира в Осло Пинар Танк отмечала, что Турция благодаря размещению на своей территории 3,6 млн сирийских беженцев и оказанию им гуманитарной помощи получила возможность представлять себя как «гуманитарную супердержаву», что выгодно отличало её от европейцев, вставших на путь антииммиграционных действий [6].

Турецкие представители распространяют данные о том, что Анкара заняла «первую позицию по этому показателю в мире», при этом на Сирию приходится порядка 70% всех выделяемых ассигнований гуманитарного характера [6, р. 91].

Фабрис Баланше, известный французский политолог и специалист по международным отношениям, профессор Лионского университета, отмечал: «Главной целью Турции в Сирии с момента её сближения с Москвой в августе 2016 г. является уже не свержение Башара Асада, а уничтожение курдской автономии. Анкара рассматривает курдское государство на севере Сирии как угрозу своей целостности, поскольку оно способствует росту сепаратизма среди турецких курдов. Автономная администрация Северной и Восточной Сирии (AANES) находится под защитой формирований курдских ополченцев (YPG), которые имеют тесные связи с РПК... Эрдоган хочет построить арабский и исламистский пояс на севере Сирии, который будет соединять Средиземное море и Тигр. Такая идея частично уже реализована - между Идлибом и Джераблусом под турецким протекторатом»⁶.

Как представляется, на сегодняшний день в подходах Р.Эрдогана к ситуации на севере Сирии преобладают соображения долговременного характера.

Речь идет о попытках за счет переселения на северные территории Сирии беженцев из числа лояльно настроенных к Анкаре сформировать квазигосударственные образования, которые будут в равной степени враждебны и официальным властям Дамаска, и курдским органам самоуправления. Таким образом, Анкара ведет дело к изменению в будущем статуса этих территорий, фактическому переходу их под административное управление Турции.

Интересный и весьма красноречивый обобщающий материал, характеризующий политику Турции на оккупированных ею территориях, приводится в статье российского специалиста-тюрколога И.С.Касымовой «О политике Турции по укреплению своего присутствия на северных территориях Сирии» [7].

Как отмечает автор, Анкара ведет гуманитарную и духовно-просветительскую деятельность, в т.ч. продвигая исламское воспитание и образование в соответствии с принятыми в Турции канонами [7, с. 23]. Турецкие специалисты готовят лояльные им силы правопорядка, в т.ч. обучая более 10 тыс. представителей протурецкой «Сирийской национальной армии». Зарплата работников органов правопорядка выдается в турецких лирах. Создаются центры гуманитарной помощи населению, формируются местные органы власти - меджлисы. Идет масштабное строительство современных дорог и коммуникаций. Вносятся серьезные корректировки в программы обучения. В школах вводится преподавание турецкого языка. «Все эти меры,- делает вывод И.С.Касимова, - будучи классическим образцом “мягкой силы”, обращенные главным образом на детей и молодежь, направлены на формирование и закрепление положительного отношения к Турции» [7, с. 27-28].

⁵ На это указывает исследователь Немецкого института международных отношений и безопасности (SWP) Салим Челик. См.: [11].

⁶ Le Figaro, 06.06.2022.

АНКАРА АДАПТИРУЕТ СВОЮ ЛИНИЮ

1 июня 2022 г. Р.Эрдоган заявил, что Турция вскоре начнет новое военное наступление против курдских боевиков на северо-востоке Сирии. По словам Эрдогана, цель операции - расширить зоны контроля турецких вооруженных сил в Сирии на глубину до 30 км вдоль общей границы двух стран.

Что касается официально выдвигаемых доводов в пользу проведения такой операции, представители Анкары указывают на необходимость формирования по периметру турецко-сирийской границы такого «пространства безопасности», где можно было бы разместить временно перемещенных лиц и сирийских беженцев, в т.ч. тех, кто в настоящее время находится на территории Турции.

Ясин Актай, один из помощников Р.Эрдогана, член парламента от Партии справедливости и прогресса, руководитель турецкой группы Межпарламентского союза, в своей статье в проправительственной газете «*Yeni Şafak*» («Новый рассвет») отмечал: «...Безопасная зона, за создание которой Турция выступает в Сирии, сузит диапазон действия режима Асада и сдержит волны миграции в Турцию благодаря размещению мигрантов на территории самой Сирии. Таким образом, сирийцам не придется покидать свою родину в поисках убежища... Просьба Турции о создании безопасной зоны в Сирии на самом деле - самый короткий, логичный, реалистичный и гуманный способ разрешения нынешнего кризиса...»⁷.

В Анкаре есть немало сторонников более жестких действий, «ускоренного» укрепления турецких позиций на севере Сирии. Некоторые военные также считают большой ошибкой то, что планы проведения силовых операций обсуждаются в СМИ, раскрываются заблаговременно.

Так, 11 июня 2022 г. министр обороны Турции, отвечая на вопрос корреспондента турецкой газеты относительно сроков планируемой операции, сказал: «Можно ли проводить операцию, когда о ней так много говорят и комментируют её подготовку?.. Операция - это математика, это логистика. У нас всё рассчитано и спланировано, и действия предпринимаются в нужное время и в нужном месте. Наша цель - нейтрализовать террористов. И наша борьба будет продолжаться до тех пор, пока не будет нейтрализован последний террорист»⁸.

Такие высказывания и планы Турции вызывают острую негативную реакцию в Дамаске. В интервью телеканалу «Россия сегодня» президент Б.Асад очень прагматично и вместе с тем определенно говорил об отношении Дамаска к созданию Турцией т.н. буферной зоны на территории Сирии. «Любое вторжение, - заявил президент, - сразу же сталкивается с народным сопротивлением... Любые территории, занятые хоть турками, хоть террористами, со временем будут освобождены...» [8].

Информационный арабский портал «Монитор» 10 июня 2022 г. отмечал, что Тегеран «пытается отговорить Турцию от нового вмешательства в Сирии, одновременно проводя военные приготовления на месте, чтобы защитить свои интересы на фоне растущего раскола между двумя соседями». Издание полагает, что рядом с зоной, на которую претендуют турецкие военные, располагаются два крупных поселения шиитов - Захра и Нубл, рядом располагается стратегически важный сирийский город Алеппо. Считается, что именно эти поселения вместе с Тель-Рифаатом являются военными «воротами» к Алеппо. В материале приводятся данные о том, что иранский Корпус стражей исламской революции оказывает во всё возрастающих масштабах помощь сирийским правительственным войскам и союзным с ними ополченцам из числа курдских формирований⁹.

По мнению специалистов, Р.Эрдоган при планировании масштабов и характера силовой акции всё же вынужден будет учитывать мнение Москвы, Вашингтона, Тегерана, региональных стран.

В силу этого как компромиссная развязка возможен вариант переноса планируемой акции или же её проведение в ином, ограниченном варианте - продвижение в районе Тель-Рифаата и нескольких мелких населенных пунктов на северо-западе Сирии. Прогнозировалось, что турецкие представители и далее будут говорить о своих силовых акциях в контексте «общей борьбы с террором».

Вопрос о ситуации на севере Сирии, в т.ч. в контексте планов осуществления Турцией новой военной операции, обсуждался в ходе трехсторонней встречи президентов России, Турции и Ирана в Тегеране 19 июля 2022 г. и на встрече В.В.Путина с Р.Эрдоганом в Сочи 5 августа 2022 г.

Участники переговоров, учитывая деликатный характер этой проблемы, не стали выносить на публичное обсуждение детали состоявшихся по этому вопросу бесед. Важно отметить, что все три руководителя подчеркивали актуальность принципа сохранения территориальной целостности Сирии.

Российская сторона в открытых выступлениях проявила дипломатическую «находчивость» в деликатном для Москвы вопросе о критике планов военной акции Анкары на севере Сирии и в целом - относительно-

⁷ Yeni Şafak, 04.06.2022.

⁸ Ibid., 11.06.2022.

⁹ См.: <https://www.al-monitor.com/originals/2022/06/iran-turkey-brace-face-syria> (accessed 12.07.2022)

но пребывания там турецких военных. Москва явно была не заинтересована, чтобы Анкара отошла от поддержки интересов РФ по целому ряду направлений, в том числе это касается присутствия иностранных флотов в Черном море.

В этом отношении примечательно мнение, которое высказал по поводу особенности ведения дел с Анкарой академик А.М.Васильев: «На сочетании общих интересов и стремлении сузить или игнорировать противоречия будут строиться отношения России и Турции с учетом появления здесь и в Сирии негосударственных акторов, в частности курдов». При этом автор иронично замечает, что «в курдском вопросе Россия по-прежнему “сидит на заборе”». Позиция некомфортабельная, но лучшей пока нет» [9].

Вместе с тем в официальных заявлениях Москва акцентировала необходимость вывода находящихся без согласия правительства Сирии иностранных войск с территории страны. При этом основной упор был в публичном поле сделан на возвращении сирийского контроля над территориями, где находятся американские войска.

В интересах России - поддержка позиции Сирии, которая в сегодняшних весьма сложных условиях последовательно поддерживает РФ по всем международным проблемам, включая ситуацию на Украине.

В этом плане можно согласиться с мнением известного российского африканиста О.И.Тетерина, который ставил вопрос о том, чтобы наша страна «помнила добро» и неизменно отвечала взаимностью на поддержку афро-азиатскими странами позиции нашей страны в международных делах [10].

Президент РФ В.В.Путин сделал на трехсторонней встрече в Тегеране следующее заявление: «Подчеркну, что особую обеспокоенность вызывает положение дел на неподконтрольных сирийским властям территориях. Видим, что из данных районов исходят реальные угрозы преступности, экстремизма, сепаратизма. Во многом этому способствует деструктивная линия западных государств во главе с Соединенными Штатами, которые используют широкий арсенал средств политического и экономического воздействия, всячески поощряют сепаратистские устремления в отдельных районах страны, грабят её природные ресурсы с тем, чтобы в конечном итоге довести дело до расчленения Сирийского государства. Поэтому желательно, чтобы в нашем трехстороннем формате были предприняты дополнительные шаги, направленные на стабилизацию обстановки в этих районах и их возвращение под контроль законного правительства Сирии»¹⁰.

Естественно, положение о возвращении под контроль Дамаска всех своих территорий относится в полной мере и к регионам, контролируемым турецкой стороной.

Вместе с тем, по мнению ряда специалистов, российская сторона всё же направила Анкаре дополнительные своего рода «сигналы» относительно своего отрицательного отношения к любым новым силовым акциям Турции в Сирии.

В «Независимом военном обозрении» 24 июня 2022 г. была опубликована статья, в которой приводились конкретные данные относительно того, что РФ не собирается уменьшать свое военное и военно-техническое присутствие в Сирии. При этом цель Москвы заключается в том, чтобы убедить Анкару отказаться от планов новой военной интервенции на севере Сирии, создания 30-километровой «зоны безопасности» на сирийской территории¹¹.

Под воздействием негативного отношения России и Ирана к идее нового наступления турецкой армии Анкара, по-видимому, решила отказаться от проведения широкомасштабного, как первоначально планировалось, наступления. Однако есть основания полагать, что вопрос о консервации на севере Сирии своего присутствия и возможности использования силовых методов не снят. Об этом, в частности, свидетельствует новая вспышка напряженности на севере Сирии в ноябре 2022 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В интересах России - обеспечение территориальной целостности и суверенитета Сирии. Проводить этот курс, по-видимому, важно было бы, не форсируя развитие событий, реалистично оценивая соотношение сил внутри Сирии и в регионе. Важно по возможности избегать обострения отношений с нынешними руководителями Турции. Вместе с тем мы должны вести дело к возвращению всех сирийских территорий под контроль законного правительства в Дамаске. По большому счету, с точки зрения создания в регионе прогнозируемой, стабильной ситуации, такое развитие событий соответствует и национальным интересам самой Турции.

¹⁰ Сайт Президента Российской Федерации. Информационное сообщение «Встреча глав государств-гарантов Астанинского процесса содействия сирийскому урегулированию». 19 июля 2022 г.

¹¹ Независимое военное обозрение. № 23, 24-30 июня 2022 г.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Kenneth M. Pollack. The Middle East Abhors a Vacuum. America's Exit and Coming Contest for Military Supremacy. *Foreign Affairs*. May/June 2022.
2. Ahmet Davutoglu. 2010. Strategic Depth: Turkey's Role in the International Arena. 646 p.
3. Thematic report return context monitoring. № 6. Operation Peace spring and potential Turkish intervention scenarios. *IMMAP papers*. Jordan. 2022.
4. Shaimaa Magues. Turkey's Role in Syria: A Prototype of its Regional Policy in the Middle East. *E-International Relations*. September 21, 2021.
5. Шлыков П.В. Внешняя политика Турции в постбиполярной системе координат. *Международная аналитика*. 2021, том 12(2), с. 145.
Shlykov P.V. 2021. Turkey's foreign policy in the post-bipolar coordinate system. *International Analytics*. 2021, volume 12(2), p. 145. (In Russ.)
6. Between Human and State Security: Turkey's Syria Policy under the Justice and Development Party (AKP). *The International Spectator*. 2021. Vol. 55, № 4. P. 84.
7. Касымова И.С. О политике Турции по укреплению своего присутствия на северных территориях Сирии. *Исламоведение*. 2021, № 3, с. 22-33.
Kasymova I.S. 2021. On Turkey's policy to strengthen its presence in the northern territories of Syria. *Islamic studies*. 2021, № 3, p. 22-23. (In Russ.)
8. Интервью президента САР Башара Асада. *Бюллетень МИА «Россия сегодня»* (RT Arabic). 10.06.2022.
Interview with Syrian President Bashar al-Assad. *RIA Bulletin "Russia Today"* (RT Arabic). 10.06.2022.
9. Алексей Васильев. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М., Центрполиграф, 2018, с. 620. ISBN 978-5-227-07511-6
Alexey Vasiliev. 2018. From Lenin to Putin. Russia's Middle East Policy. P. 620. Moscow. (In Russ.) ISBN 978-5-227-07511-6
10. Олег Тетерин. Вспоминая Африку (важное... и не очень). М., 2019, с. 252. ISBN 978-5-0050-5951-2
Oleg Teterin. 2019. Remembering Africa (important issues... and not so important). P. 252. Moscow. (In Russ.) ISBN 978-5-0050-5951-2

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бакланов Андрей Глебович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, профессор, руководитель секции исследований стран Ближнего Востока и Северной Африки, НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Andrey G. Baklanov, PhD (History), Senior Researcher, Professor, Head, Middle East & North Africa Section, HSE University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 21.09.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 18.10.2022

Принята к публикации
(Accepted) 29.11.2022

Южная Африка: трудные времена

© Шубин В.Г.^а, 2022^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-9944-5135; vlgs@yandex.ru

Резюме. Статья рассматривает развитие событий в ЮАР в период после прихода к власти в феврале 2018 г. президента Сирила Рамафосы. В ней показано, что в первые годы своего правления президент, выдвинувший лозунг «Новый рассвет», пользовался популярностью, что отразилось на результатах парламентских выборов в 2019 г. Однако постепенно ситуация в стране ухудшилась.

Тяжелым ударом по экономике ЮАР стали несколько волн пандемии *COVID-19*. Первоначально решительные шаги, принятые президентом, приветствовались, несмотря на их жесткость. Но продолжавшееся ухудшение экономической ситуации, задержки с массовой вакцинацией и особенно раскрытие фактов коррупции, связанной с приобретением средств индивидуальной защиты, изменили настроения.

Следующим опасным испытанием для Южной Африки стали беспорядки в июле 2021 г., поводом для которых послужил арест экс-президента Джекоба Зумы, приговоренного Конституционным судом ЮАР к 15-месячному заключению за «неуважение к суду». В ходе их погибло не менее 350 человек, а общие потери экономики страны оцениваются в 50 млрд рандов. Наконец, шансы Рамафосы на переизбрание на пост президента Африканского национального конгресса на предстоящей (16-20 декабря 2022 г.) конференции АНК резко снизились, когда началось расследование кражи большой суммы в долларах, которая незаконно хранилась на его ферме.

Ключевые слова: Южная Африка, Африканский национальный конгресс, Сирил Рамафоса, Нкосазана Дламини-Зума, Линдиве Сисулу, «Фармгейт»

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Шубин В.Г. Южная Африка: трудные времена. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 12. С. 31-38. DOI: 10.31857/S032150750023559-6

South Africa: Hard Times

© Vladimir G. Shubin^a, 2022^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-9944-5135; vlgs@yandex.ru

Abstract. The article examines the development of events in South Africa in the period after President Cyril Ramaphosa came to power in February 2018. It shows that in the first years of his rule the president who put forward the slogan “New Dawn” was popular, which was reflected in the results of the parliamentary elections in 2019. However, gradually the situation in the country deteriorated.

Several waves of the Covid-19 pandemic have become a heavy blow to the economy of South Africa. Initially, the decisive steps taken by the President were welcomed, despite their rigidity. However, the continuing worsening of the economic situation, delays in mass vaccination, and especially the disclosure of corruption related to the purchase of personal protective equipment, have changed the people’s mood. The next ordeal for South Africa was the riots in July 2021, the trigger for which was the arrest of ex-President Jacob Zuma whom the Constitutional Court of South Africa sentenced to 15 months in prison for “contempt of court”. At least 350 people died during them, and the total losses of the country’s economy are estimated at 50 bln rands.

For a long time, it was believed that Ramaphosa would have no competitors in the elections for the post of president of the ruling party at its upcoming conference from December 16 to 20, 2022, but as his popularity fell, they began to manifest one after another: Nkosazana Dlamini-Zuma who lost to Ramaphosa the election with a small margin of votes in 2017 and Lindiwe Sisulu, both ministers, as well as Zweli Mkize, nominated by the ANC provincial organisation in KwaZulu-Natal. Moreover, Ramaphosa’s chances of being re-elected as ANC president decreased sharply when an investigation began into the theft of a large amount of dollars that was illegally stored on his farm.

Keywords: South Africa, African National Congress, Cyril Ramaphosa, Nkosazana Dlamini-Zuma, Lindiwe Sisulu, “Farmgate”

For citation: Vladimir G. Shubin. South Africa: Hard Times. *Asia and Africa today*. 2022. № 12. Pp. 31-38. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750023559-6

ВВЕДЕНИЕ

1 июня 2022 г. Артур Фрейзер, ранее возглавлявший Департамент исправительных учреждений ЮАР, открыл в одном из полицейских участков Йоханнесбурга дело в отношении Сирила Рамафосы - президента этой страны и правящей партии АНК.

Дело это было связано с кражей еще в феврале 2020 г. на ферме «Пала-Пала», принадлежащей Рамапосе, нескольких миллионов долларов США (называлась сумма от 4 до 8 млн). В 12-страничном заявлении Фрейзер обвинил Рамапосу в ряде преступлений, включая похищение людей, взяточничество, отмывание денег и сокрытие преступления.

Скандал, получивший название «Фармгейт» (по аналогии с «Уотергейтом», стоившим поста президента США Ричарду Никсону), стал еще одним ударом по провозглашенному после прихода Рамапосы к власти в феврале 2018 г. курсу на «новый рассвет» (подробнее см.: [1]). Тогда он заверил южноафриканцев, что «новый рассвет» ознаменует конец эпохи снижения доверия к государственным институтам и к лидерам, проведение реиндустриализации, которая привлечет в экономику миллионы людей, ищущих работу, строительство новых фабрик и дорог, домов и клиник.

НАСТУПИЛ ЛИ РАССВЕТ?

Можно, однако, напомнить, что в начале 1990-х гг. в Южной Африке популярным термином, часто используемым, в частности, лауреатом Нобелевской премии мира 1984 г. архиепископом Десмондом Туту, был другой - «радужная нация». Однако позже, когда ситуация в ЮАР стала развиваться не столь позитивно, как многие ожидали, появилась горькая шутка: «Радуга - всего лишь оптический обман». А теперь появилось другое, не менее горькое выражение: «Это новый рассвет или вечные сумерки?»

В любом случае, рассвет не может быть долгим, и приходит новый день, будь он хорошим или плохим. Однако в таких простых терминах сложно оценить события в ЮАР во время правления Рамапосы. Правда, под его руководством АНК первоначально восстановил моральный авторитет и доверие народа, утраченные во время правления Джекоба Зумы (2009-2018). Это подтвердили результаты выборов в парламент и законодательные собрания 9 провинций ЮАР¹ 8 мая 2019 г., когда АНК получил 57,5% голосов (62,15% на выборах 2015 г.) - на 5% больше, чем на местных выборах в ноябре 2017 г. до отставки Зумы.

Тяжелым ударом по экономике ЮАР стала пандемия *COVID-19*. Первоначально решительные шаги, предпринятые президентом, полная изоляция, включая запрет на продажу и транспортировку алкоголя и табака, приветствовались, несмотря на их жесткость. Однако продолжавшееся ухудшение экономической ситуации, задержки с массовой вакцинацией и особенно раскрытие фактов коррупции, связанной с приобретением средств индивидуальной защиты, изменили настроения. В то время самой популярной политической фигурой после Рамапосы был министр здравоохранения д-р Звели Мкизе, которого многие считали его преемником (он получил наибольшее количество голосов на прямых выборах членов Исполкома АНК в 2017 г.), так что разочарование было особенно глубоким, когда его самого обвинили в коррупции, и он вынужден был подать в отставку.

Рамапоса отреагировал на эти события резким (возможно, слишком резким) открытым письмом: «Сегодня АНК и его лидеры обвиняются в коррупции. Африканский национальный конгресс может и не быть на скамье подсудимых один, но он находится там как Обвиняемый № 1. Это суровая реальность, с которой мы должны теперь столкнуться. На своем заседании Национальный исполнительный комитет АНК признал законным общественное возмущение, вызванное недавними сообщениями о коррупции. В нём говорится, что эти события заставляют нас коллективно опускать головы от стыда и смиряться перед людьми» [2].

КОМИССИЯ ЗОНДО

Еще в августе 2018 г. начала работать «Юридическая комиссия по расследованию обвинений в захвате государства, коррупции и мошенничестве в общественном секторе, включая органы государства», но чаще её называли «Комиссией Зондо» по имени являвшегося тогда заместителем председателя (а ныне - председателя) Верховного суда ЮАР Реймонда Зондо. Неколлегияльность её состава (она состояла лишь из одного человека), отсутствие должного перекрестного допроса свидетелей, политизация её работы создавали опасность для эффективного достижения официально провозглашенных целей и положительного исхода работы этой следственной комиссии [3]. Кроме того, это мероприятие было довольно дорогостоящим, сроки её работы несколько раз продлевались, и потраченные деньги составили до 1 млрд рандов (примерно \$60 млн) [4]. Можно также добавить, что расследование в рамках Комиссии на месяцы, а то и годы, затянуло возбуждение уголовных дел против явных коррупционеров.

Однако в любом случае её деятельность, особенно показания свидетелей, являются ценным источником информации о политической и экономической жизни Южной Африки в последние годы. В частности,

¹ Южно-Африканская Республика разделена на 9 провинций (прим. ред.).

на заседаниях «Комиссии Зондо» было выявлено много фактов, наносящих ущерб не только Зуме, но и Рамапосе и его коллегам в нынешнем правительстве. Утверждалось, в частности, что ряд руководителей АНК получали взятки (денежными средствами или услугами) от компании «Босаса», выполнявшей контракты по заказам правящей партии. 500 тыс. рандов были выделены ею на кампанию CR-17 (т.е. Сирил Рамапоса-2017), направленную на содействие избранию Рамапосы на пост президента АНК на съезде в декабре 2017 г. Причем изначально президент ошибочно информировал парламент, что эти деньги были платой его сыну за работу, проделанную для «Босасы».

Затем показания Сидни Муфамеди, бывшего министра общественной безопасности, возглавлявшего специальную комиссию «по оценке мандата, потенциала и организационной целостности» Агентства государственной безопасности ЮАР (ССА), показали, что её доклад, направленный Рамапосе много месяцев назад, содержал резкую критику деятельности ССА под руководством Фрейзера, занимавшего пост его генерального директора.

Только после этого президент сделал доклад достоянием гласности: «Ключевой вывод комиссии заключается в том, что за последнее десятилетие или более имели место политические злоупотребления..., что привело к почти полному игнорированию Конституции, политики, законодательства и других предписаний» [5].

Тем не менее большая часть рекомендаций С.Мафумеди комиссии до сих пор не выполнена. Артуру Фрейзеру пришлось покинуть свой пост, но весьма специфическим образом: его перевели на равноценную должность в Департамент исправительных учреждений, и он занимал её вплоть до окончания контракта.

Сам Рамапоса должен был предстать перед «Комиссией Зондо» и дать свои показания как лидер АНК, а затем как бывший заместитель Зумы и как нынешний глава государства. Пытаясь объяснить свое «бездействие», он сказал, что лучший способ борьбы с захватом государства - изнутри правительства и правящей партии, и поэтому он сохранял пост, пока коррупция была в самом разгаре: «Последний вариант, который я выбрал, заключался в том, чтобы остаться на посту заместителя президента, не уходить в отставку, не соглашаться и не присоединяться или не вступать в конфронтацию, чтобы противостоять злоупотреблениям и добиваться изменений там, где мы могли» [6]. Однако его аргументы не были убедительными для многих южноафриканцев.

Всего в 6-томном докладе «Комиссии Зондо» содержится 385 рекомендаций, включая «длинный список» лиц, которые должны быть привлечены к уголовной ответственности. Однако эти рекомендации не были в срок выполнены правительством, хотя Рамапоса заверял, что «политическая воля» сделать это есть [7].

БЕСПОРЯДКИ В ИЮЛЕ 2021 ГОДА

Все эти события проходили на фоне длящегося уже два десятка лет разбирательства в связи с обвинением Джекоба Зумы в коррупции при закупке ЮАР оружия, слушания по которому недавно были вновь перенесены - на этот раз на 30 января 2023 г. Однако уголовному наказанию он подвергся совсем по другому делу: 29 июня 2021 г. Конституционный суд ЮАР приговорил его к 15-месячному заключению за «неуважение к суду», выразившееся в отказе от дачи показаний во время работы «Комиссии Зондо».

Зума должен был явиться для ареста в полицейские участки в Нкандле в провинции Квазулу-Наталь, где находится его, выражаясь привычным нам языком, усадьба, или в центральном Йоханнесбурге не позднее 4 июля 2021 г. Поскольку Зума добровольно не явился в полицию, её командование было обязано в течение трех дней, т.е. до полночи 7 июля арестовать его. К усадьбе Зумы уже стали стягиваться силы полиции, но еще раньше для недопущения его ареста там собрались его сторонники, в т.ч. члены т.н. Ассоциации ветеранов «Умконто ве сизве» (военного крыла АНК).

Случилось так, что в ту ночь я находился в Южной Африке, в Кейптауне, и наблюдал за развитием событий по телевидению. Обстановка заметно накалялась, но ближе к полуночи колонна служебных автомобилей выехала из усадьбы. Первоначально сообщалось, что Зума остался в своем доме, а в машинах находились высокопоставленные чиновники, приехавшие ранее, но не сумевшие убедить его явиться в полицию. Однако через несколько минут эта информация была уточнена - именно бывший президент покинул поместье и отправился в недавно построенное «исправительное учреждение» в г. Эсткорт, считающееся образцовым. Впрочем, в заключении Зума пробыл лишь два месяца, да и то в тюремной больнице, а затем упомянутый выше Фрейзер предоставил ему «помилование по медицинским показателям».

Казалось бы, худшего удалось избежать, но уже на следующий день в родной провинции Зумы - Квазулу-Натале - начались беспорядки, которые в воскресенье 11 июля перекинулись и на центральную провинцию страны - Хаутенг, где находятся крупнейший город ЮАР - Йоханнесбург и её административная столица - Претория (Тсване). Отдельные нарушения общественного порядка имели место и в двух других провинциях, но 5 из 9 провинций страны ими затронуты не были.

Таким образом, арест Зумы как бы послужил «триггером» и катализатором волнений, потери от которых, и человеческие, и материальные, были огромными. По официальным данным, в ходе беспорядков погибло не менее 350 человек, многие из них - в давке при разграблении магазинов, 5500 участников беспорядков было арестовано [8]. По данным комиссии, расследовавшей июльские беспорядки, общие потери экономики страны оцениваются в 50 млрд рандов (около \$3 млрд) [9].

Позднее президент С.Рамапоса признал, что «государство действовало не так быстро, как надо было», и назвал случившееся «уроком на будущее» [10]. Лишь после ввода на улицы для подавления беспорядков по приказу президента как главнокомандующего Южноафриканских национальных сил обороны сначала 2500, а затем и 25 тыс. солдат и офицеров трагический ход событий удалось остановить.

Сирил Рамапоса назвал эти события «*failed insurrection*», что можно перевести и как «неудавшееся восстание», и как «неудавшийся мятеж» [11]. По его словам, беспорядки «планировались и координировались», а их зачинщики «были хорошо организованы», но вопрос о том, кто эти люди, во многом остается открытым. Лишь более года спустя в г. Дурбан 20 человек предстали перед судом по различным обвинениям - начиная от заговора с целью совершения публичного насилия и заканчивая подстрекательством к поджогу [12].

Примечательно, что у протестующих не было политических лозунгов, а нападения на офисы правящей партии нигде в стране не были зафиксированы. Еще одна особенность этих событий - отсутствие конфликтов между африканцами и белыми. Единственный межрасовый конфликт произошел в Фениксе, традиционно индийском поселке, где местные дружинники убили более 30 человек - как мародеров, так и невиновных.

В то же время, хотя в ЮАР стараются не говорить об этническом факторе, вряд ли случайно, что погромы совершались в основном в провинциях Квазулу-Натале и Хаутенге, где в первой зулусы преобладают, а во второй составляют примерно четверть населения. Уход зулуса Зумы с поста президента, а затем и его заключение в тюрьму, хотя и ненадолго, вызвали недовольство у многих его соплеменников. Но те тысячи людей, которые участвовали в беспорядках, совершенно не обязательно были сторонниками Зумы. Не реализованы резолюции предыдущей конференции АНК ни о проведении земельной реформы, ни о создании государственного банка [13]. Растет социальное неравенство, очень высок уровень безработицы - по официальным данным он в нынешнем году достиг 33,9% [14], а среди молодежи безработных более половины. Усугубила ситуацию пандемия, которая привела к потере нескольких миллионов рабочих мест, закрытию предприятий, особенно малого бизнеса. Еще одной причиной недовольства, возможно, стало возобновление жестких ограничений, объявленных президентом Рамапосой в связи с новой вспышкой COVID-19. Создается впечатление, что у некоторых жителей наступил предел терпению, и они начали всё крушить на своем пути.

НАКАНУНЕ РЕШАЮЩЕГО СЪЕЗДА

В настоящее время в Южной Африке ситуация в плане безопасности довольно стабильная, но политически сложная. Разваливаются противостоящие АНК коалиции, что, в частности, привело к временной замене мэра Йоханнесбурга на представителя правящей партии. Возникают новые партии. Так, бывший председатель Верховного суда ЮАР М.Моегоенг возглавил Всеафриканское движение альянсов (*The All African Alliance Movement - AAAM*), а бывший лидер Демократического альянса М.Маймане заявил о создании партии «Построить единую Южную Африку» (*Build One South Africa - BOSA*).

Но и в правящей партии немало проблем, наиболее опасной из которых называют фракционность. В ЮАР в последние годы говорят о двух фракциях в АНК, которые чаще всего называют *CP-22* и *RET*. Первая объединяет тех, кто выступает за переизбрание на пост президента АНК С.Рамапосы на конференции в декабре 2022 г., а вторая - сторонников «радикальной экономической трансформации» (*Radical Economic Transformation*). О такой трансформации говорилось на предыдущей конференции АНК, но на практике она почти «полностью свелась к накоплению средств узкой черной элиты» [15].

Сторонники этой фракции считают Зуму жертвой нынешнего президента и других членов руководства АНК, которые якобы связаны с «белым монополистическим капиталом». Однако серьезным ударом по этой фракции стало открытие уголовного дела против её видного руководителя, генерального секретаря АНК Элиаса («Эйса») Махашуле. Он был отпущен под залог в 200 000 рандов, но не может участвовать в деятельности партии, т.к. отказался покинуть свой пост, как того требует правило АНК в отношении привлеченных к уголовной ответственности, и был временно исключен (*suspended*).

Долгое время считалось, что у Рамапосы не будет конкурентов на выборах на пост президента правящей партии на предстоящей с 16 по 20 декабря 2022 г. её конференции, но по мере падения его популярности они стали проявляться один за другим.

Если Рамапоса не раз говорил о «девяти потерянных годах» при предыдущем президенте (из которых, напомним, в течение четырех он сам был заместителем Зумы), то теперь в СМИ стали писать о «четырёх потерянных годах» уже его правления, а лозунги, выдвинутые им при приходе к власти, осмеиваются. Так, газета «*Sape Times*» писала: «Новый рассвет администрации Рамапосы стал ничем иным, как никогда не кончающимся кошмаром для бедных южноафриканцев, которые отчаянно пытаются удержать свои головы над водой» [16].

Прямо заявила о своих претензиях на пост президента АНК Нкосазана Дламини-Зума, у которой Рамапоса выиграл выборы с небольшим перевесом голосов в 2017 г. во многом благодаря тому, что её связывали с бывшим мужем Джекобом Зумой, хотя они уже много лет в разводе. Она является членом кабинета с 1994 г. с перерывом на пять лет, когда она возглавляла Комиссию Африканского Союза. Но против неё может сказаться её возраст - 73 года, впрочем, и Рамапосе 17 ноября 2022 г. исполнилось 70 лет. К тому же неясно, повысит ли её шансы публичное одобрение её кандидатуры Зумой, который и сам рассчитывает войти в новое руководство АНК, заняв пост его Национального председателя.

Еще ранее, в январе, свои политические амбиции, хотя и не напрямую, высказала Линдиве Сисулу - нынешний министр туризма. Стоит напомнить, что она уже выдвигала предварительно свою кандидату на пост сначала президента, а потом заместителя президента АНК в 2017 г., но проиграла Дэвиду Мабузе.

Линдиве Сисулу происходит из семьи известных борцов против апартеида. Сама она прошла военную подготовку в Советском Союзе. Её отец Уолтер Сисулу на момент своего ареста в 1963 г. являлся руководителем подполья АНК и Южно-Африканской коммунистической партии (ЮАКП), мать Альбертина была в 1980-х гг. сопредседателем Объединенного демократического фронта, брат Макс в 2009-2014 гг. - спикером Национальной ассамблеи, другой брат Звелаке - лидером журналистского сообщества Южной Африки, оппозиционного режиму апартеида.

Тем большее значение приобрела напечатанная в январе этого года её статья, а фактически открытое письмо под заголовком: «Эй, Мзанзи², мы видели справедливость?» Сисулу «покусилась» на два «неприкосновенных» в ЮАР понятия - Конституцию и судебный корпус. В статье задавался вопрос: «...Что эта прекрасная конституция сделала для жертв [режима апартеида], кроме как паллиатив (Панадол)? Если мы посмотрим вокруг, увидим море африканской бедности. ...Чем объяснить внезапное астрономическое богатство т.н. «освободителей» за столь короткий промежуток времени? Как некоторые... стали мультимиллионерами и миллиардерами, в то время как треть их сограждан томится на социальных пособиях?»

Линдиве Сисулу обрушилась и на тех, кто «интерпретирует неолиберальную конституцию», сравнив их с теми, кого в США называли «дворовыми неграми», а в конце статьи предупредила, что «грабежи в июле 2021 года стали массовым предупредительным выстрелом. Наша страна не может позволить себе второе и третье предупреждения» [17].

Статья Сисулу вызвала шквал критики. Дело дошло до того, что после её встречи с Рамапосой президентская администрация сообщила об «извинениях» со стороны Л.Сисулу, но она тут же опровергла это, продемонстрировав независимость и повысив тем самым свой авторитет. Отнюдь не случайно в ЮАР появилась информация, что Рамапоса рассматривал Л.Сисулу как своего возможного заместителя. Но писали и о другом тандеме - Дламини-Зума и Сисулу.

Нужно отметить, что Рамапоса стремился заручиться поддержкой союзника АНК по трехстороннему альянсу - ЮАКП. Выступая на съезде этой партии 15 июля 2022 г., он говорил об узах, связывающих две организации «в совместной борьбе в течение многих десятилетий», отметил, что компартия «выросла численно, выросла в своей мощи и влиянии», и тем самым «внесла вклад в укрепление демократического прогрессивного движения в нашей стране». Более того, он заявил о полной поддержке «решимости ЮАКП построить мощное социалистическое движение рабочих и бедноты» и призвал «членов и руководителей ЮАКП активно поддерживать и активно участвовать в обновлении и восстановлении Африканского национального конгресса», назвав её «интеллектуальным резервуаром нашего движения».

Рамапоса, даже если бы он этого хотел, не мог обойти вопрос о краже на его ферме и пообещал свое полное сотрудничество в любом расследовании «этой жалобы». В то же время он заявил: «Но я не позволю, чтобы эти обвинения удержали меня от того, что необходимо сделать для восстановления нашей экономики, я не позволю... удержать меня, отбить у меня желание заниматься той работой, которую я должен делать. Меня не запугать, не отвлечь и не заставить подчиниться» [18].

Нужно отметить, что в выступлении Рамапосы была еще одна немаловажная фраза, которая не вошла в текст, распространенный президентской администрацией. Рамапоса прибыл в зал заседаний съезда во время выступления представителя КППРФ В.Н.Тетёкина, которое было посвящено в основном событиям на

² «Мзанзи» («Южный» на языке *коса*) - так все чаще неофициально называют Южную Африку (прим. авт.).

Украине и давлению со стороны Запада, которому подвергается Россия. И в своем выступлении Рамапоса четко заявил: «Нас сильно критиковали за позицию, которую мы заняли... Но нам было ясно, что с политической точки зрения решение этого конфликта должно заключаться в том, чему нас учил великий Нельсон Мандела: решение конфликта - через диалог, решение конфликта - через переговоры. Мы продолжаем концентрироваться на этом, даже несмотря на то, что нам либо угрожали, либо нас шантажировали». А затем он напрямую обратился к «товарищу Славе» (как в ЮАР называют Тетёкина): «Товарищ Слава, мы остались очень ясными и твердыми, потому что политически мы очень четко придерживаемся своей позиции, и нас не сдвинуть с места и не сместить с той позиции, которую мы заняли».

Эти заверения Рамапосы приобретают особое значение, поскольку в будущем году ЮАР становится председателем БРИКС и там состоится саммит этого объединения.

Если участники съезда ЮАКП приветствовали Рамапосу, то совсем другой прием ждал 26 сентября Гведе Манташе (Национального председателя АНК) на съезде Конгресса южноафриканских профсоюзов (КОСАТУ), который также входит в трехсторонний альянс. Казалось бы, он более всего подходил, чтобы представлять АНК на съезде, - он сам долгое время был генеральным секретарем Национального союза шахтеров ЮАР, но ему просто не дали выступить. Более того, несколько профсоюзов, входящих в КОСАТУ, заявили, что не будут голосовать за АНК на всеобщих выборах в 2024 г. и призвали ЮАКП непосредственно в них участвовать, пообещав свою поддержку.

В свою очередь, присутствовавший на съезде генеральный секретарь ЮАКП Солли Мапаила под аплодисменты делегатов заявил, что партия примет в декабре решение о том, будет ли она самостоятельно выступать на выборах. Логично предположить, что решение это будет зависеть от хода и результатов предстоящей конференции АНК, хотя явно раздосадованный Г.Манташе заявил, что «ЮАКП публично вручила нам документы о разводе» [19]. Остается добавить, что Манташе и сам недавно был переизбран в состав ЦК ЮАКП.

Так или иначе, избрание Рамапосы на второй срок в качестве президента АНК можно было бы считать почти обеспеченным, если бы не расследование «Фармгейт». Уже в «исполнении» Фрейзера это дело выглядело как остросюжетный фильм - миллионы, спрятанные в диване; грабители-намибийцы, которые служили оккупационному режиму ЮАР, узнавшие о деньгах от нашедшей их прислуги; доллары, обмененные на ранды незаконно в китайской лавочке; каноэ, на котором один из грабителей вернулся на родину через р. Оранжевая; якобы переданные тем же грабителям за молчание по 150 тысяч рандов... С самого начала Рамапоса, признав факт кражи, отказался публично отвечать на вопросы, поскольку идет следствие: «Закон должен быть в состоянии действовать своим чередом, и должны соблюдаться надлежащие процессуальные процедуры» [20].

Можно сказать, что уже началась вторая серия этого «триллера»: например, дело о краже было всё же открыто, но лишь в августе этого года, и не сообщается, кем именно; появилась информация, что советник Рамапосы Беджани Чауке якобы незаконно ввозил в ЮАР большие суммы в долларах из Саудовской Аравии, Катар, Египта, Марокко и Экваториальной Гвинеи, используя частные чартеры [21].

Но появилась и другая информация: о том, что украдены были не миллионы, а \$580 тыс., полученные за продажу породистых буйволов суданскому бизнесмену, и о том, что долги руководителя охраны президента генерал-майора Валли Руде якобы были выплачены противниками Рамапосы за информацию о краже на его ферме³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С критикой Рамапосы и его реакции на «Фармгейт» в конце октября выступили три его предшественника на посту президента - Табо Мбеки, Кхалема Мотланте и Джекоб Зума, хотя выразились они по-разному. Если Мбеки не обвинял его напрямую, а Мотланте полагал, что Рамапоса что-то скрывает, то Зума не стеснялся в выражениях, называя своего бывшего заместителя «коррупционером» и даже «изменником государства» и «агентом ЦРУ».

Однако в АНК решающим считается мнение первичных организаций (*branches*), и именно от занятой ими позиции зависит список кандидатов на шесть высших постов в руководстве партии. Он был опубликован 22 ноября 2022 г. избирательным комитетом партии, который возглавляет экс-президент ЮАР Кхалема Мотланте, и выяснилось, что Рамапосу поддержали 2037 первичных организаций из 3543, а вторым кандидатом стал Мкизе, с которого ранее были сняты все обвинения, поскольку полиции пришлось признать их безосновательными. Однако из поддерживавших его 916 организаций 643 приходится на провинцию Квазулу-Наталь, где он ранее был премьером [22].

³ Из беседы автора с научным сотрудником южноафриканского Института глобального диалога, Москва. 23 ноября 2022 г.

Ни Дламини-Зума, ни Сисулу не попали в этот список кандидатов, но Устав АНК предусматривает возможность выдвижения кандидатов «с места», из зала заседаний, которые тоже должны быть включены в список, если за них при открытом голосовании выскажется не менее 25% делегатов. Этим положением и предполагает воспользоваться Дламини-Зума [23]. Не согласилась со своей неудачей и Сисулу, она утверждала, что её поддержало более 25% организаций и даже намеревалась подать в суд, если её имя не войдет в список кандидатов [24].

В то же время расследование, которому обещал содействовать Рамапоса, идет по нескольким линиям. Прежде всего, этим занимается полиция, представитель которой сообщил, что уже собрано более 40 письменных свидетельств; общественный защитник задал президенту 31 вопрос, на которые он, хотя и с опозданием, дал ответы, но они не были опубликованы.

Представлялось, что судьба Рамапосы решится на конференции АНК во многом в зависимости от того, чем закончатся указанные расследования, но они затягивались и вряд ли могли к тому времени завершиться. Однако оппозиция в парламенте добилась создания независимой комиссии, чтобы определить, есть ли достаточные основания для привлечения Рамапосы к ответственности, т.е. для начала процесса импичмента президента. Обсуждение доклада этой комиссии в парламенте должно было начаться 6 декабря, но когда 30 ноября его содержание было опубликовано, выяснилось, что, несмотря на представленные Рамапосой комиссии объяснения на 138 страницах, в нём утверждается, что президент нарушил несколько законов⁴, и требования его отставки усилились не только со стороны оппозиционных партий, но и в самом АНК. Было уже объявлено о его предстоящем «обращении к нации», в котором, как ожидалось, он объявит 1 декабря о своем уходе с поста президента. Но выступление Рамапосы было отложено, и его представитель В.Магвения заявил, что он рассматривает возможность обращения в суд с целью пересмотра выводов комиссии, «не подает в отставку из-за ошибочного доклада и не уходит в сторону»⁵. При этом Магвения сослался на принятые Рамапосой близко к сердцу призывы первичных организаций, выдвинувших его кандидатуру на второй срок, «продолжать служить АНК и народу Южной Африки»⁶.

Позиция Рамапосы была поддержана на состоявшемся 5 декабря заседании Национального исполкома АНК. После многочасового и напряженного обсуждения было принято решение не поддерживать на предстоящих парламентских дебатах упомянутый доклад комиссии, и при этом было подчеркнуто, что Рамапоса «остается президентом государства и АНК» [25].

Чем бы ни завершились эти события, нет сомнений в том, что они приведут к обострению соперничества на выборах руководства АНК на начинающейся 16 декабря конференции, особенно за пост президента этой партии.

Ждать осталось недолго.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Шубин В.Г. Южная Африка: новый рассвет? *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 1. С. 2-9. DOI: 10.31857/S032150750003337-2 Shubin V.G. 2019. South Africa: A new dawn? *Asia and Africa today*. № 1. Pp. 2-9. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750003337-2
2. Feketha Siviwe. The ANC may not stand alone in the dock, but it does stand as Accused № 1 - Ramaphosa. (iol.co.za) 23.08.2020.
3. Mezyaev Alexander. South African commission on so called state capture. *XV International Conference of Africanists. Destinies of Africa in the Modern World*. Moscow. May 24-28, 2021. Abstracts, pp. 544-545.
4. South Africa: State Capture Inquiry Cost Almost R1 Billion, but It Saved Billions More - Judge Zondo. <https://allafrica.com/stories/202106300964.html> (accessed 10.10.2022)
5. The Presidency. Republic of South Africa. President Ramaphosa releases Review Panel Report on State Security Agency. <http://www.thepresidency.gov.za/press-statements/president-ramaphosa-releases-review-panel-report-state-security-agency> (accessed 09.09.2022)
6. Ferreira Emsie. Ramaphosa confronted with too much evidence of his inaction. *Mail and Guardian*. 11.08.2021.
7. Lesego Chepape Tshepi Motloung. Video: State capture arrests so far - and who is missing. *Mail and Guardian*. 07.10.2022. <https://mg.co.za/news/2022-10-07-video-state-capture-arrests-so-far-and-who-is-missing/> (accessed 08.10.2022)
8. Thousands await trial in South Africa a year after deadly riots. *Africanews*. <https://www.africanews.com/2022/07/08/thousands-await-trial-in-south-africa-a-year-after-deadly-riots/> (accessed 07.09.2022)
9. Report of the expert panel into the July 2021 Civil unrest. file:///C:/Users/ASUS/Downloads/Report%20of%20the%20Expert%20Panel%20into%20the%20July%202021%20Civil%20Unrest.pdf (accessed 10.10.2022)

⁴ <https://www.parliament.gov.za/storage/app/media/Links/2022/november/30-11-2022/33659%20SECTION%2089%20INDEPENDENT%20PANEL%20Volume%201.pdf> (accessed 03.12.2022)

⁵ SABC News, 03.12.2022. <https://www.sabcnews.com/sabcnews/president-cyril-ramaphosa-considering-taking-section-89-panel-report-on-legal-review/> (accessed 03.12.2022)

⁶ News24, 03.12.2022. <https://www.news24.com/news24/southafrica/news/live-phala-phala-panel-finds-ramaphosa-may-have-breach-anti-corruption-laws-20211130> (accessed 03.12.2022)

10. Riots hit 40 000 businesses, as Ramaphosa admits govt didn't react fast enough. <https://www.news24.com/fin24/Economy/South-Africa/riots-hit-40-000-businesses-as-ramaphosa-admits-govt-didnt-react-fast-enough-20210721> (accessed 01.08.2021)
11. South Africa: Police arrest 20 alleged instigators of July 2021 riots. *Africanews*. <https://www.africanews.com/2022/08/12/south-africa-police-arrest-20-alleged-instigators-of-july-2021-riots/> (accessed 10.10.2022)
12. Ramaphosa describes recent unrest as "failed insurrection". *Africanews*. <https://www.africanews.com/2021/07/17/ramaphosa-describes-recent-unrest-as-failed-insurrection/> (accessed 01.08.2021)
13. ANC trust deficit as 'Nasrec 2017 policies on land reform, state bank stagnate'. <https://www.iol.co.za/mercury/news/anc-trust-deficit-as-nasrec-2017-policies-on-land-reform-state-bank-stagnate-3219d619-87df-4c16-8768-b782c8a7e6a0> (accessed 13.10.2022)
14. South Africa unemployment rate. <https://tradingeconomics.com/south-africa/unemployment-rate> (accessed 20.10.2022)
15. South Africa's 'Radical Economic Transformation' by Lekgantsi Console Tleane. *Monthly Review*. 01.09.2018. <https://monthlyreview.org/2018/09/01/south-africas-radical-economic-transformation/> (accessed 01.10.2021)
16. Editorial: ANC, Cyril Ramaphosa lack will to take SA forward. <https://www.iol.co.za/capetimes/opinion/editorial-anc-cyril-ramaphosa-lack-will-to-take-sa-forward-6ed0c2b9-139c-412e-848f-79a231a7ef8b> (accessed 14.10.2022)
17. Lindiwe Sisulu: Hi Mzansi, have we seen justice? *Daily News*. 07.01.2022. <https://www.iol.co.za/dailynews/opinion/lindiwe-sisulu-hi-mzansi-have-we-seen-justice-d9b151e5-e5db-4293-aa21-dccd52a36d3> (accessed 08.01.2022)
18. Address by ANC President Cyril Ramaphosa. <https://www.anc1912.org.za/address-by-anc-president-cyril-ramaphosa-to-the-15th-national-congress-of-the-south-african-communist-party-15-july-2022/> (accessed 20.07.2022)
19. Baldwin Ndaba. Cosatu split looms in wake of federation dumping ANC. *Pretoria News*. 03.10.2022. <https://www.iol.co.za/preto-ria-news/news/cosatu-split-looms-in-wake-of-federation-dumping-anc-2b13f4f0-b31f-44ed-8ee6-af0cea095621> (accessed 04.10.2022)
20. S. Africa's Ramaphosa urges police to probe money laundering claims against him. *Reuters*. 10.06.2022.
21. Bantu Holomisa wants probe into allegations Cyril Ramaphosa's adviser brought millions of dollars into SA. <https://www.iol.co.za/preto-ria-news/news/bantu-holomisa-wants-probe-into-allegations-cyril-ramaphosas-adviser-brought-millions-of-dollars-into-sa-6e4c5479-4181-40c1-957b-90bb722a7f82> (accessed 27.10.2022)
22. Norman Masungwini. ANC's final nomination list shows Ramaphosa far ahead of Mkhize, as Sisulu and Dlamini-Zuma fall short. *City Press*. 22.11.2022. <https://www.news24.com/citypress/politics/ancs-final-nomination-list-shows-ramaphosa-far-ahead-of-mkhize-as-sisulu-and-dlamini-zuma-fall-short-20221122> (accessed 23.11.2022)
23. Sibusiso Mboto. Dlamini Zuma still in ANC presidency race. <https://www.iol.co.za/mercury/news/dlamini-zuma-still-in-anc-presidency-race-0f21e633-f185-4fef-8437-e90e9a5c1512> (accessed 26.11.2022)
24. Mawande AmaShabalala. I was robbed, Lindiwe Sisulu tells Kgalema Motlanthe. *Time Live*. 25.11.2022. <https://timeslive.co.za/politics/2022-11-25-i-was-robbed-lindiwe-sisulu-tells-kgalema-motlanthe/> (accessed 26.11.2022)
25. Junour Khumalo. ANC MPs must not support adoption of Section 89 panel report, says Mashatile. *News24*. 05.12.2022. <https://www.news24.com/news24/politics/political-parties/anc-mps-must-not-support-adoption-of-section-89-panel-report-says-mashatile-20221205> (accessed 05.12.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шубин Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр истории и культурной антропологии, Институт Африки РАН, Москва, Россия; Почетный доктор Университета Западного Кейпа (ЮАР); член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Vladimir G. Shubin, Dr.Sc. (History), Professor, Principal Research Fellow, Centre for History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; PhD (Honoris Causa), University of the Western Cape (South Africa); Member, Editorial Board, "Asia and Africa today" journal, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 25.09.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 21.10.2022

Принята к публикации
(Accepted) 07.12.2022

«Старые» и «новые» игроки в Африке: драйверы изменения их политики в отношении континента (2010-2022 гг.)

© Кулькова О.С.^а, 2022

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0002-3953-8938; kulkova-olga@yandex.ru

Резюме. В статье рассматриваются глобальные и региональные политические, экономические и иные факторы, которые стали драйверами изменения африканской политики целого ряда международных акторов за последнее десятилетие.

Особое внимание уделяется форс-мажорному фактору пандемии *COVID-19*: его влиянию на экономическую ситуацию в мире и Африке, возникшей проблеме с обеспечением развивающихся стран вакцинами и т.н. «вакцинном национализме». Автор дает подробный анализ того, как и почему трансформировалась в последние годы политика США, ЕС, Китая, Индии и России в отношении континента, показывая различие и сходство подходов «старых» и «новых» игроков в их диалоге с Африкой.

Рассмотрена динамика отношений США - Африка при президентах Трампе и Байдене. Проанализированы основные направления сотрудничества ЕС и Африканского континента, а также перспективы реализации «Зеленого курса» ЕС для Африки и решения, принятые на саммите ЕС - АС в феврале 2022 г. Рассмотрены основные изменения политики Китая и Индии в Африке в свете усиления противоречий по линии США - Китай и реализации ими различных геостратегических проектов.

Большое внимание уделено перспективам развития российско-африканских отношений в таких сферах, как политическое сотрудничество, торгово-экономическое взаимодействие, стратегические коммуникации.

Ключевые слова: Африка, пандемия *COVID-19*, ЕС, США, Китай, Индия, Россия, международные отношения

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ. Проект № 21-18-00123 «Анализ и моделирование развития Африки в контексте внешнеполитических интересов России».

Для цитирования: Кулькова О.С. «Старые» и «новые» игроки в Африке: драйверы изменения их политики в отношении континента (2010-2022 гг.). *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 12. С. 39-46. DOI: 10.31857/S032150750023560-8

“Old” and “new” players in Africa: Drivers of change in their policies towards the continent (2010-2022)

© Olga S. Kulkova^a, 2022

^a Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-3953-8938; kulkova-olga@yandex.ru

Abstract. The article examines global and regional political, economic and other factors that have become drivers of changes in the African policy of a number of international actors over the past decade.

Particular attention is paid to the force majeure factor of the COVID-19 pandemic: its impact on the economic situation in the world and Africa, the problem with providing developing countries with vaccines and the so-called “vaccine nationalism”. The author gives a detailed analysis of how and why the policies of the USA, the EU, China, India and Russia towards the continent has been transformed in recent years, showing the difference and similarity of the approaches of the “old” and “new” players in their dialogue with Africa.

The dynamics of US - Africa relations under Presidents Trump and Biden is considered. The main areas of cooperation between the EU and the African continent, as well as the prospects for Africa of the implementation of the EU “Green Deal” and the decisions taken at the EU - AU summit in February 2022 are analyzed. The main changes in the policies of China and India in Africa are considered in the light of increasing contradictions in the US - China dialogue and in the course of their implementation of various geostrategic projects.

Much attention is paid to the prospects for the development of Russian-African relations in the post-pandemic period in such areas as political cooperation, trade and economic cooperation, and strategic communications. Possible options for the development of relations between international actors and Africa in the medium term are outlined.

Keywords: Africa, COVID-19 pandemic, EU, USA, China, India, Russia, international relations

For citation: Olga S. Kulkova. “Old” and “new” players in Africa: Drivers of change in their policies towards the continent (2010-2022). *Asia and Africa today*. 2022. № 12. Pp. 39-46. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750023560-8

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы интерес международных акторов к выстраиванию сотрудничества с Африкой заметно возрос. Активизировались на этом направлении «старые» игроки - бывшие колониальные державы - ныне страны-члены Евросоюза, а также США, выступающие как неоколониальная сила. Не отстают от них и «новые» - Китай, Индия, Бразилия, Россия, Турция, Иран и др.

Тому есть целый ряд как глобальных, так и более частных причин. Например, за последнее десятилетие многие страны Африки показывали высокие и довольно устойчивые темпы экономического роста (Алжир, Египет, Марокко, Нигерия). Что касается ЮАР, то с 2010 г. экономический рост неуклонно замедлялся, резкий провал наступил в 2020 г. (-6,4%), однако в 2021 г. ситуация выправилась, и рост ВВП страны составил уже 4,9%¹.

Баланс сил в мире за последние два десятилетия кардинально изменился. Сформировалось движение «восходящих» экономик, которое неприятно поразило западный мир своими успехами. Произошли значительные трансформации в финансово-экономическом ландшафте мира. Если в 2001 г. три первых места в иерархии глобальных финансов занимали США, Япония, еврозона, и они же были первыми в мировой экономике (по величине ВВП), то в 2020 г. тройка стала другой - США, Китай, еврозона [1].

Обострилось противостояние двух сверхдержав XXI века - США и Китая. Их противоборство привело не только к торговой войне, но и к развитию конкурирующих геополитических проектов. В случае с Китаем - к инициативе «Один пояс - один путь» (ОПОП), в случае с США - к созданию тройственного военно-технологического альянса *AUKUS* совместно с Великобританией и Австралией в 2021 г. Этот план до последнего держался в секрете даже от европейских союзников по НАТО (например, Франции) и стал для них неприятным сюрпризом. Пандемия *COVID-19* внесла кардинальные изменения в глобальное мироустройство. Так, она нанесла сопоставимый ущерб как развитым, так и развивающимся странам. Экономический рост замедлился во всех регионах мира.

Рассмотрим основные изменения политики «старых» и «новых» акторов в отношении Африки за последнее десятилетие и те факторы, которые стали драйверами трансформации в каждом конкретном случае.

США

При Трампе США стали более жестко концентрироваться на собственных интересах и модифицировали военное присутствие в Африке. В декабре 2018 г. Вашингтон выдвинул «Новую африканскую стратегию». Следует отметить, что за последние 20 лет объем экономической и гуманитарной помощи США 40 странам АЮС, а также Египту, Марокко и Тунису составил \$162,7 млрд (по данным Госдепартамента) [3, с. 3].

Интересно, что дополнительная финансовая помощь США, направленная Африке в связи с пандемией в 2020 г. (\$66,7 млн для 22 стран) была воспринята с благодарностью, а вот антикитайская риторика Вашингтона, стремившегося возложить исключительно на Пекин ответственность за начало пандемии, ожидаемых результатов не принесла. Африканские страны не готовы были поставить под угрозу многолетнее продуктивное сотрудничество с Китаем в угоду поддержке позиции США. Также Африка выразила свое противодействие и развернутой Вашингтоном кампании против ВОЗ.

«Международная финансовая корпорация развития США» (МФК) - это, по сути, банк развития США, и более половины его инвестиций в последние годы приходится на Африку. Корпорация известна как «секретное оружие» США для противодействия китайскому влиянию в Африке.

Генеральный директор Международной финансовой корпорации развития, он же исполнительный председатель программы «Процветай, Африка», Адам Бэхлер в июле 2020 г. объявил о запуске программы «Советник по инвестициям в Африке» для укрепления американо-африканских экономических связей. К тому времени Корпорация вложила \$8 млрд более чем в 300 африканских проектов [3, с. 12].

США - это также важный актор, участвующий в обеспечении безопасности в Африке, особенно в зоне Сахеля. С 2008 г. за военные аспекты африканского курса США отвечало Африканское командование (АФРИКОМ). Общее количество американских военных объектов в Африке - 46: это две передовые оперативные базы, 13 совместных баз и 31 запасной объект². Численность американского военного персонала в Африке выросла с 3,5 тыс. в 2010 г. до 6 тыс. в 2020 г.³ Резко увеличилось количество действующих на континенте спецназовцев.

¹ GDP growth (annual %) - South Africa. The World Bank. Data. 2021. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=ZA> (accessed 10.06.2021)

² Feldstein S. Терроризм в Африке: оправданно ли военное вмешательство США? 2018. <https://carnegie.ru/2018/04/02/ru-pub-75895> (accessed 10.06.2021)

³ Turse N. Pentagon's Own Map of U.S. Bases in Africa Contradicts its Claim of "Light" Footprint. 2020. <https://theintercept.com/2020/02/27/africa-us-military-bases-africom/> (accessed 10.07.2021)

Американцы создали сеть баз беспилотников и центров наблюдения, охватывающую весь континент. Среди известных объектов - базы в Камеруне и Нигере, Буркина Фасо и Чаде, Джибути и Кении, Сомали и Уганде и на Сейшельских островах⁴. На этих базах расположены как разведывательные, так и боевые летательные аппараты.

США оказывал ЕС в регионе Сахеля поддержку в сфере обмена разведанными и логистики (переброска сил по воздуху и дозаправка в рамках французской операции «Бархан» (см., например [14]))⁵. Соединенные Штаты также оказывали содействие военным альянсам - «Сахельской пятерке» и группе государств бассейна озера Чад.

Однако в последние годы президентства Д.Трампа США демонстрировали намерение снять с себя эти расходы. Трамп также выступал за сокращение вклада США в финансирование миротворческих операций ООН (большая часть которых проводилась в Африке) с тем, чтобы он составлял не более 25%.

К тому же руководство США в начале 2020 г. объявило о решении вывести значительную часть дислоцированных в регионе военнослужащих. Глава АФРИКОМ С.Таунсенд предупредил, однако, что лишение Франции поддержки в борьбе с исламистами в Сахеле «не приведет к хорошему»⁶. Франция даже вела переговоры с США, пытаясь убедить их не идти на этот шаг.

В октябре 2020 г. было сформировано новое «Европейское и Африканское командование Армии США», в подчинение которому были переданы сухопутные войска, входящие в состав Европейского и Африканского командований США. Администрация Дж.Байдена продолжила реализацию этой инициативы [3, с. 35-36]. По мнению известного африканиста А.Ю.Урнова, подобные шаги сигнализируют о постепенном включении Африки в зону действий НАТО [3].

В Африке возлагали большие надежды на активизацию сотрудничества при администрации Дж.Байдена, однако и при нём взаимодействие было полно камней преткновения. Так, в 2021 г. администрация ввела запрет на въезд граждан 8 стран на юге Африки из-за нового штамма коронавируса «омикрон». Региональные лидеры сочли этот запрет «несправедливым, дискриминационным и ненужным»⁷. В это же время для трех других африканских стран были отменены преимущества, ранее действовавшие по Закону о росте и возможностях Африки (AGOA).

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Африка - один из важнейших приоритетов современной внешнеполитической стратегии ЕС, особенно в условиях постепенного перехода мира в состояние необиполярности США - Китай [4].

С 2007 г. ЕС и Африка стали стратегическими партнерами, их сотрудничество в различных сферах базировалось на реализации Совместной африкано-европейской стратегии (2007) и её последовательных планов действий.

Значимость континента для Евросоюза была отражена и в документе «К всеобъемлющей стратегии сотрудничества с Африкой», принятом 9 марта 2020 г. В нём ставились амбициозные цели европейского диалога с Африканским континентом в 5 ключевых сферах: переход к экологически устойчивым («зеленым») технологиям и обеспечение доступа к энергии; цифровая трансформация; устойчивый экономический рост и создание новых рабочих мест; мир и надлежащее управление; миграция и мобильность⁸.

Этот проект новой стратегии взаимодействия ЕС и Африканского Союза (АС) должны были обсудить и согласовать на двустороннем саммите в октябре 2020 г. Впрочем, стратегию африканцы встретили довольно критически, а полномасштабный межконтинентальный саммит в 2020-2021 гг. не состоялся из-за институциональной напряженности между руководством АС и ЕС.

17-18 февраля 2022 г. прошел шестой саммит ЕС - Афросоюз, стороны приняли документ «Совместная повестка до 2030 г.». В ходе мероприятия ЕС предложил Африке участие в его инвестиционном плане «*Global Gateway*», задуманном как ответ на китайский проект «Один пояс - один путь». Благодаря этому плану государства континента могут получить свыше 150 млрд евро на реализацию крупных инфраструктурных проектов⁹.

⁴ Feldstein S. Op. cit.

⁵ US troop drawdown from Sahel puts pressure on Europe. 2020. <https://www.dw.com/en/us-troop-drawdown-from-sahel-puts-pressure-on-europe/a-52221152> (accessed 15.09.2021)

⁶ Ibidem.

⁷ <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2022/01/10/will-biden-deliver-on-his-commitment-to-africa-in-2022/> (accessed 12.01.2022)

⁸ Brussels, 09.03.2020 JOIN (2020) 4 final. «Towards a Comprehensive Strategy with Africa». https://ec.europa.eu/international-partnerships/system/files/communication-eu-africa-strategy-join-2020-4-final_en.pdf (accessed 10.06.2021)

⁹ <https://www.dw.com/en/eu-reveals-150-billion-investment-plan-for-africa/a-60731816> (accessed 11.02.2022)

15 апреля 2021 г. было парафировано новое соглашение ЕС с 79 странами группы Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона (АКТ), пришедшее на смену Соглашению Котону (2000 г.).

Пандемия *COVID-19* активизировала гуманитарное сотрудничество и политический диалог между ЕС и Африкой, принесла новые совместные инициативы в сфере здравоохранения. С апреля 2020 г. началась реализация инициативы Евросоюза «*Team Europe*», направленной на поддержку африканских государств и стран-соседей ЕС во время пандемии. В мае 2021 г. в Риме состоялся Всемирный саммит здравоохранения. ЕС заявил о готовности инвестировать 1 млрд евро в укрепление потенциала Африки по производству вакцин против *COVID-19*.

Всего к сентябрю 2020 г. государства-члены ЕС, Комиссия и Европейский инвестиционный банк выделили Африке в рамках Глобального ответа ЕС на пандемию *COVID-19* почти 7 млрд евро (без учета гарантий)¹⁰.

Важной стратегической инновацией последних лет, которая уже начала влиять и на отношения ЕС с Африкой, стало принятие Евросоюзом в декабре 2019 г. нового «Зеленого курса». Это план структурного ответа Европы на планетарный климатический/экологический кризис и новая стратегия экономического развития.

Его идеи и принципы всё больше влияют на международную повестку Союза, поскольку он предполагает фундаментальную реформу европейской энергетической системы и должен кардинально изменить и отношения ЕС с его соседями. «Это внешнеполитический курс с глубокими геополитическими последствиями» [5]. Появился новый термин - «Дипломатия зеленого курса» ЕС.

Президент Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен в 2021 г. призвала к созданию Африканского зеленого курса, который, как и Европейский, призван стать «центральным элементом» восстановления Африки после удара, нанесенного пандемией коронавируса.

Учитывая энергетический потенциал Северной Африки и её географическую близость к Европе, регион может стать конкурентоспособным поставщиком зеленого водорода в Европу. Особенно широко в подобные инициативы с Африкой вовлечена ФРГ.

«Зеленый» водород является топливом для самых разных потребителей и энергоносителем для выработки электроэнергии. Его можно использовать также как элемент накопления энергии для балансирования графиков выработки солнечных и ветроэлектростанций. Цвет, присвоенный водороду, - это, по сути, этикетка, классифицирующая его происхождение и количество углекислого газа, выделяемого во время его производства. Другими словами, способ понять, насколько водород «чистый». Есть «коричневый», «серый», «голубой» и «зеленый» водород. Последний получают путем электролиза воды с использованием электричества из возобновляемых источников энергии. Это самый дорогой тип водорода, но по мере снижения стоимости возобновляемых источников энергии и электролизеров ожидается, что его цена будет постепенно снижаться. Другой тип «зеленого» водорода производится из биогаза с использованием отходов животноводства, сельского хозяйства и/или бытовых отходов.

«Зеленый курс» буквально навязывается Евросоюзом Африке. Африканские политики обеспокоены тем, что амбициозный пакт создаст новый тип протекционизма за счет введения новых нетарифных барьеров, которые могут ограничить доступ африканских товаров и сырья к европейскому рынку.

В сфере безопасности в Африке ЕС традиционно уделяет большое внимание проблемам Сахеля. Особенно заинтересована в ситуации Франция, **но и ей не удалось** обеспечить стабильность в регионе. В последние годы в странах Сахеля произошел ряд государственных переворотов (Мали - август 2020 г. и май 2021 г., Гвинея - сентябрь 2021 г., Буркина Фасо - январь 2022 г.). Французская «зона влияния» в Африке понесла определенный урон. ЕС как коллективный актор вложил миллиарды евро в инициативы по обеспечению безопасности и развития в регионе, но его часто критикуют за то, что эти усилия были плохо скоординированы и малоэффективны.

ЕС рассматривает США как важного союзника по обеспечению безопасности в Сахеле. Однако в последние годы лояльность США общим задачам в обеспечении безопасности в Сахеле и в Африке в целом была поставлена под вопрос.

КИТАЙ И ИНДИЯ

Сотрудничество с двумя ведущими экономиками Азии - Китаем и Индией - внесло огромный вклад в экономическое развитие африканского континента в 2000-е гг. В ситуации восстановления после пандемии Африке очень важна помощь от проверенных временем азиатских партнеров.

Однако проблемы, которые существовали прежде в отношениях континента с Китаем и Индией, резко обострились. Тревожна возрастающая готовность Индии сотрудничать со странами Запада в противостоянии Китаю, в т.ч. это может быть использовано и в Африке.

¹⁰ Bulletin Quotidien Europe. 2020. № 12571. 01.10.20 (accessed 11.05.2021)

Китай выстраивает стратегическое партнерство с Африкой.

В условиях пандемии он увеличил помощь Африке, а также оказал содействие своим компаниям в их продвижении на континенте в 2020 г., чтобы поддержать реализацию инициативы ОПОП и вместе с тем предоставить новые рабочие места африканцам (сейчас 80-90% рабочей силы в китайских компаниях на континенте - местные жители) [6, с. 7]. На китайские инвестиции и с помощью китайских специалистов на континенте уже создано более 20 экономических зон и промышленных парков и планируется открыть еще 10.

Торговая война Китая и США негативно сказалась на китайско-африканской торговле. Страны Африки к югу от Сахары испытывают экономические трудности из-за торговой войны между США и Китаем¹¹.

Несмотря на все разговоры о растущем присутствии Китая в Африке, его экономическая активность на континенте не столь высока, сколь кажется на первый взгляд. В 2020 г. на Африку приходилось 4% международной торговли Китая (4,4% экспорта и 3,6% импорта). В 2019 г. на континент приходилось всего 2,9% потоков китайских ПИИ [7].

С другой стороны, на Китай приходилось 16,4% международной торговли Африки в 2020 г. (12,8% экспорта и 19,2% импорта). Китай также был источником совокупных кредитов африканским странам в размере \$153 млрд в период с 2000 по 2019 г. [7].

В постковидную эпоху Африке придется столкнуться с сокращением её кредитования со стороны Китая, прежде всего, потому что африканские страны и так уже много задолжали КНР. Вместе с тем Китай идет на реструктуризацию и частичное списание долгов африканских стран в условиях кризиса, вызванного пандемией.

Африке предназначена важная роль в реализации китайской инициативы ОПОП.

Парадоксально, но по сути своей она призвана расширить беспощадное проникновение китайских товаров на европейские рынки (в основном в ЕС). Ведь именно европейские страны - это основной партнер в товарной торговле для Китая (они стоят выше стран Юго-Восточной Азии и США). Однако и увеличение экспорта на африканские рынки также интересует Китай, неслучайно в конце 2020 г. стали возникать идеи об увязывании ОПОП и континентальной Зоны свободной торговли (*AfCFTA*) (подробнее см.: [15]).

Что касается **Индии**, то в последние годы она стала 3-м по значимости (уступая только Китаю и США) торговым партнером Африки и 7-м (после США, Великобритании, Франции, Китая, Малайзии и Бразилии) по размерам инвестиций [6, с. 9]. Однако в последние годы у Дели нет четкой стратегии развития отношений с континентом. Африканцы хотели бы расширять свой экспорт в Индию и поощрять перенос на континент индийских производств, однако похоже, что индийское руководство думает о грядущем переносе в Индию из Китая западных и японских производств из-за торговой войны Китая и США. Вероятно, что Индия в среднесрочной перспективе захочет бросить вызов Китаю в качестве мирового промышленного центра и ориентира для стран Азии и Африки.

Для отдельных регионов Африки ЕС уже не всегда первый по величине торговый партнер. На это место приходит Китай. Парадокс: в Африке Китай и Евросоюз могут выступать как конкуренты, хотя вне континента Китай и Индия, например, являются для ЕС приоритетными торговыми партнерами, имеющими статус стратегических [8, с. 64-65].

РОССИЯ

Политическое сотрудничество России со странами Африки - как в двустороннем, так и в многостороннем форматах - значительно углубилось и окрепло в последние годы. Знаковым событием стал саммит «Россия - Африка» в Сочи в 2019 г. Его проведение послужило мощным катализатором активизации сотрудничества.

Укрепление политического взаимодействия с африканскими странами происходит и в формате БРИКС. Несмотря на то, что сейчас в состав объединения входит только ЮАР, в саммитах группы уже традиционно принимают участие в качестве гостей и наблюдателей представители целого ряда африканских государств. Обсуждаются также перспективы включения в него и других африканских стран.

Пандемия коронавируса стала общим испытанием для России и африканских стран. По данным российского МИД на июль 2020 г., к России за помощь в борьбе с коронавирусной инфекцией обратились более 30 африканских стран. РФ по просьбе африканских партнеров активно оказывает содействие в борьбе с болезнью на континенте.

¹¹ Devermont J., Chiang C. Innocent Bystanders: Why the U.S.-China Trade War Hurts African Economies. CSIS Brief. 2019. <https://www.csis.org/analysis/innocent-bystanders-why-us-china-trade-war-hurts-african-economies> (accessed 10.10.2021)

Россия и государства Африки активизировали межпарламентские контакты и взаимодействие на уровне гражданского общества. В 2018 г. состоялся первый Российско-африканский общественный форум, в 2020 г. - второй. Межпарламентские связи между Россией и Африкой также интенсивно развиваются. Первая Международная парламентская конференция «Россия - Африка» состоялась еще в 2010 г., вторая - в июле 2019 г., третья - в марте 2021 г.

В последние годы Россия заключила с целым рядом африканских государств новые соглашения о военно-техническом сотрудничестве, взаимодействии в сфере безопасности и борьбы с терроризмом.

В последние годы росли объемы поставок российского оружия в Африку, несмотря на жесткую конкуренцию со стороны других внешних игроков и западные санкции. «Рособоронэкспорт» (входит в госкорпорацию «Ростех») подписал в 2020 - начале 2021 г. контракты на сумму \$1,7 млрд со странами АЮС¹². В портфеле заказов компании - проекты с 17 странами Центральной, Западной и Южной Африки.

Увеличивается в последние годы товарооборот России со странами Африки. В 2021 г. РФ поставила в Африку товаров на \$14,7 млрд (3% от всего российского экспорта), а импортировала - на \$3 млрд (1% от импорта России). Суммарно товарооборот составил \$17,7 млрд¹³ (в 2019 г. - \$16,8 млрд¹⁴).

В период после 2014 г. (введение ограничений на торговлю и сотрудничество с Россией рядом стран Запада) Африка оказалась единственным регионом мира, который наращивает импорт товаров из России, прежде всего - несырьевой неэнергетической номенклатуры [9, с. 6].

Возвращение к Африке - это часть более глобальной стратегии России по уходу от чрезмерной зависимости от Запада.

Африка может предложить России не только свои природные и минеральные ресурсы. Африканские страны - это, прежде всего, быстро развивающиеся рынки, растущая прослойка среднего класса, которые формируют спрос на те услуги, товары и технологии, которые может предложить наша страна. Демографическая реальность Африки такова, что она может стать новой «мастерской мира» [10]. В будущем Россия, по примеру Китая и других стран, сможет перенести на территорию континента трудозатратные производства, невыгодные в России.

Что Россия может предложить Африке:

- дальнейшее развитие военно-технического сотрудничества;
- поставки продукции российского машиностроения;
- содействие в создании и/или модернизации объектов инфраструктуры, в том числе энергетической;
- создание защищенных систем связи;
- поставка вакцин и оборудования для их производства, борьба с тропическими болезнями (вспомним, что Россия внесла значимый вклад в борьбу с лихорадкой Эбола и создала две вакцины от этой болезни);
- ядерные технологии;
- содействие в развитии гидроресурсов и решении острейшего для Африки «водного вопроса»;
- возможна прямая экономическая помощь развитию, но только на двусторонней основе;
- расширение не только экспорта российской продукции в Африку, но и импорта товаров и ресурсов из Африки [11].

По сути, многое из того, что Россия может предложить Африке, - это, как отмечают российские эксперты, поставка суверенитета (см.: [12]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пандемия коронавируса, а затем конфликт вокруг Украины потрясли казавшиеся до того незыблемыми основания международной политики и мировой экономики.

В условиях, когда контуры мировой политики выстраиваются хаотичным и непредсказуемым образом, всё большее значение приобретают вопросы разделяемых ценностей, инвестиций в развитие социальных и общественных связей, в человеческий капитал, выстраивание политического диалога участников международных отношений «на равных», без попыток диктата и наказания санкциями. Вопросы того, кто в текущих условиях окажется способен принимать во внимание не только узконациональные интересы, но и потребности своих партнеров и откликаться на их запросы адекватным образом. Эти вопросы важны не только для Африки и внешних акторов, стремящихся выстраивать с ней те или иные отношения. Они важны для сохранения и модернизации самой архитектуры международных отношений.

¹² «Рособоронэкспорт» подписал со странами Африки южнее Сахары контракты на \$1,7 млрд. <https://tass.ru/ekonomika/11584455> (accessed 10.11.2021)

¹³ <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/62ddc8cb9a7947ad9188db4b> (accessed 30.07.2022)

¹⁴ <https://tass.ru/ekonomika/10621831> (accessed 15.10.2021)

Как отмечают И.О.Абрамова и Л.Л.Фитуни, «Африку блок “старых” игроков рассматривает главным образом с трех точек зрения: прогнозируемых перспектив глобального экономического развития, ресурсной и военно-геополитической» [13, с. 6]. В то время как для новых акторов, включая Китай и Россию, интересно полномасштабное и равноправное сотрудничество с Африкой с целью построения подлинно многополярного мира, свободного от неокOLONIALНЫХ устремлений Запада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миркин Я.М. Россия в глобальной политике. Финансовой. *Россия в глобальной политике*. 2021. <https://globalaffairs.ru/articles/rossia-v-fin-politike/> (accessed 09.11.2021)
2. Raimondi P.P. The Scramble for Africa's Rare Earths: China is not Alone. Italian Institute for International Political Studies. 2021. <https://www.ispionline.it/en/publication/scramble-africas-rare-earths-china-not-alone-30725> (accessed 11.08.2021)
3. Урнов А.Ю. Американско-африканские отношения и президентские выборы в США 2020 г. М.: Институт Африки РАН, 2021.
4. Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика противостояния в Африке. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019, 12(3), с. 6-29. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29>
5. Геополитика Европейского зелёного курса. *Россия в глобальной политике*. 2021. <https://globalaffairs.ru/articles/geopolitika-zelyonogo-kursa/> (accessed 15.06.2021)
6. Дейч Т.Л., Усов В.А. Китай и Индия в Африке в постковидную эру. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 10. С. 5-13. DOI: 10.31857/S032150750016838-3
7. Pairault T. China's Presence in Africa Is at Heart Political. *The Diplomat*. 2021. <https://thediplomat.com/2021/08/chinas-presence-in-africa-is-at-heart-political/> (accessed 05.10.2021)
8. Кулькова О.С. Взаимодействие ЕС с другими международными акторами в Африке на современном этапе (на примере Китая и Индии). *Ученые записки Института Африки РАН*. 2019. № 3 (48). С. 64-73. DOI: 10.31132/2412-5717-2019-48-3-64-73
9. «РОССИЯ-АФРИКА». Аналитические материалы. 1-3 июля 2019 г. <http://duma.gov.ru/media/files/e2SgJ0Aq8cFHwxD5zXN8HiQD0ctEiar5.pdf> (accessed 09.10.2021)
10. Yuan Sun I. The Next Factory of the World: How Chinese Investment is Reshaping Africa. Harvard Business Review Press, 2017.
11. Караганов С. Россия способна на коммерческой основе укреплять безопасность африканских стран. *Россия в глобальной политике*. 11.11.2021. <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-bezopasnost-afriki/> (accessed 12.11.2021)
12. Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России. Доклад по итогам ситуационного анализа. М.: Международные отношения, 2021.
13. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Африканский сегмент многополярного мира. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018, № 12, с. 5-14. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-5-14
14. Филиппов В.Р. Операция «Бархан»: бесславное завершение? *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 1. С. 40-47. DOI: 10.31857/S032150750018297-8
15. Дейч Т.Л. Экономические связи Китая с Африкой: проблемы и перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 48-56. DOI: 10.31857/S032150750020975-4

REFERENCES

1. Mirkin Ya.M. 2021. Russia in global politics. Financial. *Russia in global politics*. (In Russ.) <https://globalaffairs.ru/articles/rossia-v-fin-politike/> (accessed 09.11.2021)
2. Raimondi P.P. The Scramble for Africa's Rare Earths: China is not Alone. Italian Institute for International Political Studies. 2021. <https://www.ispionline.it/en/publication/scramble-africas-rare-earths-china-not-alone-30725> (accessed 11.08.2021)
3. Urnov A.Yu. 2021. American-African relations and presidential elections in the USA of 2020. Moscow. (In Russ.)
4. Fituni L.L. 2019. On the way to the new bipolarity: geo-economics and geopolitics of the confrontation in Africa. *Shapes of global transformations: politics, economics, law*. 12(3), с. 6-29. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29>
5. Geopolitics of the European Green Deal. 2021. *Russia in global politics*. (In Russ.) <https://globalaffairs.ru/articles/geopolitika-zelyonogo-kursa/> (accessed 15.06.2021)
6. Deich T.L., Usov V.A. 2021. China and India in Africa in the post-COVID era. *Asia and Africa Today*. № 10. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750016838-3
7. Pairault T. China's Presence in Africa Is at Heart Political. *The Diplomat*. 2021. <https://thediplomat.com/2021/08/chinas-presence-in-africa-is-at-heart-political/> (accessed 05.10.2021)
8. Kulkova O.S. 2019. EU Interaction with other international actors in Africa at the present stage (cases of China and India). *Journal of the Institute for African Studies*. № 3 (48). (In Russ.) DOI: 10.31132/2412-5717-2019-48-3-64-73

9. "Russia - Africa". Analytical materials. July 1-3, 2019. (In Russ.) <http://duma.gov.ru/media/files/e2SgJ0Aq8cFHwxD5zXN8HiQD0ctEiar5.pdf> (accessed 09.10.2021)
10. Yuan Sun I. The Next Factory of the World: How Chinese Investment is Reshaping Africa. Harvard Business Review Press, 2017.
11. Karaganov S. 2021. Russia can strengthen the security of African countries on a commercial basis. *Russia in global politics*. (In Russ.) <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-bezopasnost-afriki/> (accessed 12.11.2021)
12. Africa: Perspectives of development and recommendations for Russian policy. 2021. Report based on situational analysis. Moscow. (In Russ.)
13. Abramova I.O., Fituni L.L. 2018. African segment of the multipolar world. *World economics and international relations*. № 12. (In Russ.) DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-5-14
14. Filippov V.R. Operation "Barkhan": an inglorious completion? *Asia and Africa today*. 2022. № 1. Pp. 40-47. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750018297-8
15. Deych T.L. China-Africa economic ties: Problems and outlooks. *Asia and Africa today*. 2022. № 7. Pp. 48-56. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750020975-4

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ольга Сергеевна Кулькова, к.и.н., старший научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Olga S. Kulkova, PhD (History), Senior Researcher, Centre for Studies of Russian-African Relations and Foreign Policies of African Countries, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.06.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 27.08.2022

Принята к публикации
(Accepted) 22.10.2022

Якудза: история и двойной удар в условиях пандемического кризиса

© Куланов А.Е.^a, 2022

^a Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0003-4839-6748; kodzin@mail.ru

Резюме. В статье представлен краткий экскурс в историю возникновения и развития японской мафии - якудза - от периода становления городской культуры в Японии до 2022 г. и дан анализ особенностей её развития. Показано, что начиная с периода формирования современных форм якудза японская мафия находилась в фокусе внимания властей страны не только как криминальное явление, но и как возможный инструмент в борьбе с оппозиционными течениями. В послевоенный период группировки якудза разделили географически и по сферам интересов территорию и бизнес, начали бурный рост, но с начала 1970-х гг. их потенциальная востребованность властями упала, и этот процесс продолжается по сей день. Одновременное усиление давления на мафию и профилактика среди населения уже к 2019 г. привели к резкому снижению численности якудза и падению их доходов, но пандемия *COVID-19* и связанные с ней ограничительные меры привели к изменению не только численности, но и структуры преступных сообществ, а также отношения к ним среди самих японцев.

Ключевые слова: Япония, мафия, якудза, борёкудан, пандемия *COVID-19*

Для цитирования: Куланов А.Е. Якудза: история и двойной удар в условиях пандемического кризиса. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 12. С. 47-53. DOI: 10.31857/S032150750023564-2

Yakuza: History and Double Stroke in the Pandemic Crisis

© Alexander E. Kulanov^a, 2022

^a Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0003-4839-6748; kodzin@mail.ru

Abstract. The article presents a brief excursus into the history of the formation and development of yakuza, the Japanese mafia, and analyzes the features of its development from the formation of urban culture in Japan until 2022. Starting from the formation of modern forms of yakuza, the Japanese mafia has been in the focus of the authorities' attention not only as a criminal phenomenon, but also as a possible tool in the struggle with the opposition movements.

The activities of the yakuza have always been associated with the political vector of the ruling groups. However, in the pre-war and war periods, under the conditions of strict totalitarian rule, the Japanese mafia withdrew into the shadows. In the post-war period, the yakuza groups divided the territory and business geographically and by spheres of interest.

In the 1960s, the number of yakuza reached its historical maximum of about 200 000 people, almost equaling the size of the country's police corps or The Japan Ground Self-Defense Force. Yakuza groups were growing rapidly but, from the early 1970s, the authorities began to lose interest in them, and this process continues up to now. A significant role in reducing the number and influence of the mafia was played by political and economic stability, as well as numerous scandals involving large companies in the activities of the yakuza, which caused serious damage to the image of Japan in the world market.

By 2019, the number of yakuza has sharply decreased as well as their income due to the increased pressure on the Japanese mafia and the police preventional talks with ordinary people. However, the pandemic and the restrictive measures related to it have changed not only the number, but also the structure of criminal communities, as well as the attitude towards them within the Japanese society.

Keywords: Japan, mafia, yakuza, boryokudan, COVID-19 pandemic

For citation: Alexander E. Kulanov. Yakuza: History and Double Stroke in the Pandemic Crisis. *Asia and Africa today*. 2022. № 12. Pp. 47-53. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750023564-2

ВВЕДЕНИЕ

Пандемия *COVID-19* и вызванные ей санитарные ограничения больно ударили не только по обычным отраслям экономики, но по тем сферам жизни, которые в критической ситуации обычно не привлекают значительного внимания. В случае с Японией это в полной мере относится к организованной преступности - японской мафии, обычно называемой *якудза*. Однако, рассматривая перемены, произошедшие в связи с пандемией в жизни собственно японских криминальных сообществ Японии (отделяя их от других этнических преступных группировок - китайской, корейской, пакистанской и пр.), нельзя забывать о том, что к 2020 г., когда начали действовать основные ограничения в связи с пандемией, японская мафия подошла уже в состоянии глубокого кризиса.

Чтобы понять его причины, нелишне совершить небольшой экскурс в историю якудза.

ПУТЬ К КОНЦУ

Официально именуемые *борёкудан*, что можно примерно перевести с японского как «организованные преступные группы», якудза функционируют в Японии не полностью за гранью закона, а в «серой», теневой части общества. Они не отделены от японского социума и существуют легально, в соответствии с традиционными представлениями японцев о том, что наряду со светлой стороной жизни неизбежно существует и «необходимое зло».

Причины такого отношения к любому нелегальному бизнесу происходят, вероятно, из эпохи закрытости Японии от внешних контактов в период Эдо (1603-1868)¹ и полной подчиненности конфуцианским нормам поведения, которыми руководствовались правившие тогда страной самураи.

При чрезвычайно жесткой зарегулированности всех областей человеческой жизни - от внешней политики до строжайших указаний о том, кому и какую одежду носить в определенных условиях, - общество вынужденно было прибегать к поискам «клапанов», через которые могло бы выпустить пар социального и морально-нравственного напряжения.

Так, с возникновением в середине XVII в. сословия горожан практически в каждом городе появились притоны для игр, наблюдать за соблюдением законности в которых власти оказались не в силах. Возникли и группы профессиональных мошенников-игроков и их охранников-бандитов - *бакуто*, сделавшие обман и запугивание своей профессией.

Они и стали первыми прямыми предками современных якудза. Во всяком случае, само слово, обозначающее сегодня японскую мафию, ведет свое происхождение от невыигрышной, бесполезной комбинации карт в игре: Я - 8, КУ - 9, ДЗА - 3, намекая, таким образом, на никчемность, невостребованность в рамках нормального общества профессии карточного шулера - фактически отбросов общества. *Бакуто* существуют и сегодня, отчасти заполняя собой весьма емкий и разношерстный рынок азартных игр. Правда, на место карт в основном пришли игровые автоматы, ставки на тотализаторе, но суть преступного бизнеса осталась прежней - обман, мошенничество, запугивание недовольных.

Вторым прообразом современных якудза стали т.н. *тэкия*. Первоначально формировавшиеся из банд разбойников-самураев, оставшихся без хозяев (а, следовательно, средств существования), *тэкия* с расцветом городской культуры перешли от разбоя на дорогах к безопасной мелкой торговле вразнос, особенно оживленной во время бесчисленных в Японии храмовых праздников, когда население спешило отдохнуть от трудов праведных, погулять, купить дешевенькую обновку и съесть что-нибудь вкусное.

Традиция эта жива и сегодня (знаменитое любование цветами сакуры - её часть). *Тэкия* по-прежнему контролируют проведение религиозных праздников, что связано с возможностью получить доступ к храмовым пожертвованиям, прибыли от продажи сувениров, оберегов и от организации уличного питания по явно завышенным ценам.

С вступлением в конце XIX в. Японии на европейский путь развития разрозненные группы *тэкия*, *бакуто* и разного рода бандитов начали формировать то, что позже назовут «якудза» - в понимании «японская мафия», т.е. организованную преступность с четко прописанной «семейной» иерархией внутри бандформирований, особыми отношениями между бандами и своеобразным «кодексом чести».

В тот же период интерес к возможностям якудза проявили видные представители молодого японского государства, такие, например, как премьер-министр (в 1889-1891 и 1898-1900 гг.) Ямагата Аритомо². «Отец японской армии и полиции», он, создавая силовые структуры Японии, обратил внимание на то, что новые законы, принимаемые по образцу и подобию европейских и американских, оставляют существенные провалы, в которых может (в каноне и должна) функционировать оппозиция.

Несмотря на приверженность идее европеизации Японии, Ямагата, как и многие другие лидеры страны в то время - в начале XX в., внутренне не был готов принять саму идею существования оппозиции. И, раз её нельзя было уничтожить или контролировать легально, можно было «закрыть глаза», если некая более или менее организованная сила стала бы делать это по собственной инициативе.

Такой подход стал особенно актуальным позже, в 1920-е гг., с ростом популярности в Японии марксизма, когда якудза активизировали сближение с националистическими обществами. По окончании же Второй мировой войны мафия, лишь на время оставшаяся без идеологического прикрытия запрещенных правых организаций, оказалась просто незаменима.

В 1946 г. представители национальных группировок (китайской и корейской) серьезно встревожили и правительство, и командование союзнических оккупационных сил в Японии, едва не взяв под свой кон-

¹ Период Эдо (1603-1868) характеризовался доминирующим управлением страной самурайским кланом Токугава, при котором сложились многие т.н. «традиционные» нормы поведения современного японского общества (прим. авт.).

² Ямагата Аритомо - 1838-1922 (прим. авт.).

троль один из крупнейших японских портов - Кобэ, где захватили ряд полицейских участков и тюрьму, откуда выпустили заключенных. Справиться с бандами гастарбайтеров удалось бойцам крупнейшей местной группировки якудза - Ямагути-гуми, которая сражалась за власть в городе еще с 75 бандами [1].

Когда же события, аналогичные гангстерским сражениям в Кобэ, прокатились по всей стране, власти, вынужденные выбирать между «плохим и очень плохим вариантами» развития событий, избрали молчаливое сотрудничество с якудза. Мятёжи были быстро и жестко подавлены, а Ямагути-гуми со штаб-квартирой в Кобэ быстро заняла среди других банд лидирующие позиции, которые сохраняет по сей день.

Своеобразный расцвет якудза наступил одновременно с экономическим подъемом Японии и потерей левыми своего недолгого влияния. Именно тогда - в начале 1960-х гг. численность якудза достигла рекордного уровня в 184 тыс. активных бойцов [3] (т.н. «ассоциированные» члены мафии, т.е., участвующие в преступной деятельности в качестве бизнес-партнеров, учитываются отдельно). Это было сопоставимо с размерами полицейского корпуса страны или Сил самообороны Японии, что впервые серьезно обеспокоило власти.

В результате полиция осуществила тогда «Первую операцию по разоблачению руководства», проведя обыски, облавы, поиски источников финансирования бандитских групп и т.д. Это помогло остановить откровенную криминализацию общества. С другой стороны, подъем экономики привел к резкому росту доходов *сокаия* - нового «подвида» якудза, занимавшихся корпоративным рэккетом и вымогательством у крупных, в т.ч. мирового уровня, компаний.

Последовавший затем перевод левых политических движений в сегмент контролируемой оппозиции, решимость и способность силовым, но при этом законным путем справиться с ультралевыми экстремистами, продемонстрированная правительством во время студенческих волнений и последующих беспорядков в 1968-1972 гг., стали сигналом серьезной опасности для якудза: их востребованность в политических целях резко снизилась.

В 1973 г. был принят закон о налогообложении организованной преступности, что уже в следующем году принесло в бюджет государства 20 млрд иен (\$73,8 млн) [1] и сделало японские криминальные группировки налогоплательщиками государственного уровня. По оценкам полиции, это не превышало реально заработанных мафией сумм, но стало началом легализации преступного бизнеса в Японии [1].

Рост экономического веса и политического авторитета Японии в мире плохо сочетался с репутацией якудза, и японскому правительству пришлось вступить в решительную борьбу с *сокаия*. Гиганты японского бизнеса, среди которых оказались *Mitsubishi Heavy Industries*, *Mitsubishi Motors*, *Isuzu* и многие другие, признались в том, что регулярно выплачивали дань бандитам [4].

В связи со сложившейся ситуацией в октябре 1982 г. был принят специальный закон против *сокаия*. В попытках «встречной легализации» со стороны бандгруппировок это привело к созданию на базе *борёкудан* многочисленных «военно-патриотических», «военно-спортивных» и прочих «ассоциаций», «лиг» и «объединений».

Идеологической основой их деятельности стал антикоммунизм и борьба с левыми движениями любой направленности, отстаивание пересмотра итогов Второй мировой войны в части территориальных претензий (Япония имеет территориальные конфликты абсолютно со всеми соседями) и помощь властям в оказании давления на неугодных, включая иностранные державы. Материальной же базой остался бизнес *сокаия*, только теперь компании платили не дань мафии, а вносили «добровольные пожертвования» упомянутым «лигам», «ассоциациями» и прочим организациям, которые по своему составу не отличались от бандгруппировок.

Крах «мыльного пузыря»³ японской экономики в 1991-1992 гг. нанес сильнейший удар по финансовой базе якудза. В 1992 г. вступила в силу первая редакция Закона о борьбе с организованной преступностью - в условиях экономического кризиса полиция объявила войну якудза. Это, в свою очередь, привело к многочисленным распрям внутри *борёкудан*, внутренним гангстерским войнам, по романтизированному изображению которых в стиле классических японских боевиков большинство обывателей и представляет себе мир японской мафии. В реальности же в 2000-е *борёкудан* вступили в состоянии глубокой тревоги и озабоченности своим будущим. Правительству они оказались больше не нужны, а мировое сообщество и простые жители Японии все громче высказывались против сохранения в стране подобного рода традиций.

БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

Первое десятилетие XXI в. прошло для якудза относительно спокойно, а в его начале даже наблюдался некоторый рост организованной преступности, что было связано с восстановлением экономики и финан-

³ Экономический пузырь в Японии (1986-1991 гг.) - искусственный рост японской экономики, характеризовавшийся многократным подъемом цен на рынке недвижимости и фондовом рынке. Сдувание пузыря продолжалось более 10 лет, а его следствием стал продолжительный период экономической стагнации, называемый «потерянным десятилетием Японии» (прим. авт.).

совой системы после шока 1991 г. В 2002 г. количество уголовных преступлений в Японии достигло пика - 2,85 млн случаев⁴, после чего, в связи с принятием нескольких поправок к закону о противодействии *борё-кудан*, начало стремительно падать.

В 2011 г. в Японии законодательно запретили любую связь граждан с преступными группировками, возложив контроль за исполнением этих мер не только на полицию, но и на органы местной власти⁵. Впервые за криминальную деятельность стали наказывать не только самих бандитов, но и физических и юридических лиц, согласившихся с ними сотрудничать. Это сузило возможности легализации заработанных преступным путем средств.

Например, группировки и их «зонтичные» организации потеряли возможность открыть счета в банках - те предпочитали не связываться с полицией. Даже выйдя из мира якудза, бывшие бандиты не имеют права открывать счет или заключать договор аренды в течение 5 лет после официального отказа от преступной деятельности (что, с другой стороны, затрудняет их адаптацию в обществе - на работу их не берут, а сами начать дело они не могут из-за этих ограничений).

В августе 2015 г. от Ямагути-гуми отделилась группировка Кобэ Ямагути-гуми, а в апреле 2017 г. еще одно подразделение объявило о своей независимости - Нинкё Ямагути-гуми.

Нехватку средств на существование огромной гангстерской корпорации называют главной причиной раскола. Ежемесячная плата - членские взносы за право называться якудза из Ямагути-гуми - составляла тогда 850 000 иен (около \$8000), и этим поборы внутри самой организации не исчерпывались. После принятия закона 2011 г. зарабатывать такие суммы приемлемыми для Ямагути-гуми путями оказалось просто невозможно (официально торговля наркотиками или участие в телефонных мошенничествах, направленных против пожилых людей, в Ямагути-гуми запрещены), и в отделившейся Кобе Ямагути-гуми сумма взносов была уменьшена до 300 000 иен (около \$2800). Однако и это для многих оказалось непосильной ношей⁶.

Раскол Ямагути-гуми сопровождался убийствами главарей подчиненных банд (произошло около 320 стычек, в которых погибли и были ранены 95 человек) и массовыми (около 2000 случаев) арестами. Важно отметить, что по самым незначительным предложениям арестовывались не только рядовые бандиты, но и главы организаций.

Так, в июне 2016 г. полиция арестовала Иноуэ Кунио, главу Кобэ Ямагути-гуми, за то, что тот пользовался мобильным телефоном, зарегистрированным на другое имя, а в офисах банды провели обыски - по закону 2011 г. подписание контракта на обслуживание с компанией связи тоже считается сотрудничеством с *борёкудан*⁷. Вскоре его выпустили и сразу арестовали снова - по подозрению в хулиганстве. В общей сложности Иноуэ провел за решеткой по обвинениям в мелких правонарушениях около года [8].

Подобного рода активность полиции привела к тому, что по состоянию на 2017 г. в Японии насчитывалось всего 22 крупных организованных банды, и все они переживали тяжелый финансовый кризис.

Как раз в это время рядовых японцев потрясли репортажи о нескольких низкоранговых якудза, задержанных за кражи еды в магазинах⁸. 2 января 2018 г. из Таиланда был депортирован в Японию 74-летний Сираи Сигэхару, находившийся в розыске 15 лет за убийство главара вражеской банды. Сам по себе этот факт не заслуживал бы внимания, если бы не обстоятельства ареста - за время скитаний Сираи пострадал, а его группировка больше не могла поддерживать его материально. Бывшему якудза пришлось зарабатывать на жизнь игрой в домино и фотографированием за деньги с туристами. Одна из фотографий и привлекла внимание японской полиции, после чего последовали арест и депортация [5].

В 2017 г. полиция, а точнее - сотрудники 4-го отдела Управления по борьбе с организованной преступностью впервые предприняли акцию по профилактике выплат рэкетирам. 150 полицейских посетили около 1500 ночных клубов, развлекательных заведений и магазинов, расположенных в престижнейшем районе Японии - токийской Гиндза. В разговорах с хозяином каждого из этих заведений они убеждали коммерсантов не выполнять незаконные требования криминальных групп: «Если к вам зайдут якудза, сразу же свяжитесь с нами. По возможности ведите запись». Речь шла о т.н. «плате за приветствие» и о «взносах» -

⁴ В Японии падает количество уголовных преступлений: рекордные за послевоенное время минимумы обновляются семь лет подряд. <https://www.nippon.com/ru/japan-data/h01247/> (accessed 23.07.2022)

⁵ Война с якудза: Токийское управление полиции борется с организованной преступностью. https://www.nippon.com/ru/features/c04203/?cx_recs_click=true (accessed 18.07.2022)

⁶ Якудза: работа, не приносящая доходов. https://www.nippon.com/ru/features/c04202/?cx_recs_click=true (accessed 17.05.2022)

⁷ Крушение мира якудза и распад Ямагути-гуми. https://www.nippon.com/ru/features/c04201/?cx_recs_click=true (accessed 12.06.2022)

⁸ Hard times: Japanese yakuza arrested for stealing food. <https://news.yahoo.com/hard-times-japanese-yakuza-arrested-stealing-food-021835457.html> (accessed 19.06.2022)

микадзимэ рё. Как правило, это очень незначительные суммы (порядка \$100 за один раз), которые, однако, взимаются регулярно.

По данным полиции, с апреля 2009 г., когда она впервые всерьез заинтересовалась этим видом рэкета, и до упомянутого рейда, мафия получила таким образом с торговцев Гиндзы около 100 млн иен (около \$940 тыс.)⁹. Но главная опасность *микадзимэ рё* заключается в психологическом эффекте. Один раз запугав коммерсантов и получив с них даже мизерную сумму, якудза приходят вновь и вновь, а торговцы привыкают бояться и платят снова и снова - всё больше и больше. Напрямую пообщавшись с представителями бизнеса Гиндзы, полиция таким образом перехватила инициативу, пообещав наказывать за взятки не владельцев бизнеса, а шантажистов. Такая политика скоро дала положительный эффект.

К концу 2019 г. число членов организованных криминальных группировок составило 28 200, что было на 2300 меньше, чем в предыдущем году, и стало самым низким показателем за всю историю ведения такого рода статистики - с 1958 г. Причем из этого количества мафиози преступную активность вела лишь половина - около 14 400 человек, а остальные числились в материалах полиции как «ассоциированные члены, тесно связанные с группировками»¹⁰.

Следующим ударом по якудза стала подготовка Токио к Олимпийским играм-2020, которые, как известно, были перенесены на 2021 г. в связи с пандемией *COVID-19*. Поскольку о переносе сроков стало известно довольно поздно, полиция приняла меры по зачистке Токио от *борёкудан* еще в 2019 и первой половине 2020 г.

Помимо обычных мер в виде бесед, предупреждений и взывания к чувству национальной гордости, одним из действенных средств борьбы с якудза стало принятие столичным правительством мер по ужесточению наказания за рэкет как для вымогателей, так и для бизнесменов, платящих дань. Несмотря на то, что закон предусматривал для обеих сторон наказание в виде штрафа в 500 000 иен (около \$4716) или тюремное заключение на срок до 1 года, на практике такая мера не применялась, поскольку ранее для её осуществления требовалось выносить многочисленные предупреждения. Теперь хозяева бизнеса, рисковавшие потерять серьезные деньги, стали решительнее отказывать якудза.

ЛЕКАРСТВО ПРОТИВ СТРАХА

Психологической основой процветания *борёкудан* был страх, а основой существования якудза, соответственно, - умение запугивать [2]. Не случайно основой полицейской профилактики среди плательщиков взносов мафии является именно убеждение их в том, что бояться не надо или... стоит бояться чего-то другого - например, закона. Неожиданным подспорьем в этой работе стал кризис пандемии, пришедший в Японию в феврале-марте 2020 г.

Неясность ситуации, неопределенность в отношении степени заразности вируса, опасности его для жизни и здоровья человека и быстрое распространение заставили японцев думать только об этой проблеме. ВОЗ сразу же посоветовала в качестве главного средства борьбы с пандемией *COVID-19* всемерно ограничить межличностные контакты.

30 марта 2020 г. губернатор Токио Коикэ Юрико выступила с обращением к жителям, в котором, в частности, говорилось: «Молодых людей я прошу воздержаться от посещения караоке и концертных площадок, а людей среднего и старшего возраста - от походов в бары, ночные клубы и другие предприятия общественного питания с сопутствующими развлечениями»¹¹.

Несмотря на то, что строгих запретов во время пандемии так и не было объявлено, настойчивые рекомендации руководителей крупнейших в стране муниципальных образований, подобные тем, что дала губернатор Токио, большей частью законопослушного общества воспринимались как обязательные к исполнению.

Главная же рекомендация касалась именно посещений «предприятий общественного питания с сопутствующими развлечениями» - исконной территории и экономической базы якудза. Ночные клубы, мужские и женские хостес-клубы, нелегальные публичные дома, существующие под самыми разными вывесками, бесчисленные игровые залы *патинко*, многие бары и караоке входят в сферу жизненных финансовых интересов *борёкудан*. Таким образом, правительство и муниципальные органы власти, думая об исполнении санитарных норм, нанесли якудза еще один тяжелый удар.

⁹ Война с якудза: Токийское управление полиции борется с организованной преступностью. https://www.nippon.com/ru/features/c04203/?cx_recs_click=true (accessed 10.07.2022)

¹⁰ Количество членов группировок организованной преступности (якудза) в Японии упало до рекордно низкого уровня. https://www.nippon.com/ru/japan-data/h00694/?cx_recs_click=true (accessed 19.07.2022)

¹¹ В Токио возникают групповые заражения в ночных развлекательных заведениях: что такое «радушный приём» (сэттай) согласно нормам закона? https://www.nippon.com/ru/japan-data/h00745/?cx_recs_click=true (accessed 03.05.2022)

В течение двух последующих лет ограничения разного рода, включая запрет на работу после 8 часов вечера и продажу спиртного, и в различных регионах Японии, прежде всего в самых густонаселенных - Канто (Сайтама-Токио-Йокогама) и Кансай-Хансин (Осака-Кобэ) помогли стране сохранить низкий уровень заболеваемости *COVID-19*, но истощили резервы развлекательного бизнеса. Существовавший нелегально, но привычно, он понес тяжелые убытки не потому, что был противозаконным - это и раньше всем было хорошо известно, а потому, что в силу его особенностей между его участниками не соблюдалась социальная дистанция.

То же самое произошло с праздниками *мацури* - привычным способом обогащения *тэкия*. Любование сакурой в 2020 г. было отменено практически полностью, а в 2021 и 2022 гг. гражданам рекомендовалось по возможности умерить свою тягу к прекрасному. В случаях, когда торговля сувенирами и амулетами ведется в стационарных магазинах при храмах, было так же настойчиво рекомендовано сократить время работы торговых точек. В случае, например, с токийским храмом Мэйдзи дзингу, который в течение года посещало около 2 млн туристов и паломников, речь может идти о падении дохода на суммы в сотни миллионов иен.

Еще хуже ситуация в знаменитом храме Сэнсодзи, торговая улочка Накамисэ перед которым считается «родиной якудза» - здесь с середины XIX в. сплелись воедино интересы *тэкия*, *бакуто* и первых группировок-покровителей «женского бизнеса».

Не случайно именно на храмовом празднике Сэнсодзи - Сандзя-мацури собираются бывшие и действующие члены мафии, чтобы продемонстрировать свои роскошные татуировки - это единственное место и время в Японии для такого рода презентации.

Основные посетители Накамисэ и Сэнсодзи в предпандемийные годы - туристы. Их в 2019 г. прибыло в Японию более 31 млн человек, и мало кто из них не купил хоть какую-то мелочь в этом месте. Теперь их нет совсем, нет и торговли (доходы от внутриапонского туризма не превышали одной пятой от общих доходов¹²), нет сборов якудза.

Упомянутые меры по профилактике рэкета среди столичных торговцев именно в пандемию дали особенно значимый эффект. Токийское управление полиции уже в I квартале 2021 г. зафиксировало отказ около сотни столичных магазинов и ресторанов платить рэкетирский сбор за «охрану» [6]. Общенациональная газета «Асахи» в качестве примера рассказала об одном 57-летнем бизнесмене, который платил «взносы» в течение 5 лет. Когда в магазине в соответствии с практикой, начавшейся в 2017 г., появился офицер полиции, мужчина всё ему рассказал, а полицейский предложил... просто не платить. Пришедшим в конце 2020 г. за традиционным новогодним сбором бандитам бизнесмен заявил, что отказывается от платы и больше их не боится. Они молча ушли и больше не возвращались. «Обратиться за помощью в полицию было правильным решением», - сказал этот человек, но похоже, что сами якудза были готовы к тому, что их просто прогонят [7].

Кроме того, проблема старения населения - едва ли не самая насущная в Японии - коснулась и *борёкудан* - якудза тоже боятся умереть. Особенно если это не героическая смерть в славном сражении за свой клан, а от удушья под аппаратом искусственной вентиляции легких. Среди современных якудза действительно много пожилых людей - в возрасте от 70 до 80 лет, особенно сильно подверженных инфекции в т.ч. из-за приема наркотиков в молодости и даже чрезмерного увлечения татуировками, что нередко приводит к заболеваниям печени¹³.

В одной из самых влиятельных группировок - токийской Сумиёси-кай - перед каждой встречей якудза обязаны измерить температуру, а большинство встреч решено было перевести в онлайн¹⁴. В основном японском мессенджере *LINE* некоторые группировки даже организовали пропагандистские кампании по профилактике коронавируса с использованием популярного персонажа манга о якудза - Ковамотэ, обучающего бандитов правильно мыть руки и держаться подальше друг от друга. Если же встреч избежать нельзя, все их участники должны обязательно использовать медицинские маски.

Результат бережного отношения к собственным жизням вкупе с экономическими трудностями и невозможностью якудза в стабильной политической жизни Японии оказался предсказуем - их становится всё меньше. Согласно последней сводке Национального полицейского агентства, количество членов и ассоциированных членов криминальных организаций по всей стране на конец 2020 г. составляло 25 900 человек, что на 2300 меньше, чем в предыдущем году¹⁵.

¹² Japan 2020 travel surplus down 79% as pandemic rocks inbound tourism. <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/02/08/business/economy-business/travel-balance-fall/> (accessed 17.04.2022)

¹³ Alessia Cerantola. Japanese Gangs Vie for Power Amid Pandemic. <https://www.occrp.org/en/coronavirus/japanese-gangs-vie-for-power-amid-pandemic> (accessed 09.05.2022)

¹⁴ How coronavirus pandemic is affecting yakuza. <https://japantoday.com/category/features/kuchikomi/How-coronavirus-pandemic-is-affecting-yakuza> (accessed 10.06.2022)

¹⁵ Новый минимум количества криминальных группировок в Японии. https://www.nippon.com/ru/japan-data/h01007/?cx_recs_click=true (accessed 18.05.2022)

Снижается и количество уголовных преступлений: за 2021 г. на 7,5% - до 568 148 случаев, что является самым низким показателем за всё послевоенное время. Причем уровень арестов за тяжёлые преступления, такие как убийства и грабежи, составляет 93,4%¹⁶. Самыми труднораскрываемыми продолжают оставаться кражи и, прежде всего, - велосипедов.

Однако статистика говорит о другом влиянии пандемии *COVID-19* на преступность - в 2021 г. впервые за последние 4 года увеличилось количество телефонных мошенничеств, составив 14,4 тыс. случаев, что на 911 (6,7%) больше, чем в 2020 г. Поскольку страдают чаще всего пожилые люди, эта проблема мошенничества серьезно беспокоит японское общество¹⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Временный уход в тень дисциплинированных якудза не означает, что их место в преступном бизнесе навсегда останется вакантным. Последние два десятилетия японская полиция серьезно озабочена ростом преступности со стороны банд в американском понимании этого слова, стихийно сформировавшихся из бывших байкеров-хулиганов. Как правило, это люди среднего возраста, время от времени занимающиеся преступной деятельностью и находящиеся в «серой зоне» гражданской ответственности, где контроль за ними со стороны полиции затруднен. Иногда они сотрудничают с якудза, но чаще всего жестко конкурируют с ними, и конец пандемии *COVID-19* может оказаться новым стартом для организованных *борёкудан*, способных избавить японское общество от неконтролируемых банд¹⁸.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Макарова Н.Н. Бандформирования всех стран мира. Минск, Литература, 1997, с. 480, 496.
Makarova N.N. Gangs of all countries of the world. (In Russ.) Minsk, 1997, pp. 480, 496.
2. Мещеряков А.Н. Ученый-конфуцианец Нисикава Дзёкэн (1648-1724) о неучах-буддистах. Япония 2016. Ежегодник. Т. 45. М., АИРО-XXI, 2016, с. 139.
Meshcheryakov A.N. Confucian scholar Nishikawa Jouken (1648-1724) about ignorant Buddhists. (In Russ.) Japan, 2016. Year-book, Vol. 45. Moscow, 2016, p. 139.
3. Major gangster situations and countermeasures in the 3 year of Reiwa. Pp. 7-9. (In Jap.) <https://www.npa.go.jp/sosikihanzai/kikakubunseki/R03sotaijousei/R03sotaijousei.pdf/> (accessed 17.05.2022)
4. 'Sokaiya' scams hit Japan. Japanese companies ill-equipped to deal with corporate extortionists. Cable News Network. https://money.cnn.com/1997/12/19/investing/q_sokside/ (accessed 12.04.2022)
5. Tanaka Shinaki, Takashima Masayuku. The shooting case was 15 years ago, a man who was deported from Thailand in Tobosaki. (In Jap.) <https://www.asahi.com/articles/ASL223HFHL22ONFB008.html> (accessed 17.05.2022)
6. Half-invoice was lost due to protection racket Corona quit. <https://www.asahi.com/articles/ASP5D30XGP4XUTIL05D.html> (accessed 28.06.2022)
7. Tanaka Shinaki, Takashima Masayuku. Hit by pandemic, struggling shops end 'protection pay' to yakuza. (In Jap.) <https://www.asahi.com/ajw/articles/14347960> (accessed 30.06.2022)
8. Hard times: Japanese yakuza arrested for stealing food. <https://news.yahoo.com/hard-times-japanese-yakuza-arrested-stealing-food-021835457.html> (accessed 19.06.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Куланов Александр Евгеньевич, лаборант-исследователь,
Центр японских исследований, Институт востоковедения
РАН, Москва, Россия.

Alexander. E. Kulanov, Research Laboratory Assistant, Cen-
ter for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 24.07.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 23.09.2022

Принята к публикации
(Accepted) 20.11.2022

¹⁶ Токийская полиция очищает город к Олимпиаде: борьба с якудза. https://www.nippon.com/ru/news/yjj2019070100185/?cx_recs_click=true (accessed 17.05.2022)

¹⁷ Особые виды мошенничества в 2021 г. в Японии: ущерб снизился, но количество случаев выросло впервые за четыре го-
да. https://www.nippon.com/ru/japan-data/h01258/?cx_recs_click=true (accessed 19.05.2022)

¹⁸ Пробуждение новой силы: криминальные группировки хангурэ. https://www.nippon.com/ru/features/c04205/?cx_recs_click=true (accessed 20.05.2022)

Цифровая трансформация образования в странах Африки южнее Сахары: общие тенденции и опыт Кении и Уганды

© Грибанова В.В.^{a,b}, Уланова Н.С.^{a,c}, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID ID: 0000-0002-4117-1995; vgribanova@mail.ru

^c ORCID ID: 0000-0001-9624-4541; natalya.ulanova@inafr.ru

Резюме. Цифровизация считается одним из приоритетных направлений развития образования в странах Африки южнее Сахары, где показатели доступности и эффективности школьного обучения остаются ниже мировых значений. Несмотря на реализацию в регионе нескольких заметных проектов, дальнейшие планы цифровой трансформации образования могут столкнуться с определенными трудностями.

В условиях развивающегося мирового экономического и политического кризиса дотационный характер подавляющего большинства социальных инициатив и зависимость от финансирования со стороны внешних доноров представляются наиболее уязвимыми параметрами инновационного развития большинства стран региона. С другой стороны, современная ситуация может стать хорошей возможностью для перехода от зависимой и навязываемой образовательной политики к формированию современных независимых национальных культурно-образовательных систем.

Центральным остается вопрос о том, насколько эффективно цифровизация сможет решить критические проблемы образовательных систем стран АЮС, в большинстве из которых инновации внедряются в условиях сравнительно слабо развитых национальных систем образования. Как показывают результаты уже реализованных проектов, даже значительные успехи в сфере технического и программного оснащения не снимают необходимости разработки полноценных учебных программ, учитывающих психолого-педагогические особенности обучающихся и социокультурную уникальность региона.

В статье представлен анализ актуальных проблем образования в странах АЮС и опыт использования цифровых технологий для их решения, дан обзор различных подходов к применению цифровых образовательных инноваций на примере некоторых стран региона, обозначены основные приоритеты в области дальнейшей цифровизации образования в Африке.

Ключевые слова: Африка южнее Сахары, образование в Африке, школьное обучение, цифровизация образования, цифровые технологии в Африке, Уганда, Кения

Для цитирования: Грибанова В.В., Уланова Н.С. Цифровая трансформация образования в странах Африки южнее Сахары: общие тенденции и опыт Кении и Уганды. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 12. С. 54-61. DOI: 10.31857/S032150750023563-1

Digital transformation of education in Sub-Saharan Africa: General trends and Kenya and Uganda experience

© Gribanova V.V.^{a,b}, Ulanova N.S.^{a,c}, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

^b ORCID ID: 0000-0002-4117-1995; vgribanova@mail.ru

^c ORCID ID: 0000-0001-9624-4541; natalya.ulanova@inafr.ru

Abstract. Digitalization is considered to be the new hope in perspective development of education in sub-Saharan Africa still lacking for free access to effective schooling. Despite the several notable projects, further plans for the digital transformation of education in the region may encounter certain difficulties.

Developing global economic and political crises may affect the innovative development of most countries in the region where an overwhelming number of social initiatives depend on funding from external donors. On the other hand, the current situation can become a good opportunity for a transition from an imposed educational policy towards the formation of modern independent national cultural and educational systems.

At the same time, the central question is how effectively digitalization can solve the critical problems of the educational systems of the SSA countries, where innovations are introduced in the terms of relatively underdeveloped national educational systems. The results of completed projects show that even significant advances in the field of technical and software equipment do not remove the need to develop full-fledged curricula considering the psychological and pedagogical characteristics of students and the socio-cultural uniqueness of the region.

The article presents an analysis of the current problems of education in the SSA countries and the experience of using digital technologies in coping with it, provides an overview of various approaches to the application of digital educational innovations on the example of some countries in the region, and outlines the main priorities in the field of further digitalization of education in Africa.

Keywords: Sub-Saharan Africa, education in Africa, schooling, digital learning, digital technologies in Africa, Uganda, Kenya

For citation: Valentina V. Gribanova, Natalya S. Ulanova. Digital transformation of education in Sub-Saharan Africa: General trends and Kenya and Uganda experience. *Asia and Africa today*. 2022. № 12. Pp. 54-61. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750023563-1

ВВЕДЕНИЕ

Перспективы развития современного школьного образования всё чаще связывают с внедрением цифровых технологий. Эта тенденция особенно актуальна для стран Африки южнее Сахары, где, наравне с другими острыми социальными проблемами, развитие образования остается приоритетной задачей.

Из примерно полусотни стран, расположенных к югу от пустыни Сахара, более половины относят к наименее развитым странам мира. Именно эти бедные страны, хотя и каждая по-своему, пережили схожие периоды колониальной и постколониальной истории, и многие проблемы в сфере образования этих стран схожи. Несмотря на период крупных социально-ориентированных проектов по развитию национальных систем образования второй половины XX в., к концу столетия показатели грамотности населения и доступности образования практически во всех странах региона были далеки от ожидаемых.

Смогут ли цифровые технологии переломить ситуацию в области доступности качественного образования в африканских странах? Возможно ли сохранить независимую образовательную политику в ходе цифровой трансформации этой отрасли с опорой на внешние источники финансирования? Удастся ли сохранить темпы инновационного развития региона в условиях современного мирового экономического и политического кризиса? Такие первостепенные вопросы и вызовы стоят в настоящее время на пути дальнейшего курса на цифровизацию образования в большинстве стран АЮС.

Цель данной работы - дать анализ ситуации в образовании в странах АЮС в целом и в области перспективного использования цифровых технологий в современных условиях. В статье приведен обзор актуальных проблем образования в странах региона и опыт использования цифровых технологий для их решения, представлен сравнительный анализ различных подходов к применению цифровых технологий в некоторых странах АЮС, обозначены основные приоритеты в области цифровой трансформации образования в Африке с учетом вызовов современности.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ АЮС

В последние десятилетия надежды на изменение ситуации в области образования в странах АЮС в основном связывали с реализацией программ ЮНЕСКО и ООН «Образование для всех» (*Education for all*) и «Цели развития тысячелетия» (*Millennium Development Goals*). Среди прочего за первые 15 лет XX в. предполагалось обеспечить всех детей мира равным доступом к бесплатному и обязательному начальному образованию, стереть гендерное неравенство и повысить качество обучения. Однако, по оценкам специалистов, успех этих программ был неустойчивым. Несмотря на принятые меры, к моменту завершения программ в 2015 г. в мире из 57 млн детей, не посещавших школу, 33 млн проживали в странах АЮС; шансы поступить в школу у девочек из бедных семей в этих странах оценивались как минимальные, а доля выбывания детей из школы в странах региона достигала 20% от числа поступивших¹.

Вместе с тем большая доступность начального образования в странах АЮС понизила его качество, в первую очередь из-за низкого уровня подготовки учителей и всё возрастающего числа учеников [1, с. 6]. Система подготовки учителей в регионе не может справиться с приростом учеников начальных классов и требует большего числа квалифицированных специалистов. В странах АЮС от 60 до 80% учителей, работающих по контракту, имеют минимальную профессиональную подготовку или не имеют её совсем. Это сказывается на качестве обучения, и проблема обучения педагогических кадров остается крайне актуальной [1]. Несмотря на то, что при помощи мирового сообщества удалось обеспечить высокую степень доступа детей к начальному образованию, низкое качество обучения, отмечаемое повсеместно в странах Африки, снижает вероятность того, что дети останутся в школе и получают какую-либо квалификацию.

Эта тенденция сохранится и в ближайшие десятилетия - по прогнозу ООН к 2050 г. население стран региона увеличится вдвое относительно современных показателей², что усилит нагрузку на начальную школьную ступень. Среднее и высшее образование почти во всех странах региона еще менее развиты и требуют больших финансовых вложений, и это наряду с колоссальным оттоком студентов за ру-

¹ Образование для всех 2000-2015 гг.: достижения и вызовы, Всемирный доклад по мониторингу ОДВ. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000232205_rus (accessed 12.12.2021)

² <https://www.un.org/ru/un75/shifting-demographics> (accessed 02.06.2022)

беж [2, с. 9]. Эти ступени давно уже страдают от дефицита высококвалифицированных преподавателей, а также отсутствия возможности у учеников продолжить обучение из-за бедности и других социально-экономических факторов³.

Среди других проблем региона, влияющих на систему образования, помимо быстрого роста численности населения - высокий уровень нищеты, вооруженные конфликты и другие чрезвычайные ситуации. Родители часто не могут позволить себе прямые и косвенные затраты, необходимые для обучения их детей в школе (школьные учебники, форма и т.п.). Многие школы расположены далеко от мест проживания детей, что увеличивает трудности получения образования, в частности, для девочек, так как поездка в школу связана с определенным риском физического насилия. Для девочек барьером на пути к обучению может оказаться даже отсутствие отдельного туалета.

Еще одной значимой проблемой для развития образования в регионе является недостаточное материальное оснащение. Ветхие школьные здания, неуккомплектованность классов мебелью, их переполненность, отсутствие достаточного количества учебников и пособий - всё это снижает эффективность образовательного процесса. У правительств есть весьма ограниченные ресурсы для повышения качества обучения, наибольшая часть средств идет на оплату труда педагогического персонала. Остается совсем немного на повышение материального обеспечения школ. Зачастую расходы на учебники, школьное питание, форму и транспорт ложатся на плечи родителей. Понятно, что для детей из малообеспеченных и многодетных семей это может стать серьезным препятствием к обучению в школе.

В качестве наглядного примера существующих проблем в сфере образования в странах АЮС ниже рассмотрены такие страны региона, как Уганда и Кения.

Уганда - достаточно бедная страна со скудными ресурсами. Обязательное начальное образование здесь бесплатное, как и везде в регионе. С 2006 г. введено обязательное среднее образование. Образование в Уганде характеризуется большим количеством учеников начальных классов, недостатком учителей, плохой материальной обеспеченностью школ и слабой подготовкой педагогических кадров. Кроме того, можно отметить низкую результативность процесса обучения и большой процент детей, выпадающих из обучения в процессе учебы и при переходе в среднюю школу. По данным ЮНИСЕФ, в 2018 г. 84% детей от 6 до 12 лет посещали начальную школу, и только 19,7% подростков посещали среднюю⁴.

В отличие от Уганды, систему образования в Кении называют одной из лучших в странах экваториальной Африки. Однако, несмотря на более чем полувековой период государственной независимости, необходимо констатировать, что система образования в Кении всё еще находится в поиске своего пути. В 2003 г. начальное образование было объявлено бесплатным, что должно было привести к его большей доступности для разных слоев общества без какой-либо дискриминации. В 2012 г. в начальные общеобразовательные школы было принято 90% детей соответствующего возраста. В среднюю же школу поступало только 20-30% выпускников начальных школ. Проведенное в то время исследование грамотности учащихся и качества обучения показало неутешительные результаты: увеличение числа учеников и переполненность классов стали причиной снижения качества образования [2, с. 91].

До настоящего времени показатель окончания школы остается одной из острейших проблем системы образования Кении. По данным 2021 г., только 58% учеников от поступивших оканчивают начальную школу. И этот процент уменьшается по мере прохождения следующих ступеней обучения.

Факторы, определяющие эту проблему, всё те же. В первую очередь это уровень дохода семьи. Родители, несмотря на то, что образование стало бесплатным, несут другие расходы: форма, школьное питание, проживание в интернатах, транспортные расходы. Не все семьи могут себе это позволить. В то же время исследования показывают, что зачастую определяющим фактором становится и уровень образования родителей. Чем он был выше, тем больше вероятность окончания ребенком школы.

С другой стороны, учащиеся из малообеспеченных семей, получающие начальное образование в государственных школах с обычно большим количеством учащихся на одного учителя и плохими материальными условиями обучения, гораздо чаще получают плохие итоговые оценки, не позволяющие им попасть в среднюю школу, а значит, и получить государственную стипендию для поступления в университет⁵.

Новой надеждой на кардинальное изменение ситуации в странах АЮС стало внедрение цифровых технологий в образовательный процесс. Большинство стран Африки взяло курс на активное развитие цифровых технологий, включая реализацию крупных цифровых образовательных проектов. Однако специфика

³ Information and Communications Technologies in Secondary Education in Sub-Saharan Africa. Policies, Practices, Trends, and Recommendations. <https://mastercardfdn.org/wp-content/uploads/2019/11/ICT-in-Secondary-Education.pdf> (accessed 12.06.2022)

⁴ UGANDA Annual Report 2019. https://www.unicef.org/uganda/media/6806/file/UNICEF_UgandaAR2019-WEBhighres.pdf (accessed 10.01.2021)

⁵ How to keep Kenyan children in school longer: it's not only about money. *The Conversation*. April 1, 2021. <https://theconversation.com/how-to-keep-kenyan-children-in-school-longer-its-not-only-about-money> (accessed 09.05.2022)

бедных стран региона такова, что инновации внедряются в условиях сравнительно слабо развитых национальных образовательных систем, многие из которых напрямую зависят от финансирования со стороны внешних доноров.

Анализ уже имеющегося опыта внедрения цифровых технологий в образование в странах АЮС позволяет оценить первые результаты нововведений. В представленном далее обзоре обозначены основные подходы к цифровизации образования в регионе, которые наиболее наглядно видны при анализе цифровой трансформации образовательной политики Уганды и Кении.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН АЮС В ОБЛАСТИ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Цифровизация в Африке, как и везде в мире, затронула разные сферы жизнедеятельности. Потенциал развития цифровых технологий в странах Африки оценивался как невысокий, но с появлением технологий мобильного интернета африканская интернет-аудитория показала взрывной рост. Несмотря на неутешительные прогнозы в начале 2000-х гг., темпы распространения интернета в регионе значительно увеличились в первую очередь за счет увеличения числа пользователей мобильных устройств.

Предполагается, что именно цифровизация упростит доступ к информации и компенсирует слабое материальное оснащение школ в странах АЮС. Ставку сделали на использование телефонов и планшетов в качестве образовательных платформ. Тем не менее в ходе исследования в Гане, Малави и ЮАР, проводившегося с 2012 по 2016 г., лишь некоторые ученики отмечали, что используют мобильный телефон для улучшения успеваемости в школе (16,3 % - в Гане, 11,6% - в Малави и 49,7% - в ЮАР): для поиска необходимой информации, уточнения заданий, наконец - как калькулятор [3].

Среди более чем 1500 опрошенных детей и молодых людей процент учеников, считавших, что мобильные телефоны негативно влияют на обучение в школе и дома, оказался выше (24,1% - в Гане, 42,4% - в Малави, 62% - в ЮАР). При этом были выделены следующие негативные последствия: ухудшение успеваемости из-за постоянного отвлечения на телефоны, потеря времени на общение в социальных сетях, онлайн домогательства и издевательства, свободный доступ к порнографии [3, с. 25-26].

С учетом низкой подготовки учителей в бедных странах АЮС предполагалось, что расширение доступа к информационному полю позитивно отразится на качестве обучения.

В 2019 г. были опубликованы результаты исследования корреляции двух параметров - доступа к мобильной связи и распространения проводного интернета - с качеством начального обучения в 49 странах АЮС [4]. Результаты анализа данных за 12 первых лет XXI столетия показали, что в целом расширение доступа к мобильной связи снижает показатель низкого качества обучения. Но в качестве показательного был взят лишь один параметр - уменьшение числа учеников, приходящихся на одного учителя. Это и должно было способствовать улучшению качества образования, т.к. меньшее количество детей в классах позволит учителям уделять большее внимание каждому ученику. Однако исследователи не брали в расчет профессиональную квалификацию учителей и показатели академической успеваемости.

Именно поэтому на онлайн-программы обучения и поддержки педагогов и возлагаются в регионе большие надежды. Среди самых заметных международных программ выделяются совместный проект ЮНЕСКО и КНР «Улучшение педагогического образования для преодоления разрыва в качестве образования в Африке» (*Enhancing Teacher Education for Bridging the Education Quality Gap in Africa*)⁶ (2012-2019) и такие платформы, как *iEARN* (*International Education and Resource Network*)⁷ (1988 - наст.вр.) и *TESSA* (*Teacher Education in Sub-Saharan Africa*)⁸ (2005 - наст.вр.).

Все эти широкомасштабные проекты строятся как «зонтичные», т.е. рассчитаны на внедрение в разных странах региона, и сталкиваются со значительными трудностями. Так, к примеру, проект «Подготовка учителей в странах Африки к югу от Сахары» (*TESSA*), реализуемый под эгидой Открытого университета (*Open University, UK*), представляет собой сеть из 15 национальных и международных организаций, действующих в Гане, Кении, Нигерии, Руанде, Южной Африке, Судане, Танзании, Того, Уганде и Замбии. В рамках этого проекта учителям предоставляется бесплатный доступ к 75 электронным образовательным модулям по пяти основным направлениям: грамотность, математика, естественные науки, жизненные навыки, социальные науки и искусство, - и всё это на четырех языках: арабском, английском, французском и суахили. Создатели программы подчеркивают, что модули интерактивны, вариативны и могут быть адаптированы в соответствии с контекстом и образовательными потребностями [5, с. 263].

⁶ <https://sdgs.un.org/partnerships/enhancing-teacher-education-bridging-education-quality-gap-africa> (accessed 01.06.2022)

⁷ <https://www.earn.org>; <https://www.earn.org/region/africa/> (accessed 21.01.2022)

⁸ <https://www.tessafrica.net/> (accessed 12.06.2022)

На деле для внедрения этого проекта в педагогическую практику потребовалось нескольких этапов.

Например, в Кении при поддержке волонтеров из числа персонала одного из педагогических институтов курсы по обучению работе с платформой были встроены в образовательную программу Высшего образовательного института (*Higher Education Institution*). Сами организаторы отмечают, что столкнулись с определенным сопротивлением со стороны сотрудников института и популяризация программы в основном происходила за счет увлекшихся платформой студентов [5, с. 267]. Определенные усилия понадобились и при попытке реализации проекта непосредственно в школах: учителя, работающие с платформой, адаптировали предложенные программы в соответствии с собственной педагогической практикой и местным контекстом, но при этом сталкивались с техническими трудностями при доступе к материалам и популяризации его среди других учителей [5, с. 268]. Подводя итоги, организаторы проекта делают акцент на его позитивные стороны: использование платформы способствовало формированию активной педагогической позиции учителя и стимулировало создание педагогических групп внутри школьных коллективов [5, с. 270].

Тем не менее, очевидно, что на практике внедрение цифровых технологий в школьную среду требует специальных усилий для подготовки учителей как со стороны педагогических учреждений, так и со стороны школьной администрации на местах, а также особого внимания к корректировке содержания образовательных программ в соответствии с африканскими традициями и ценностями. Последнее крайне важно для региона, в котором в последние годы нарастает противостояние западных и традиционных африканских ценностей и остро стоит вопрос о цивилизационном выборе [6].

В связи с вышесказанным, можно предположить, что более эффективными, по сравнению с «зонтичными» наднациональными проектами, будут государственные программы в области цифровизации, т.к. они смогут обеспечить полноценную преемственность в подготовке учителей и смогут успешнее адаптироваться к местным условиям.

В этом смысле обратимся к опыту Уганды и Кении. Обе эти страны имеют схожие исторические тенденции развития и начали в недавнем времени реализацию крупных проектов по цифровизации образования.

Уганда: локальные проекты цифровизации школьного образования

В Уганде, где наблюдаются плохая материальная обеспеченность школ и низкий уровень подготовки педагогических кадров, государственные структуры, как и везде в регионе, для решения этих проблем привлекают к финансированию внешние средства от доноров - общественных неправительственных организаций, частных инвесторов, коммерческих компаний, а также средства, получаемые напрямую от других стран. Следует отметить, что именно в Уганде эта тенденция прослеживается особенно отчетливо. Наряду с государственными школами широко распространены частные и общинные учебные заведения с частичным государственным субсидированием. Реализуется целый ряд программ при финансовой поддержке ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО и третьих стран⁹.

Тем не менее не все проекты получают положительную оценку со стороны общественности. Крупный проект по поддержке детской грамотности и здоровья (*Supporting Children's Literacy and Health in Uganda*), реализующийся в Уганде с 2012 г. при поддержке Агентства США по международному развитию (*USAID*)¹⁰, должен был облегчить проведение реформы по стандартизации преподавания родных языков в младших классах. Однако программа получила неоднозначную оценку со стороны учителей. Созданная без учета местных социокультурных реалий программа по-разному была воспринята на местном уровне, что спровоцировало волну недовольства и обвинений, выдвигаемых угандийскими властями в адрес друг друга и организаторов программы [7]. Несмотря на это, в вопросе общей цифровизации школьного образования угандийские власти решили действовать по той же схеме.

При поддержке КНР и под эгидой ЮНЕСКО в стране была реализована программа по разработке стандартов подготовки учителей в области ИКТ (*ICT Competency Standards Framework for Teachers in Uganda*). Эта программа была частью большого совместного проекта ЮНЕСКО и КНР по подготовке и переподготовке учителей в 2012-2017 гг., имевшего своей целью преодолеть нехватку педагогических кадров и низкий уровень их подготовки в АЮС.

Итогом угандийской части программы стали: подготовка 685 обученных учителей, 9 учебных пособий, 1 обучающая онлайн-платформа и приобретение 272 единиц техники¹¹. В отчетных документах отсутству-

⁹ <http://www.education.go.ug/> (accessed 06.06.2022)

¹⁰ <https://www.rti.org/impact/supporting-child-literacy-and-health-uganda> (accessed 01.06.2022)

¹¹ <https://economist.com/graphic-detail/2017/11/08/in-much-of-sub-saharan-africa-mobile-phones-are-more-common-than-access-to-electricity> (accessed 16.03.2022)

ет какая-либо качественная оценка результатов программы или данные о дальнейшем применении полученных компетенций учителями в профессиональной практике. Нет никаких данных и о долгосрочных результатах реализации программы. Всё это, как и сами масштабы программы, наталкивает на мысль о фрагментарности этого проекта.

Приведенный пример подтверждает мнение экспертов о том, что кардинально изменить ситуацию в борьбе за повышение качества образования на Африканском континенте можно, лишь строя долгосрочные национальные программы, хотя бы и с привлечением иностранного финансирования [8]. Именно по такому пути решили идти власти Кении.

Государственные программы цифровой трансформации образования в Кении

В Кении после нескольких локальных проектов по цифровизации образования в 2013 г. Министерством образования была объявлена крупномасштабная трехступенчатая Программа цифровой грамотности (*Digital Literacy Programme*), обещающая решить проблемы в образовании и поднять систему на новый уровень¹².

Опираясь на свою информационную инфраструктуру, кенийское правительство решилось на массовое техническое оснащение школ. Всего уже к августу 2016 г. было закуплено и установлено около 1 млн планшетных компьютеров, а также десятки тысяч ноутбуков для преподавателей [9].

В рамках проекта разработка обучающего контента строится на основе хорошо себя зарекомендовавшей программы «*Tusome*» (суах. - «Будем читать») по обучению счету и чтению на суахили. Для наполнения её контента Кенийский институт образовательного планирования (*Kenya Institute of Curriculum Development*) вступил в технологическое партнерство с частным сектором, в результате чего на поставленных в школы устройствах были установлены материалы для учащихся младших классов.

В целом оценки программы были неоднозначными. Прозвучали сомнения в целесообразности опоры на учебные программы, разработанные при внешнем участии, призывы не забывать о материальной поддержке учителей при таких масштабных нововведениях и обеспечить неконтролируемым доступом школьников ко всему спектру мирового интернет-контента¹³.

Также подчеркивается, что, помимо зависимости программы от технического состояния средств и сетей, центральным остается вопрос о разработке эффективного учебного контента для более старших классов. Видимо, понимая это, правительство не только анонсировало запуск второго этапа программы¹⁴, но и объявило о начале крупной и давно назревшей реформы школьной системы в целом, включающей разработку новых приоритетов в обучении и создание целостных учебных планов для всей страны¹⁵.

Вместе с тем, популярность внутри страны набирают независимые платформы, предоставляющие доступ к образовательным ресурсам на личном телефоне. В Кении при поддержке местного оператора мобильной связи было разработано специальное программное обеспечение, предоставляющее доступ к авторским учебным материалам начальной и средней школы, ставшее популярным у миллионов пользователей¹⁶.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ АЮС

Анализируя результаты ряда проектов цифровизации образования в странах АЮС и сопоставляя результаты внедрения цифровых технологий в учебную практику Уганды и Кении, можно проследить следующие актуальные для всего региона АЮС тенденции.

С одной стороны, опыт стран региона показывает, что, делая оптимистичные оценки роста количественных параметров развития систем образования при расширении доступа к некоторым формам интернет-технологий, необходимо учитывать и такие важные показатели, как качество, результативность обучения и профессиональную подготовку учителей. Сторонники курса на полную замену печатных учебных материалов цифровыми образовательными продуктами и развитие независимых наднациональных образовательных ресурсов нередко не берут в расчет важные поведенческие и социокультурные факторы.

Развитие универсальных онлайн-платформ для подготовки и поддержки образовательной деятельности учителей открывает доступ к обучению большего количества специалистов из разных стран. В то же

¹² DigiSchool. <http://icta.go.ke/digischool/> (accessed 12.06.2022)

¹³ <https://panoplydigital.com/blog/from-jubilation-to-condemnation-kenyas-digital-literacy-programme-top-tips-for-success> (accessed 06.03.2022)

¹⁴ <https://ict.go.ke/digital-literacy-programme-on-course-says-ict-cs/> (accessed 26.12.2021)

¹⁵ <https://kicd.ac.ke/curriculum-reform/basic-education-curriculum-framework/> (accessed 06.06.2022).

¹⁶ <https://enezaeducation.com/> (accessed 06.05.2022)

время их использование требует специальных усилий по подготовке учителей, а также корректировки содержания образовательных программ в соответствии с национальным контекстом.

С другой стороны, масштабные государственные проекты в области цифровизации образования в странах АЮС даже при значительных успехах в области технического и программного оснащения не снимают необходимости разработки полноценных учебных программ с учетом возрастных и социокультурных особенностей школьников и поэтому могут обеспечить лучшие показатели только в сочетании с полноценной и независимой образовательной системой. А создаваемые на их основе цифровые образовательные продукты должны быть легко доступны и понятны широкому кругу пользователей. При этом следует учитывать те вызовы, с которыми уже столкнулись мировые образовательные системы, внедряющие аналогичные методы обучения.

Реализация на национальном уровне локальных образовательных проектов без поддержания единой системы как в области развития образования в целом, так и в сфере внедрения цифровых технологий в частности дает определенные выгоды. Однако при этом редко учитывается местная социокультурная и образовательная специфика, что приводит к сопротивлению нововведениям и может породить противоречия внутри образовательных систем.

Важнейшим фактором в области развития инноваций в образовательной сфере в регионе является финансирование. Материальное и методическое оснащение образовательных учреждений в большинстве стран региона напрямую зависит от внешних источников финансирования. В условиях развивающегося экономического и политического мирового кризиса можно ожидать сокращения потока средств от уже существующих доноров, значительного ограничения или закрытия ряда совместных проектов.

В связи с вышеизложенным в условиях вызовов современности можно выделить следующие основные приоритетные направления в области цифровой трансформации образования в странах Африки южнее Сахары:

1. Разработка и поддержка национальных цифровых образовательных платформ и продуктов

Ориентация на самостоятельное развитие этой области и на поиск новых партнеров, способных обеспечить независимое всестороннее развитие образовательных национальных систем с опорой на удобные цифровые решения, учитывающие возрастные и психолого-педагогические особенности обучающихся, а также социокультурную уникальность региона.

2. Формирование независимой культурно-образовательной политики в области цифровизации социально значимых сфер жизнедеятельности

Современная трансформация финансовой и политической сферы мирового влияния может быть использована странами региона для ухода от влияния целого ряда государственных и негосударственных зарубежных инвесторов и культурно-религиозных объединений, воздействующих на образовательную политику многих стран АЮС посредством материальной поддержки инноваций.

3. Обеспечение безопасности детей и подростков в сети

Одновременно с развитием образовательных цифровых технологий особое внимание необходимо уделить обеспечению цифровой безопасности и информационной защищенности детей и подростков, поскольку именно с этой областью связывают основные негативные последствия массового использования цифровых устройств в учебной и повседневной практике школьников. Основными посредниками такого гуманитарного взаимодействия со странами Африки долгое время выступали институты глобального мирового сотрудничества. Однако современные реалии требуют поиска новых партнеров и путей прямого взаимодействия стран в этой критически важной сфере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общий обзор современного положения дел в области образовании в регионе АЮС позволяет дать сдержанную оценку перспективам значительных качественных и количественных изменений в этой сфере с внедрением цифровых технологий.

Внедрение информационных технологий не может стать единственным условием кардинальных изменений в образовании и главным условием эффективности развития современных образовательных систем без глубокой и многосторонней работы всех звеньев национальных образовательных систем на разных уровнях. Как и в других регионах мира, опыт стран АЮС показывает, что цифровизация сама по себе не становится центральным аспектом качественного улучшения обучения и имеет потенциальные негативные последствия.

Зависимость большинства стран региона от внешних источников финансирования ставит образовательную сферу под удар в условиях современного экономического и политического мирового кризиса. Вместе с тем такая ситуация может стать хорошей возможностью для перехода от зависимой и навязывае-

мой образовательной политики к формированию независимых культурно-образовательных систем в сотрудничестве с новыми партнерами.

Именно формирование независимой системы финансирования образования с опорой на альтернативные источники материально-технической и методической поддержки способно положительно сказаться на темпах развития образования в регионе в современных непростых условиях.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Грибанова В.В., Пономарев И.В. Школа и политика. Из истории создания и реформирования школьной системы в странах Восточной и Южной Африки. М.: Институт Африки РАН. 2018. 176 с.
Gribanova V.V., Ponomarev I.V. School and politics. From the history of the creation and reform of the school system in East and South Africa. (In Russ.) Moscow. 2018. 176 p.
2. Образование в Африке. М.: Институт Африки РАН, 2013. 284 с.
Education in Africa. (In Russ.) 2013. 284 p. Moscow.
3. Porter G., Hampshire K., Milner J., Munthali A., Robson E., de Lannoy A., Bango A., Gunguluza N., Mashiri M., Tanle A., Abane A. Mobile phones and education in sub-Saharan Africa: from youth practice to public policy. *Journal of International Development*, 2016, 28 (1), pp. 22-39.
4. Asongu S., Odhiambo N. Enhancing ICT for Quality Education in Sub-Saharan Africa. *Education and Information Technologies*, 2019, 24(5), pp. 2823-2839.
5. Murphy P., Wolfenden F. Developing a pedagogy of mutuality in a capability approach: Teachers' experiences of using the Open Educational Resources (OER) of the teacher education in sub-Saharan Africa (TESSA) programme. *International Journal of Educational Development*, 2013, 33 (3), pp. 263-271.
6. Пономарев И.В. Конструирование образа врага, разрушение цивилизационных ценностей и рост экстремизма на Африканском континенте. *Цивилизационные альтернативы Африки*. 2020. Том 3. С. 178-202. М.: Институт Африки.
Ponomarev I.V. Constructing the image of the enemy, destruction of civilizational values and the growth of extremism on the African continent. *Civilizational Alternatives of Africa*. 2020. Vol. 3. Pp. 178-202. Moscow. (In Russ.)
7. Wenske R.S., Ssentanda M.E. "I think it was a trick to fail Eastern": A multi-level analysis of teachers' views on the implementation of the SHRP Program in Uganda. *International Journal of Educational Development*. 2021. 80, 102309.
8. Панцеров К.А. Страны Тропической Африки на пути в глобальное информационное общество: проблемы и перспективы. СПб: СПбГУ, 2010. 256 с.
Pantserev K.A. Countries of Tropical Africa on the way to the global information society: problems and prospects. St. Petersburg, 2010. 256 p. (In Russ.)
9. Гэйбл Э. Цифровая трансформация школьного образования. Международный опыт, тренды, глобальные рекомендации. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 108 с.
Gayble E. Digital transformation of school education. International experience, trends, global recommendations. 2019. 108 p. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Грибанова Валентина Валерьевна, кандидат исторических наук, ст.н.с., зав. Центром истории и культурной антропологии, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Valentina V. Gribanova, PhD (History), Senior Researcher, Head, Centre for History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Уланова Наталья Сергеевна, кандидат психологических наук, ст.н.с., Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Natalya S. Ulanova, PhD (Psychology), Senior Researcher, Centre for Civilisational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 20.06.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 30.10.2022

Принята к публикации
(Accepted) 17.11.2022

Конфликт между Западом и миром Ислама: причины и динамика в историческом измерении

© Бобохонов Р.С.^{a,b}, Следзевский И.В.^{a,c}, 2022

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID ID: 0000-0002-0841-1707; rahimbobokhonov@yandex.ru

^c ORCID ID: 0000-0001-8245-5727; igor25011904m@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена проблеме конфликта/диалога Западного мира и мира Ислама. Предмет статьи - факторы, которые затрудняют диалог этих миров как двух мировых цивилизаций, создают культурно-политические и культурно-исторические условия для сохранения и обострения глубоких расхождений между этими цивилизациями, а в современных условиях трансграничного, всё более нестабильного и неопределенного мира - переводят эти расхождения в контекст взаимных претензий и эксклюзивизма по отношению друг к другу. Цель исследования - выявление главных исторических причин и динамики (исторических этапов) возникновения и обострения конфликта между европейской и исламской цивилизациями: сначала между миром Ислама и миром Христианства, а затем - в Новое и Новейшее время - между исламской и западной цивилизациями. Используются методы цивилизационной компаративистики, сравнительного религиоведения, терминологического анализа. Проанализированы доминирующие в мировой и российской науке версии истории конфликта Ислама с Христианством, Ислама с Западом, охарактеризованы его главные этапы. Предложена концепция глубинных факторов этого конфликта, обусловленных природой обеих цивилизаций, напряженными культурно-историческими связями Ислама и Христианства. Сделан вывод о глубинных причинах конфликта, их укорененности в фундаментальных вопросах власти и культуры, культурно-политического влияния, контроля, убеждений и идентичности.

Ключевые слова: Ислам и Христианство, Ислам и Запад, Восток, цивилизационный конфликт, факторы и историческая динамика нарастания конфликта между исламской и европейской цивилизациями, версии истории этого конфликта

Для цитирования: Бобохонов Р.С., Следзевский И.В. Конфликт между Западом и миром Ислама: причина и динамика в историческом измерении. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 12. С. 62-69. DOI: 10.31857/S032150750023562-0

The Conflict between the West and the World of Islam: Causes and Dynamics in the Historical Dimension

© Rakhimbek S. Bobokhonov^{a,b}, Igor V. Sledzevsky^{a,c}, 2022

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b ORCID ID: 0000-0002-0841-1707; rahimbobokhonov@yandex.ru

^c ORCID ID: 0000-0001-8245-5727; igor25011904m@yandex.ru

Abstract. At the present stage of world development, issues concerning the role of Islam in world history and world politics, its relations with other civilizations have become relevant. We are talking, first of all, about the long historical confrontation, the ongoing conflict of Islam with the West, with the Christian world. This article is devoted to the problem of conflict/dialogue between the Western world and the world of Islam. The subject of the article is the factors that impede the dialogue of these worlds as two world civilizations, create cultural-political and cultural-historical conditions for the existence and exacerbation of deep differences between these civilizations, and in the modern conditions of a transboundary, increasingly unstable and uncertain world - translate these differences in the context of mutual claims towards each other. The purpose of the study is to identify the main historical causes and dynamics (historical stages) of the onset and exacerbation of conflict between European and Islamic civilizations: first between Islam and Christianity, and then - in New and Modern times - between Islam and the West. When developing the subject of the study, the close connection of the analysis of intercivilizational relations with its conceptual and terminological apparatus and the experience of scientific interpretation of the history of civilizations and intercivilizational relations was taken into account. Methods were used: religious studies, terminological analysis. The dominant versions of the history of the conflict between Islam and Christianity, Islam and the West in the world and Russian science are considered, its main stages are characterized. The concept of the underlying factors of this conflict, due to the nature of both civilizations, the tense cultural and historical ties of Islam and Christianity, is proposed. The conclusion is made about the deep causes of the conflict, their rootedness in the fundamental issues of power and culture, cultural and political influence, control, beliefs and identity.

Keywords: Islam and Christianity, Islam and the West, East, civilizational conflict, factors and historical dynamics of the conflict between Islamic and European civilizations, versions of the history of this conflict

For citation: Bobokhonov R.S., Sledzevsky I.V. The Conflict between the West and the World of Islam: Causes and Dynamics in the Historical Dimension. *Asia and Africa today*. 2022. № 12. Pp. 62-69. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750023562-0

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время в мусульманском мире произошли важные, во многом переломные события. В начале 2011 г. арабские страны охватила волна политических протестов и восстаний против правящих режимов (события «арабской весны»). Значительно возросла роль фундаменталистского (салафитского) направления ислама, появились открытые социальные сети для мусульман всего мира. В результате исламизации политического процесса в некоторых мусульманских странах получил развитие политический ислам (исламизм), способствовавший активизации и распространению по всему миру радикальных (экстремистских) религиозно-политических течений ислама. Переломным событием в подъеме исламистского радикализма стало вторжение в Ирак в 2003 г. США и их союзников, приведшее к образованию крупнейшей военно-террористической организации исламских радикалов - т.н. «Исламского государства» (ИГ), провозгласившего себя в июне 2014 г. «Всемирным халифатом».

Эти и другие события, происходящие в связи с Исламом, вокруг Ислама, для Ислама или против Ислама, привлекли широкое внимание мировой политической и научной общественности. Более того, приобрели актуальность вопросы, касающиеся роли Ислама в мировой истории и мировой политике, его взаимоотношений с другими цивилизациями. Речь идет, прежде всего, о длительном историческом противостоянии, непрекращающемся конфликте Ислама с Западом, с христианским миром.

Данная статья посвящена проблеме конфликта/диалога западного мира и мира Ислама. Предмет статьи - факторы, которые затрудняют диалог этих миров как двух мировых цивилизаций, создают культурно-политические и культурно-исторические условия для существования и обострения глубоких расхождений между этими цивилизациями, а в современных условиях трансконтинентного, всё более нестабильного и неопределенного мира - переводят эти расхождения в контекст взаимных претензий и эксклюзивизма по отношению друг к другу. Цель исследования - выявление главных исторических причин и динамики (исторических этапов) возникновения и обострения конфликта между европейской и исламской цивилизациями: сначала между Исламом и Христианством, а затем - в Новое и Новейшее время - между Исламом и Западом.

При разработке предмета исследования учитывалось тесная связь анализа межкультурных отношений с его понятийно-терминологическим аппаратом и опытом научной интерпретации истории цивилизаций и межкультурных отношений. В этом контексте в работе рассматриваются вопросы терминологического определения истории конфликтных взаимоотношений исламской и западной цивилизаций и степень изученности факторов этого конфликта в мировой исторической науке.

ИСЛАМ И ЗАПАД: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рассматривая проблему конфликта Запада и Ислама, надо в самом начале внести терминологическую определенность в ценностно-смысловую конструкцию (топологию) описания его мировых субъектов. Речь идет, прежде всего, о таких многозначных понятиях, как: «Ислам», «Христианство», «Запад», «Восток».

В культурно-историческом плане понятие «Запад» нельзя отделить от понятия «Христианство». Дело в том, что культурно-цивилизационные процессы западного происхождения, например дифференциация, разделение религиозной и политической сфер имели в качестве своего основного идентифицирующего маркера христианство, представления о христианском мире и его пространстве. На эту особенность старой топологии европейской цивилизации обращает внимание известный норвежский специалист по использованию в международных отношениях образа «Другого» А.Б.Нейман [9, р. 53].

Определяющее значение в этой топологии европейского мира до эпохи Возрождения имело противопоставление христианства и ислама в качестве главной оси европейской идентичности «Мы - Они» (Христианство vs Ислам). После эпохи Возрождения это противопоставление сохранилось, но европейская цивилизационная идентичность получила (в условиях произведенного эпохой Реформации раскола христианской конфессии в европейских странах на католическую и протестантскую деноминации) новое основание - *культуристичность*, наличие или отсутствие светского образования [5, р. 348].

На этом основании возникло более широкое культурно-географическое понятие «Запад». Это понятие включает в себя не только христианство как важнейший элемент европейской религиозной идентичности, но и целый ряд других составляющих, подчеркивающих особый уровень европейской цивилизованности: мировоззренческую (свободы и права человека), геоэкономическую (открытый мировой рынок), государственно-политическую (представительная демократия), морально-этическую и психолого-ментальную и т.д. вплоть до образа жизни миллионов людей, проживающих в странах Европы и Америки.

Учитывая динамику развития европейской цивилизационной идентичности, конфликт между европейской и мусульманской цивилизациями надо разделить терминологически на две части, разные по смыслу

и содержанию: конфликт Ислама с Христианством до начала эпохи Нового времени в Европе (до периода буржуазно-демократических революций в Европе, отделения религии от государства и создания национальных государств) и конфликт Ислама с Западом, который начался во второй половине XIX в. и продолжается по сегодняшний день.

Однако, разделяя мир Запада и мир Ислама, мы сталкиваемся с проблемой культурно-географической симметричности соотнесения этих миров. Презентация европейской идентичности как идентичности человека западного мира несет в себе идею культурной гегемонии европейских народов, превосходства их над неевропейскими народами. Как показал американский интеллектуал арабского происхождения Э.В.Саид в своей известной книге «Ориентализм», эта идея, по мере своего утверждения в европейском культурном самосознании, породила целую систему репрезентации, изображения Востока в целом как неизменно, единообразного и предельно своеобразного объекта действий самого Запада [10].

Образ Ислама в этой картине мира неотделим от образа мусульманина как восточного человека. Однако, как признал сам Э.В.Саид в послесловии к своей книге, понятия «Запад» и «ориентализм» стали восприниматься читателями как один термин, и этот термин начал использоваться для репрезентации Запада как врага Ислама, арабов и многих других неевропейских народов.

Не правильнее ли в этом контексте говорить о конфликте Запада и Востока как борьбе двух противостоящих друг другу систем репрезентации культуры человечества? Не получим ли мы в этом случае более интересный конструкт, выражающий поляризацию восприятия мировой истории, культуры и политики: Запад vs Восток, или Восток vs Запад?

Однако в реальности термины «Восток» и «Ислам» не соответствуют друг другу по многим параметрам. Главные отличия - это географические, религиозные и ментальные. Мир Востока, как это очевидно, географически шире мусульманского мира. На Востоке присутствуют и занимают доминирующие позиции, помимо Ислама, многие другие религии, религиозные группы и общности (только в одной Индии их насчитывается более тысячи). Ментально-психологические карты и образ жизни миллионов людей на всём обширном культурно-географическом пространстве Востока также весьма разнородны. В этой разнородности восточных обществ можно легко потерять или недооценить своеобразие и сложность собственно мира Ислама.

Сегодня все ведущие представители научно-гуманитарного знания признают существование особой исламской цивилизации. Возникший на Аравийском полуострове в VII в. Ислам как культурно-историческое образование цивилизационного уровня стремительно распространился на Северную Африку и Пиренейский полуостров, а также на регионы Центральной Азии, Индостана и Юго-Восточной Азии. В результате внутри мира Ислама сложилось множество отдельных культур и субцивилизаций, включая арабскую, тюркскую, персидскую и малайскую. «Исламская цивилизация» и «мусульманский мир» в этом плане больше похожи на «христианский мир» и «христианскую цивилизацию» эпохи Средневековья, «западный мир» и «западную цивилизацию» в Новое и Новейшее время.

Вопросы влияния Ислама на средневековую Европу и влияния Европы на мусульманский мир в Новое и Новейшее время привлекали и продолжают привлекать внимание историков (работы Ж.Ле Гоффа, М.Ломбара, У.М.Уотта и др.). Признано наличие конфликтной составляющей в этом взаимном влиянии Европы и Ислама. Однако целостная картина конфликтов, которые сопровождали взаимодействие Европы и мусульманского мира на разных его этапах, пока отсутствует.

ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В ОТНОШЕНИЯХ ЕВРОПЫ И МИРА ИСЛАМА: ОСНОВНЫЕ ВЕРСИИ

Можно выделить 3 основные версии (трактовки) истории конфликта Ислама с Христианством, Ислама с Западом.

Если первая версия связывает этот конфликт, прежде всего, с войнами, которые Европа вела с мусульманским миром, то вторая носит культурно-цивилизационный характер, подчеркивая исторические различия в базовых духовных ценностях и принципах обеих цивилизаций. Третья версия связана с происхождением ислама как религии.

Согласно первой версии, история конфликта Ислама с христианским миром начинается со времен Реконкисты и крестовых походов. Однако надо признать, что этот конфликт начался гораздо раньше, - когда первые мусульманские отряды будущего Халифата стали воевать против пограничных войск Византии еще в первые годы возникновения ислама. История открытого конфликта, действительно, начинается с исламо-христианских войн, но в дальнейшем этот конфликт приобрел другие формы, в том числе относительно мирной конкуренции и соперничества ислама и христианства. Речь идет о развитии мусульманской цивилизации после захвата мусульманами Ирана и Центральной Азии. Долгое время мир Ислама «варился» в иранском цивилизационном котле, пока не стал мировой религией.

В эпоху Средневековья мировая исламская цивилизация успешно конкурировала с христианской по многим направлениям: философская мысль, искусство, литература, наука и образование, техника, идеалы и ценности общественного прогресса. Мусульманские завоевания повсюду сопровождались повышением активности контактов между населением разных стран и возрастанием объемов внешней торговли. Именно мусульмане впервые после эпохи античности создали на значительных территориях Ближнего и Среднего Востока, Южной, Западной, Центральной и Восточной Европы торговые пути, по которым регулярно двигались большие караваны, перевозившие товары и деньги в разные страны Евразийского континента. Более активная торговая политика Халифата или отдельных его частей определилась в IX-XII вв. Поддержание высокого уровня жизни в крупных и средних городских центрах Халифата оказалось почти полностью обусловлено успешностью международной торговли, которая обеспечивала сбыт ремесленной продукции этих центров, создавала условия для приобретения разнообразного необходимого сырья. Европейские страны, в свою очередь, ощущали прямую зависимость от этой торговли, которая обеспечивала широкие поставки пряностей, перца, сладостей, больших масс тканей, особенно шелковых, а также различных металлов, в т.ч. драгоценных, и минералов.

Многие страны, окружавшие Халифат, испытывали подъем благодаря тому, что через их территорию проходили транзитные торговые пути Халифата. Однако ослабление военной активности Халифата привело к упадку его военных контингентов, их дисциплины и, следовательно, к снижению возможностей оборонять завоеванное. Перелом наступил в пользу христианской цивилизации после открытия Америки и новых морских путей в эпохи Ренессанса и Просвещения, промышленных революций и создания национальных государств. Эта точка зрения разделяется многими учеными как на Западе, так и в мусульманском мире [1; 2; 3; 4].

Согласно второй версии, противостояние христиан и мусульман восходит ко времени появления самого пророка Мухаммеда. Об этом пишут некоторые отечественные и зарубежные авторы [13;14]. Они утверждают, что Коран содержит множество полемических утверждений, противостоящих христианской вере, причем не только выступает против неё, но и предлагает разумные доводы для её опровержения. Более того, они цитируют многих авторов, живших в разные периоды Халифата.

Действительно, в первые столетия истории ислама мусульманские ученые и богословы написали множество книг, в которых они оспаривали чистоту Священного Писания (Ибн Хазм), учение о триединстве Бога (Абу Иса ал-Варрак), социальную структуру христианского общества (ал-Джахиз), убежденно доказывая, что и Ветхий, и Новый Завет пророчествует о Мухаммеде (ат-Табари). Эти споры продолжаются и поныне. Массовыми тиражами издаются в мусульманских странах полемические материалы на тему изначального исламо-христианского противостояния, например, трактаты Ахмада Дидата - мусульманского проповедника из Южной Африки [13].

Христианские ученые и богословы нередко вступали в ожесточенный спор с этими и другими мусульманскими авторами. В этих спорах они обоснованно возражали против полномочий Мухаммеда как пророка, предоставляя многочисленные доказательства несостоятельности утверждения, будто Коран является Словом Божиим. Однако нередко резкие выступления обеих сторон были весьма предвзятыми и неуравновешенными. Самые прекрасные идеалы одной веры противопоставлялись её сторонниками примерам порочной практики приверженцев другой веры, при этом спорящие стороны, вероятно, часто осознавали ангажированность, предвзятость и нечестность своих методов. Несомненно, такие споры закладывали прочный фундамент для возникновения культурно-цивилизационного конфликта между исламом и христианством в будущем. Возможно, что история Реконксты, крестовых походов и кровавые страницы истории Халифата были отчасти связаны с этими спорами.

Таким образом, история конфликта ислама с христианством на протяжении многих веков принимала разные формы: военные конфликты, конкуренция и соперничество в мирное время во всех сферах жизни, обретая черты культурно-цивилизационного разрыва, который начался еще во время появления Ислама как религии и продолжается по сегодняшний день.

Третья версия относит возникновение конфликта ко времени зарождения и формирования Ислама как религии. Речь идет о проблеме взаимоотношения трех авраамических религий - иудаизма, ислама и христианства. По мнению многих историков, ислам как религия возник и сформировался под воздействием христианской цивилизации. С этим согласны и некоторые мусульманские и христианские богословы.

Приводим ключевые слова, которые были произнесены на Всемирной конференции мусульманских ученых «Кто они - люди Сунны?», проходившей в Чеченской Республике, в г. Грозный в августе 2016 г.: «Пророк Мухаммед повторял не раз, что он не был первым и единственным пророком, что до него были пророки. В Коране любой христианин или иудей найдет имя Адама, Ноя или Авраама, которого апостол Павел справедливо называет "отцом всех верующих". Там же фигурирует и Моисей (под именем Муса), и брат его Аарон (под именем Гарун), и почти все ведущие персонажи Ветхого и Нового Заветов. И, наконец,

высоким уважением и почитанием окружает Коран имя Иисуса, Сына Девы Марии. Иса (в Коране) - сын Мариам, рожден от Девы. Это подчеркивается в Коране, и, может быть, это единственная из всех религий (кроме христианства), которая признает особую, уникальную природу Иисуса Назарянина¹. В этой оценке подчеркивается общность, родство трех авраамических религий. Но, на наш взгляд, именно это родство заложило фундамент будущего культурно-цивилизационного конфликта между Исламом и Христианством на долгие годы вперед. Речь идет об основных пророках, которые упоминаются в Ветхом и Новом Завете.

Ислам, как новая мировая религия, не только признал прежних пророков, но назвал их *«своими»* - *собственными*. Таким образом, жизнь и деятельность иудейских и христианских пророков легли в основу сюжета многих аятов и сур священного Корана. Сами авраамические пророки прочно закрепились в исламском пантеоне пророков, уступив в иерархии лишь Мухаммеду как последнему провозвестнику и истолкователю воли Божьей. В этом общем духовном пространстве и стали возникать споры и суждения разного рода на тему иерархии пророков между мусульманскими и христианскими учеными, о чём уже говорилось выше.

В то же время следует признать, что на стадии становления ислама как религии постоянного и напряженного конфликта между Исламом и Христианством не было, иначе не смогли бы прочно закрепиться в будущей мусульманской религии авраамические пророки. Более того, на какое-то время возникло определенное коммуникационное соединение (диалог) исламской и христианской культур, мусульманской и христианской цивилизаций. Конфликт возник тогда, когда мир Ислама соединился с политикой и стал Халифатом. Халифат нуждался в расширении и укреплении своей мощи, ислам параллельно расширялся с Халифатом, пока не достиг границ христианского мира. Христианство, граничащее с Халифатом, в то время также было тесно соединено с политикой и властью. Речь идет, прежде всего, о Восточной Римской империи - Византии.

ЭТАПЫ И КЛЮЧЕВЫЕ (ПЕРЕЛОМНЫЕ) МОМЕНТЫ КОНФЛИКТА ИСЛАМА С ХРИСТИАНСТВОМ И ЗАПАДОМ

Теперь совершим небольшой экскурс в историю, чтобы более детально изучить основные этапы возникновения и усиления конфликта Ислама с Христианством и Западом. Выделяя и рассматривая этапы, мы будем акцентировать внимание на тех версиях конфликта, которые были изложены выше.

Первоначальная арабо-исламская экспансия, развернувшаяся в начале VII - середине VIII в., привела к установлению господства мусульман в Северной Африке, на Иберийском полуострове, на Среднем и Ближнем Востоке, в Персии и Северной Индии. Приблизительно на два века границы, разделявшие ислам и христианство, стабилизировались. Затем, в конце XI в., христиане вновь обрели контроль над западным Средиземноморьем, завоевали Сицилию и захватили древнюю столицу Испании - Толедо. В 1095 г. начались крестовые походы, и на протяжении полутора столетий христианские государи пытались с убывающим успехом установить христианское правление в Святой земле и в примыкающих областях Ближнего Востока, пока в 1291 г. не потеряли Акру, свой последний оплот в Святой земле (в Западной Галилее, на побережье Средиземного моря).

Тем временем на сцене появились турки-османы, создавшие Османскую империю (1299-1922 гг.) и Османский халифат (1517-1924 гг.). Сначала они ослабили Византию, а затем завоевали большую часть Балканского полуострова, а также Северной Африки, в 1453 г. захватили Константинополь, а в 1529 г. вели осаду Вены. Около тысячи лет - с первой высадки мавров в Испании и вплоть до второй осады турками Вены - Европа находилась под постоянной угрозой со стороны мира Ислама. Ислам оказался единственной цивилизацией, которая поставила под сомнение самосохранение (выживание) европейского мира, причем случилось это, как заметил С.Хантингтон, по меньшей мере дважды [6, pp. 327-328].

Ситуация коренным образом изменилась после успехов Реконквисты, когда христиане постепенно вернули себе Иберийский полуостров, выполнив эту задачу в 1492 г. у стен Гранады. Тем временем развитие в Европе морской навигации позволило португальцам, а затем и другим европейцам обогнуть исконно мусульманские земли, проникнуть в Индийский океан и даже достичь Китая. В этот же период русские князья покончили с монголо-татарским владычеством. В последующие годы турки-османы предприняли последний рывок в Европу, вновь осадив Вену в 1683 г. Их поражение ознаменовало начало долгого отступления Османской империи, повлекшего за собой борьбу православных народов на Балканах за освобождение от османского господства, расширение империи Габсбургов и драматическое продвижение Российской империи к Черному морю и на Кавказе.

¹ http://dumrt.ru/ru/news/news_14786.html? curPos=104 (accessed 15.06.2022)

Минуло всего около 100 лет после начала геополитического отступления мира Ислама, и Запад путем колониальной экспансии постепенно завоевал новые мусульманские земли. Колониальная экспансия Запада успешно продолжалась до Первой мировой войны. В результате этой войны Великобритания, Франция и Италия нанесли завершающий удар по турецкому государству и установили свое прямое или косвенное правление на оставшихся землях Османской империи, за исключением территории Турецкой республики. Таким образом, распалась Османская империя - победил Запад, проиграл Ислам - выиграло Христианство. Но конфликт между Исламом и Западом на этом не закончился, хотя в 1920 г. всего лишь четыре мусульманские страны - Турция, Саудовская Аравия, Иран и Афганистан - оставались свободными от какой-либо формы немусульманского правления.

К 1924 г. Османский халифат распался. Хиджазский халифат, основанный в 1916 г. в Мекке, прекратил существование в 1924 г. После этого в XX в. попытки воссоздания Халифата больше не предпринимались. В свою очередь, отступление западного колониализма медленно началось в 1920-1930-х гг. и драматически ускорилось в период после Второй мировой войны. Многие мусульманские страны вновь обрели свободу и независимость. Крушение Советского Союза принесло независимость новым мусульманским обществам в Центральной Азии и Закавказье.

Согласно статистическим данным, за период с 1757 по 1919 г. произошло 92 захвата мусульманских территорий немусульманскими, преимущественно западными государствами. К 1995 г. 69 из этих территорий вновь оказались под властью мусульман, примерно в 45 независимых государствах преобладало мусульманское население. Насильственный характер этих перемен отражается в том факте, что в общем количестве войн, которые в период с 1820 по 1929 г. вели между собой государства с различными религиями, 50% составляли войны между мусульманами и христианами [6, р. 329].

После распада Османской империи почти сразу возникла и получила распространение идея создания нового Халифата. Эту идею подхватили новые исламские партии, организации и движения, которые постепенно стали появляться на осколках ушедшего в историю Халифата. Появилась мощная исламская фундаменталистская организация «Братья-мусульмане» в Египте (1926 г.), которая стала бороться за власть в странах Ближнего Востока. В недрах этой партии формировались личности, которые в начале 1950-х гг. создали в Палестине международную исламскую партию «Хизб-ат Тахрир» (1954 г.).

Под влиянием «Братев мусульман» в XX в. появилось огромное количество исламистских, в т.ч. салафитских, организаций на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Все эти исламские партии и организации в разные годы объявили своей главной целью создание нового Халифата. Саудовская Аравия стала центром мусульманского мира и исламского фундаментализма. В конце XX в. саудовцы начали экспортировать салафизм как идеологический и религиозный товар по всему миру. Таким образом, Запад разрушил Османскую империю, Османский халифат, но взамен получил более страшного противника - фундаменталистский Ислам.

Идеологическая война Ислама против Запада шла на протяжении всего XX века, иногда эта война доходила и до прямой конфронтации в некоторых странах Ближнего Востока и Северной Африки. Правда, более опасным идейным противником Запада в XX в. стала идеология коммунизма как разновидность гражданской религии в эпоху расцвета секуляризма, тем не менее даже в условиях широкого и не прекращавшегося противоборства этих двух антагонистических систем скрытый конфликт Ислама с Западом продолжался. СССР помогал многим арабским мусульманским странам Востока, но США и другие страны Запада всячески мешали присутствию Советского Союза и его союзников в этих странах.

ГЛУБИННЫЕ ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА

Сравнивая и анализируя разные периоды и ключевые события динамики конфликта Ислама и Христианства, Ислама и Запада, мы приходим к выводу, что главные, базовые причины этого конфликта кроются отнюдь не в таких исторически преходящих феноменах, как рвение христиан в эпоху Реконквисты и крестовых походов или рвение исламистов на этапе подъема исламского фундаментализма в XX в.

Глубинные причины конфликта, на наш взгляд, проистекают из природы двух религий и цивилизаций - Ислама и Христианства, Ислама и Запада. Мусульманский и христианский образы жизни начали сильно различаться после слияния Ислама с политикой и появления Халифата. Таким образом, мусульманский образ жизни стал распространяться и навязываться населению не только в самих арабских странах, но и за их пределами, куда бы ни пришел Ислам. Христианский образ жизни, напротив, в это время постепенно отделялся от светского образа жизни в рамках процесса возникновения и становления светских национальных государств в Европе.

Причины конфликта также проистекали из сходства глубинных мировоззренческих оснований обеих религий. Обе они являются монотеистическими, а значит, в отличие от политеистических верований, не

могут с легкостью принимать новых божеств и пророков. Обе религии являются универсалистскими, и каждая провозглашает себя единственно верной. Обе связывают свое земное существование с активной и постоянной миссионерской деятельностью, это вытекает из убеждения, что подлинные адепты Ислама и Христианства обязаны обращать неверующих в единственно истинную веру.

С момента зарождения Ислам расширял свое влияние путем завоеваний, приверженцы Христианства, когда для этого имелись возможности, поступали так же. Концепции «священного джихада» и «крестового похода» не только сходны между собой, но и отличают эти две религии от прочих основных мировых религий. Кроме того, для ислама и христианства, как и для иудаизма, характерен телеологический взгляд на историю в отличие от идей цикличности или статичности, преобладающих в других мировых религиях и формах цивилизационного сознания. Об этих причинах конфликта часто рассуждают известные западные исследователи [4; 7; 8].

На высокий уровень ожесточенности конфликта между Исламом и Христианством на всём его протяжении оказывали влияние демографический рост и спад, миграции, экономическое развитие, технологические изменения и интенсивность религиозных убеждений. Распространение ислама в VII-VIII вв. сопровождалось беспрецедентной для того времени массовой миграцией мусульманских народов Ближнего Востока, Северной Африки, Византийской и Сасанидской империй. Проходившие несколько веков спустя крестовые походы в значительной мере являлись следствием экономического и демографического роста, в результате которого к XI в. численность населения Европы увеличилась на порядок. Благодаря этому росту стало возможным мобилизовать большое количество рыцарей и крестьян для похода в Святую землю. В XIX в. невероятный рост европейского народонаселения вновь вызвал «извержение» Европы, положив начало крупнейшему в истории переселению людей, которые мигрировали как в мусульманские, так и в другие страны. Этот миграционный процесс происходил в рамках колониальной экспансии Запада по всему миру.

В конце XX в. сопоставимое сочетание указанных факторов обострило конфликт между Исламом и Западом. Рост населения в мусульманских странах породил значительное число безработных и недовольных молодых людей, которые стали вливаться в ряды исламистских движений, оказывая давление на соседние общества и мигрируя на Запад. Возник феномен исламского возрождения, его широкий размах укрепил в сознании мусульман веру в преимущество культурно-цивилизационных и моральных ценностей ислама, усилил уверенность в том, что исламские моральные ценности превосходят западные. Совпавшие по времени с исламским возрождением усилия Запада превратить свои ценности и общественные институты во всеобщие, глобальные, стремление ведущих западных стран (прежде всего, США) сохранить свое военное и экономическое превосходство, а также вмешиваться в конфликты в исламском мире, стали вызывать среди мусульман яростное возмущение. Крушение мировой идеологии коммунизма лишило Запад и исламский мир общего врага, и каждая из сторон превратилась в основную и отчетливо осознаваемую угрозу для другой. Возрастающие контакты между мусульманами и христианами Запада и их смешение усиливали у тех и у других ощущение собственной идентичности и понимание того, насколько эта идентичность отличает их друг от друга.

Таким образом, сегодня причины конфликта между Исламом и Западом заключаются в фундаментальных вопросах власти и культуры, культурно-политического влияния, контроля, убеждений и идентичности: Кто? Кого? Кто правит? Кем правят?

В последние годы западная общественная мысль предлагает новую модель взаимоотношений с миром Ислама. Эта модель уже получила название «холодная война с Исламом». Запад, возможно, рассчитывает в конечном итоге на победу в этой войне с Исламом. Но, на наш взгляд, эта идея бесперспективна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С миром Ислама Запад борется уже много веков, почти 1500 лет, но безуспешно. Меняется Запад, меняется и Ислам. Сегодня ислам присутствует не только в мусульманском мире, но и в западных странах. Мусульманские общины имеются во всех странах Запада, создавая условия для появления и развития т.н. параллельных обществ, сохраняющих свои обычаи, традиции, верования [15, с. 258-458]. Более того, мусульманские общины органически связаны с остальными странами мусульманского мира посредством сетевых структур.

Поэтому сегодня говорить об изоляции Ислама от Запада в рамках «новой холодной войны», на наш взгляд, по меньшей мере некорректно. Ислам начинает проникать внутрь мира Запада, срастается и скрепляется с ним и, возможно, в обозримом будущем разрушит его изнутри, как это было во времена разрушения германскими племенами Западной Римской империи.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ali A.H. "Unfree Under Islam". *The Wall Street Journal*. 16.08.2005.
2. Cathy Y. The Jihad Against Muslims. When does criticism of Islam devolve into bigotry? <http://reason.com/archives/2006/06/06/the-jihad-against-muslims> (accessed 22.07.2022)
3. Deepa K. Fighting Islamophobia: A Response to Critics. <http://mrzine.monthlyreview.org/2006/kumar030406.html> (accessed 22.07.2022)
4. Esposito J.L. *The Islamic Threat: Myth or Reality?* Oxford: Oxford University Press, 1999. Pp. 225-228.
5. Harbsmeier M. *Elementary Structures of Otherness: An Analysis of Sixteenth-Century German Travel Accounts* *Voyager a la renaissance: Actes de colloque de Tours*. Paris: Edition Maisonneuve et Larosse, 1987.
6. Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 1993.
7. Gibbons, Fiachra V.S. Naipaul launches attack on Islam. *The Guardian*. 04.11.2001.
8. Griffith S.H. The Decline of Eastern Christianity under Islam: From Jihad to Dhimmitude, *Seventh-Twentieth Century* by Bat Ye'or, Miriam Kochan, David Littman. *International Journal of Middle East Studies*. 1998. V. 30. № 4, pp. 3-5.
9. Neumann I.V. *Uses of the Other: The East in European Identity Formation*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, Borderline Series, 1999.
10. Said E.W. *Orientalism: Western conceptions of the Orient*. London: Penguin, 1977.
11. Scardino A. How the right played the fascism card against Islam. *The Guardian*. 04.02.2005.
12. Бобохонов Р.С. История исламского фундаментализма. <https://centrasia.org/newsA.php?st=1447276380> (accessed 25.06.2022)
12. Bobokhonov R.S. History of Islamic fundamentalism. (In Russ.) <https://centrasia.org/newsA.php?st=1447276380> (accessed 25.06.2022)
13. Sheikh Ahmad Deedat. Jesus in Islam. My world. <https://my.mail.ru/video/mail/k.alimova/178/187.htm> (accessed 01.07.2022)
14. Али-заде А. Межрелигиозный диалог. Могут ли христиане признавать Мухаммеда пророком? http://www.idmedina.ru/books/history_culture/ramazan/4/alizade.htm (accessed 15.06.2022)
14. Ali-zade A. Interreligious Dialogue. Can Christians accept Muhammad as a prophet? (In Russ.) http://idmedina.ru/books/history_culture/ramazan/4/alizade.htm (accessed 15.06.2022)
15. Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен «параллельных» обществ в системе международно-политических отношений. М., 2021.
15. Transformations of the global confessional geospace: The phenomenon of "parallel" societies in the system of international political relations. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бобохонов Рахимбек Сархадбекович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Rakhimbek S. Bobokhonov, PhD (History), Senior Researcher, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Следзевский Игорь Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Igor V. Sledzevsky, Dr.Sc. (History), Leading Researcher, Head, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 26.08.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 09.10.2022

Принята к публикации
(Accepted) 24.11.2022

Дерадикализация исламистов: общие теоретические подходы (историографический аспект)

© Нефляшева Н.А.^a, 2022^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9968-0883; innef@mail.ru

Резюме. В статье рассматриваются общие теоретические подходы, сложившиеся в академической науке, к проблеме дерадикализации исламистов. Отмечается, что программы дерадикализации исламистов в разных странах мира относятся к т.н. «мягким мерам» в борьбе с радикальными исламистами. Они нацелены на изменение убеждений и ценностей их участников, их психологическую и социальную реабилитацию, религиозное и профессиональное образование и в идеале должны завершиться интеграцией участника программы в общество.

Автор уделяет особое внимание проблемам дефиниций и выявляет особенности разных академических подходов, сложившихся по поводу возможностей дерадикализации. Под разъединением понимается изменение поведения исламиста-радикала, отказ от применения насилия, выход (как правило, но не всегда) из экстремистской организации, при этом человек может продолжать придерживаться своих убеждений и радикального мировоззрения.

Дерадикализация - это процесс, в результате которого радикал-исламист отказывается не только от применения насилия, но и от экстремистской идеологии, покидает экстремистскую группу и принимает новую систему ценностей, отрицающую насилие как способ достижения политических целей. В заключении статьи даются практические рекомендации для экспертов и практиков, работающих в парадигме дерадикализации.

Ключевые слова: историография, дерадикализация, ислам, исламизм, разъединение, программы дерадикализации

Для цитирования: Нефляшева Н.А. Дерадикализация исламистов: общие теоретические подходы (историографический аспект). *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 12. С. 70-76. DOI: 10.31857/S032150750022426-0

Deradicalization of Islamists: Theoretical approaches (historiographical aspect)

© Naima A. Nefliasheva^a, 2022^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0001-9968-0883; innef@mail.ru

Abstract. The article is an analysis of academic approaches to the problem of deradicalization of Islamists. Over the past 20 years, programs for the deradicalization of Islamists have been operating in many countries of the world. From the second half of the 2010s, there is an actualization of the problem of deradicalization of Islamists in Russia, where the experience of foreign countries and various strategies and practices of deradicalization began to be critically received. The author notes that all deradicalization programs are structurally similar and consist of various blocks - religious, educational, psychological, social rehabilitation. Great importance in the deradicalization programs is given to religious dialogue with Ulama, Imams and religious authorities. The final part of the programs is the return of the participants to their community and family. The programs are aimed at changing not only the behavior of the program participant, namely his refusal to use violence in the implementation of political goals, but also at changing their key attitudes and values. The author pays special attention to the problems of definitions "deradicalization" and "disengagement".

Disengagement refers to a change in the radical Islamist's behavior, renunciation of the use of violence, exit (usually, but not always) from an extremist organization, while the persons can continue to adhere to their beliefs and radical worldview. Deradicalization is the process by which an Islamist renounces not only the use of violence, but also an extremist ideology, leaves an extremist group and adopts a new value system that rejects violence as a way to achieve political goals.

The historiographic analysis of the literature allowed the author to identify recommendations that are important in the implementation of programs and current practices of deradicalization.

Keywords: historiography, deradicalization, Islam, Islamism, disengagement, deradicalization programs

For citation: Naima A. Nefliasheva. Deradicalization of Islamists: Theoretical approaches (historiographical aspect). *Asia and Africa today*. 2022. № 12. Pp. 70-76. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750022426-0

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня во многих странах мира - на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, в Африке - реализуются программы дерадикализации исламистов. В Европе после начала сирийского конфликта в 2011 г. были

оценены риски, связанные с возвращением иностранных боевиков, что стимулировало разработку и финансирование программ, направленных как на профилактику радикализации молодежи, так и на дерадикализацию.

Целесообразность применения в борьбе с экстремизмом и терроризмом не только жестких силовых, но и т.н. «мягких мер», разрушающих в том числе и социальную стигматизацию бывших экстремистов, заняла свое место в практической повестке, была признана и специалистами в силовых структурах, и экспертным сообществом. Растет и академический интерес к теории, программам и конкретным практикам дерадикализации, что выражается в росте публикаций самого разного характера [1].

Со второй половины 2010-х гг. актуализируется проблематика дерадикализации исламистов в России - налицо тенденция осмысления концептуальных основ дерадикализации исламистских групп, применяющих в своей практике насилие; анализируются внешние и индивидуальные факторы радикализации мусульман; были намечены междисциплинарные подходы к решению проблемы; осваивается опыт зарубежных стран и различные стратегии дерадикализации. В последние годы в России проведен ряд круглых столов и конференций, а в Московском государственном психолого-педагогическом университете заработал постоянно действующий семинар¹. В регионах Российской Федерации, прежде всего на Северном Кавказе [2] и в Татарстане, были инициированы отдельные проекты, показавшие свою результативность, хотя о комплексных длительных финансируемых государством программах пока говорить рано.

Программы дерадикализации исламистов в различных странах мира различаются по своим масштабам, длительности, уровню финансирования. Наиболее развернутые программы действуют в Саудовской Аравии, Сингапуре, Малайзии, Индонезии и Шри-Ланке, менее известны программы - в Ираке, на Филиппинах, в Бангладеш, Пакистане, в то время как программы в Египте, Йемене и Ливии были прекращены.

Все программы дерадикализации исламистов, независимо от страны происхождения и историко-культурного контекста, имеют схожие структуры и направлены на работу как с мусульманской молодежью из групп риска, так и с осужденными исламистами-экстремистами. Программы состоят из нескольких взаимосвязанных блоков и нацелены на изменение убеждений и ценностей их участников, их психологическую и социальную реабилитацию, религиозное и профессиональное образование и в идеале должны завершиться интеграцией участника программы в общество.

В настоящее время существуют объективные трудности оценки эффективности программ дерадикализации, т.к. в большей их части не публикуются открытые сведения, и в целом они закрыты для экспертного сообщества. Исследователями и практиками предлагаются разные критерии успешности программ дерадикализации, большинство единодушны в том, что программу можно считать реализованной, если после завершения её участники считают применение насилия неприемлемым, что рассматривается как снижение рисков их повторного вовлечения в террористическую деятельность.

Несмотря на очевидную актуальность темы и обилие программ дерадикализации, ключевые понятия дискурса дерадикализации вызывают дискуссии в академическом сообществе; периодически поднимается вопрос о необходимости их концептуальной проработки, уточнения и ясности. «Практические элементы дерадикализации значительно превзошли теоретическую подоплеку», - писал профессор Д.Кохлер, директор немецкого Института исследований радикализации и дерадикализации [3].

Цель данной статьи - выявить дефиниции дискурса дерадикализации, определить линии расхождения во взглядах на возможности «разъединения» и «дерадикализации» исламистов.

ВОЙНА ДЕФИНИЦИЙ

Дискурс дерадикализации и терминология, связанная с ним, пришли из западной академической литературы и описываются двумя ключевыми терминами - «*deradicalization*» и «*disengagement*». Если понятие дерадикализация в переводе на русский язык не вызывает разночтений, то с понятием «*disengagement*» возникают определенные сложности. В Кембриджском словаре «*disengagement*» определяется как «*the fact of stopping being involved in something*»². На авторитетном ресурсе *WoordHunt* «*disengagement*» - это «освобождение», «высвобождение», «выделение», «выход из боя»³. В системе *Reverso Context* «*disengagement*» пере-

¹ Проблемы дерадикализации молодежи на постсоветском пространстве. Международная конференция - круглый стол 09.11.2017 в рамках VIII Казанского Международного научного форума «Ислам в мультикультурном мире». Ч. 1. <https://www.youtube.com/watch?v=LcZ5jLUnLew> (accessed 20.09.2022); Ч. 2. <https://www.youtube.com/watch?v=gyFCwLiZcJM> (accessed 20.09.2022); Опыт дерадикализации и ресоциализации приверженцев экстремистских и террористических идеологий: материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 9-11 октября 2018 г.). Казань, 2018.

² Cambridge Learner's Dictionary. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

³ <https://woordhunt.ru/word/disengagement> (accessed 29.04.2022)

водится как «размежевание», «разъединение», «уход», «сворачивание», «прекращение деятельности»⁴. В этой статье в качестве рабочего термина, аналогичного понятию «*disengagement*», автор использует слово «разъединение».

С 2010-х гг., когда исследования программ дерадикализации исламистов стали стремительно нарастать, оба понятия - и дерадикализация, и разъединение - начали широко обсуждаться (см., например: [4]).

Под разъединением понимается изменение поведения исламиста-радикала, отказ от применения насилия, выход (как правило, но не всегда) из экстремистской организации, при этом человек может продолжать придерживаться своих убеждений и радикального мировоззрения. Дерадикализация - это процесс, в результате которого исламист отказывается не только от применения насилия, но и от экстремистской идеологии, покидает экстремистскую группу и принимает новую систему ценностей, отрицающую насилие как способ достижения политических целей. Разъединение, таким образом, предполагает только изменение поведения, отказ от применения насилия; дерадикализация предполагает и поведенческие, и когнитивные изменения. «Дерадикализация - это процесс относительного изменения, при котором радикальная группа меняет свою идеологию и делегитимизирует использование насильственных методов для достижения политических целей, а также движется к принятию постепенных социальных, политических и экономических изменений в плюралистическом контексте», - писал Омар Ашур, профессор Института постдипломного образования в Дохе, автор одного из фундаментальных исследований «Дерадикализация джихадистов: трансформация вооруженных исламистских движений» [5].

В 2010 г. была опубликована коллективная монография, авторы которой считают, что «есть основания полагать, что дерадикализация - это не просто процесс радикализации в обратном направлении: дерадикализация, по-видимому, имеет свои собственные отличительные черты, некоторые из которых сильно отличаются от факторов, связанных с первоначальной радикализацией» [6, р. 5]. Весьма простым выглядит определение, предложенное группой ученых из Амстердамского Института миграций и этнических исследований: дерадикализация - это противоположность радикализации - просто процесс, позволяющий стать «менее радикальным» [7]. Курт Бреддок, доцент Американского университета (Вашингтон), определил «дерадикализацию» как «психологический процесс, посредством которого человек отказывается от своей экстремистской идеологии и теоретически снижает угрозу повторного вовлечения в террористическую деятельность» [8].

При наличии огромного корпуса исследовательской литературы сложились разные точки зрения на сам факт возможности дерадикализации исламистов.

Некоторые авторы считают, что дерадикализация - призрачная цель и следует сосредоточиться на той стадии работы с террористами и экстремистами, которая называется «разъединением». Профессор университета штата Джорджия Дж.Хоган, последовательный критик самой идеи возможности дерадикализовать (т.е. привести к отказу от своего мировоззрения) человека, вовлеченного в террористическую и экстремистскую деятельность, называет термин «дерадикализация» потенциально опасным и вводящим в заблуждение [9, р. 27]. Хоган и Т.Бьорго (профессор Университета Осло) не рассматривают «разъединение» как неотъемлемую часть дерадикализации, подчеркивая, что стадия «разъединения» достаточна и реалистична, и собственно разъединение (размежевание) и должно стать целью программ дерадикализации [10, р. 21].

КОНЦЕПЦИЯ СМЕНЫ РОЛЕЙ

Дж.Хоган отдает предпочтение термину «разъединение», специально подчеркивая, что разъединение не обязательно подразумевает дерадикализацию. «Отмежевавшийся террорист вовсе не обязательно раскаивается или «дерадикализуется» [9, р. 27]. В своей работе «*Deradicalization programs: recommendations for policy and practice*» он писал, что человек может одновременно и отказаться от террористической деятельности, и быть «дерадикализированным», то есть «больше не поддерживать идеи или идеологию, стоящую за группой или её действиями». С другой стороны, боевик может выйти из террористической группы, не совершать террористические акты, но не быть дерадикализированным, т.е. следовать «своей идеологической или эмоциональной приверженности движению или делу» [11].

Дж.Хоган и К.Бреддок называют процесс, при котором человек отказывается от применения насилия и изменяет свою роль или функцию в радикальной группе, сменой ролей. «Этот процесс может не обязательно включать в себя уход из движения, но чаще всего связан со сменой ролей на время или навсегда» [12, р. 280]. По мнению Хогана, разъединение совсем не означает, что человек «оставляет терроризм позади», он может перейти от одной роли к другой, выполняя другую значимую для радикальной организации или группы роль [9, pp. 21-27]. «Даже в самых маленьких террористических сетях будет множество ролей и функций, и в некоторых случаях можно ожидать, что человек будет одновременно выполнять не-

⁴ <https://context.reverso.net/> (accessed 29.04.2022)

сколько из них. Таким образом, некоторых вполне могут постоянно придерживаться этих ценностей и отношений, и какой-нибудь бывший террорист может на самом деле по-прежнему участвовать в каких-то других социально значимых «поддерживающих» действиях, не будучи вовлеченным ни в какие реальные террористические операции» [9, pp. 20-21].

Иногда руководство группы принимает решение о новых задачах, не связанных с совершением террористических актов, для отдельного члена группы. «Террористы могут перестать быть террористами, но могут продолжать вести деятельность, не менее важную для достижения целей движения. Принятие другой роли или функции в рамках более широкого движения - это в каком-то смысле своего рода разъединение» [9, p. 24].

Дж.Хоган предложил классифицировать процессы «разъединения» как добровольные или вынужденные (принудительные) и постоянные или временные. В ряде своих работ ученый говорит о том, что разъединение может осуществляться в двух видах - «физическом» и «психологическом» [13]. Этому, в частности, посвящена и работа «*Individual disengagement. A psychological analysis*» [9]. По его мнению, простейшим видом физического разъединения и эффективными способами, препятствующими дальнейшему участию боевика в соответствующих радикальных движениях, являются задержание, арест, заключение в тюрьму или смерть. Хотя проблему радикализации заключенных в тюрьмах не стоит сбрасывать со счетов.

К факторам, способствующим психологическому разъединению, Хоган отнес разочарование из-за несоответствия между идеалом и реальностями, выгорание, изменение личных приоритетов, вступление в брак и рождение детей, переход к ненасильственной борьбе, влияние наставника или друга и др. [9, p. 21]. Тема разочарования, например, звучит в опубликованных в середине 2010-х гг. интервью бывших боевиков ИГИЛ с Северного Кавказа, осужденных судом и добровольно обратившихся в комиссии по адаптации после освобождения. «Я, например, делал дело, которое по ошибке считал правильным, - пошел помогать людям в Сирии. Но увидел, что там что-то неладное, несправедливость, всё такое, и обратно приехал», - говорит Ахмед Асхабов из Ингушетии, бывший участник незаконного вооруженного формирования, воевавший на стороне ИГИЛ [14]. В целом процессы психологического разъединения обусловлены «кризисом идентичности, чувством разочарования в своей личности и попыткой найти альтернативную, более удовлетворительную роль» [9, p. 21].

Часто разъединение на физическом уровне может не привести к каким-либо изменениям или уменьшению идеологического, социального, психологического влияния со стороны исламистской группы.

Д-р Гордон Клабб (Университет Лидса, Великобритания) предлагает термин «избирательное разъединение»; примером последнего, по его мнению, может быть экстремист, заявивший о том, что его цели - только военнослужащие, а не гражданские лица [15]. Однако, как и концепция смены ролей, избирательное разъединение не предполагает воздержания от насилия или разрыва с радикальной группой. Например, Доку Умаров, возглавивший в 2006 г. «Имарат Кавказ» (организация запрещена в РФ), в 2012 г. провозгласил, что отныне его боевики будут наносить точечные удары исключительно по объектам силовых структур, армии и спецслужб России, но не по гражданскому населению, что в целом мало способствовало снижению градуса активности радикальных исламистов на Северном Кавказе.

ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЯ - ЭТО ИЗМЕНЕНИЕ УБЕЖДЕНИЙ И ЦЕННОСТЕЙ

В 2010 г. вышло коллективное исследование «*Deradicalizing Islamist Extremists*» [6]. По мнению авторов, ни «смена ролей», ни избирательное разъединение не влечет воздержания от насилия или разрыва с радикальной группой. Поэтому нельзя считать эти категории подходящими для описания процесса разъединения [6, p. 5].

Принципиальное различие между дерадикализацией и разъединением заключается в том, что дерадикализация предполагает изменение основных целей и ценностей члена радикальной исламистской группы. Если разъединение влечет за собой изменение поведения и отказ от насилия, часто инструментальное, например из-за успешных контртеррористических мер правительства или финансовой поддержки, предлагаемой в программах дерадикализации (особенно щедрой в программах Саудовской Аравии), то дерадикализация предполагает изменение основных ценностей. «Настоящая и успешная программа дерадикализации должна изменить основные убеждения человека, а не просто изменить его поведение» [6, p. 6].

Именно дерадикализация способна снизить риски возвращения людей к террористической деятельности: если работа с экстремистами не остановится на стадии разъединения, а продолжится до стадии дерадикализации, именно это создаст препятствия для рецидивизма.

В ЧЁМ ПРОБЛЕМЫ С ДЕРАДИКАЛИЗАЦИЕЙ ИСЛАМИСТОВ?

Следует принимать во внимание, указывают авторы «*Deradicalizing Islamist Extremists*», что выход из радикальной исламистской организации с определенной идеологией и мотивацией, не совсем аналогичен

выходу из уличной банды или преступной группы. Выход из исламистской группы предполагает отказ от участия в вооруженной борьбе, отказ от радикальной идеологии. Авторы исследования обоснованно считают, что именно религиозные авторитеты должны сформулировать с точки зрения шариата, почему насилие неприемлемо для мусульманина.

В работе «*Deradicalizing Islamist Extremists*» продвигается подход, основанный на том, что в ходе реализации программ дерадикализации необходимо взаимодействие (по терминологии авторов исследования - «двойной фокус») между радикалами-исламистами и исламскими учеными. Исламские ученые получают возможности для дискуссий, в ходе которых могут выявить манипуляции религиозными текстами со стороны лидеров экстремистских групп. В ходе этих дискуссий ученые предлагают контрнарративы, основанные на религиозном обосновании необходимости дерадикализации. Открытый спор и дискуссия по поводу радикальных учений более эффективны для достижения целей программ дерадикализации [16].

Одно из ключевых убеждений радикалов заключается в том, что для воссоздания исламского государства мусульмане должны не только придерживаться строгого салафитского ислама, но также вести вооруженный джихад против врагов ислама, включая немусульманские страны и нынешних правителей мусульманских государств, которые, по их мнению, вытеснили власть Бога своей собственной. Практики дерадикализации должны быть направлены на «отказ от этого вероучения, особенно от убеждений в допустимости применения насилия против гражданского населения, отлучения мусульман, не придерживающихся взглядов радикалов (такфир), и противодействия демократии и концепциям гражданского общества свободы в современном понимании демократических обществ» [6, pp. 2-3].

Задача программ дерадикализации - противопоставить идеологии террористов мнение авторитетных мусульманских ученых, алимов и профессоров исламских университетов. В качестве положительного примера можно привести принципиальную позицию Духовного управления Республики Северная Осетия-Алания (ДУМ РСО-А) и муфтия Хаджимурада Гацалова в период нарастающего оттока мусульман Северного Кавказа в Сирию для участия в военных действиях на стороне ИГИЛ.

ДУМ РСО-А стало первым в России Духовным управлением, принявшим фетву, прямо запрещающую местным мусульманам участвовать в войне в Сирии. «Людам, не имеющим основательных знаний по Исламу и не имеющим правильного представления о происходящем в Сирии, запрещается побуждать к участию в войне в Сирии, также вдаваться в рассуждения относительно правоты или правильности групп, находящихся там»⁵. Позднее к ДУМ Северной Осетии-Алании присоединились ДУМ Чеченской Республики и ДУМ РФ. Ранее, в 2013 г., 29 мусульманских общин Северной Осетии приняли фетву о неприменимости к республике термина «дар аль-харб» («территория войны»), поскольку в РСО-А «мусульмане живут в условиях безопасности, пользуются религиозной свободой, гарантированной Конституцией России, и совершают исламские обряды». «Недопустимо объявлять и вести военные действия, ибо это противоречит шариату, - говорится в документе. - Долгом же являются воспитание, призыв к Исламу, джихад с помощью слова, мудрость и доброе увещание, и ведение диалога наилучшим образом - ради применения Закона Аллаха во всей его полноте»⁶. Эти фетвы в комплексе других мер сыграли свою позитивную роль в том, чтобы удерживать молодежь Северной Осетии-Алании от массового отъезда в Сирию, от необдуманных шагов, способных сломать их судьбы.

УРОКИ ДЛЯ ПРАКТИКОВ

Авторы исследования «*Deradicalizing Islamist Extremists*», анализируя жизненные траектории людей, покинувших террористические группы (а это не только исламисты, но члены правых радикальных групп, члены деструктивных религиозных сект, члены уличных банд), считают, что они аналогичны и могут дать практикам определенные уроки.

Во-первых, психологам, работающим в программе дерадикализации, важно обратить внимание на травмирующее событие, триггер, способный побудить человека покинуть радикальную группу, и использовать его в своей аргументации.

Во-вторых, правительство должно сочетать репрессивные и мягкие меры: «двойная стратегия, включающая как жесткие, так и мягкие меры, - лучший способ побудить людей покинуть группу боевиков» [6,

⁵ Обращение Религиозного совета Республики Северная Осетия - Алания к мусульманам Республики Северная Осетия - Алания. Цит по: Сотниченко А.А. Сборник научно-исследовательских и аналитических материалов по межнациональным отношениям для населения и муниципальных служащих: ИГИЛ: угроза для России и пути ее преодоления. СПб, 2015. Приложение 1. С. 36.

⁶ Фетва о неприменимости термина «Дар аль-Харб» к Республике Северная Осетия - Алания. <http://islamsetia.ru/2013/05/28/1-r-9/> (accessed 09.09.2022)

р. XV]. Правительство может предложить не только силовые контртеррористические меры, но и стратегические стимулы, увеличивающие выгоды разъединения.

В-третьих, программы, направленные на то, чтобы радикальные исламисты отказались от своих убеждений, должны продолжаться в виде консультаций и психологической и социальной поддержки, помощи в поисках работы и после того, как участник закончил свое участие в программе.

В-четвертых, следует принимать во внимание, что слова и действия человека не всегда отражают его цели. Радикальные исламисты, находящиеся в местах заключения, часто участвуют в программах дерадикализации и ради досрочного освобождения дают своим наставникам искаженную информацию. Какая-то категория исламистов останется непримиримыми радикалами, они не откажутся от применения насилия и от своих убеждений. Например, по данным 2010 г., участники саудовской программы дерадикализации возвращались к террористической активности в 9,2% случаев, среди них и бывшие узники Гуантанамо, ранее эти показатели были более высокими и составляли 20%⁷.

Не менее красноречивый пример можно привести из российской практики: Бамматхан Шейхов, лидер буйнакских боевиков во второй половине 2000-х гг., имевший большой авторитет среди вооруженного подполья не только Дагестана, но и всего Северного Кавказа. Шейхов сдался силовикам в 2008 г. под гарантии министра внутренних дел Дагестана А.Магомедтагирова, обещавшего, что к нему будет применена амнистия. В то время добровольная сдача одного из лидеров бандподполья имела огромный резонанс. Верховный суд Дагестана, сняв с Шейхова большинство обвинений, на три года отправил его в колонию за участие в НВФ. Выйдя оттуда досрочно в 2010 г., Б.Шейхов через полгода вернулся в лес и был ликвидирован в результате спецоперации в 2013 г. [17].

Наконец, программы дерадикализации, как правило, не влияют на членов экстремистских групп, занимающих высокие уровни в иерархии. Хотя случаи, когда боевики отказались от экстремизма, известны. Так, Насир Аббас, один из лидеров террористической организации «Джемаа Исламия» (ДИ) [18], стал в 2004 г. ключевым свидетелем на процессе против лидера ДИ Абу Бакара Басира, отказался от применения насилия и даже стал оказывать содействие властям Индонезии и Малайзии в поимке террористов. Аббас участвовал в расследовании крупных терактов в Индонезии в 2002, 2003 и 2005 гг. «Мне пришлось исправить определение джихада, уточнить, что ни одна религия не учит убивать невинных мирных жителей», - сказал Насир Аббас в одном из интервью [19].

Даже если практики, работающие с осужденными радикалами в тюрьмах, допускают, что именно «разъединение», т.е. выход из экстремистской группы, является реальной целью для государственных программ, это не означает, что дерадикализация невозможна. В некоторых случаях разъединение может фактически стать первым шагом на более длительном пути в практической реализации программ дерадикализации, направленных на противодействие исламистскому экстремизму.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время в западноевропейской академической литературе сложилась историография проблемы дерадикализации исламистов, вышли фундаментальные исследования, определяющие методологию и теоретические подходы к проблеме. Ключевыми терминами дискурса дерадикализации стали понятия «разъединение» и «дерадикализация». Под первым понимается отказ от применения насилия, но сохранение своей идеологии, взглядов, ценностей. Дерадикализация предполагает, что в результате программ дерадикализации их участник не только изменит свое поведение и откажется от применения насилия, но и воспримет новую систему ценностей и установок, в которой насилие для достижения политических целей будет неприемлемым. Большая роль в программах дерадикализации, как отмечается в литературе, должна отводиться исламским ученым, алимam, религиозным авторитетам. В ходе открытых дискуссий они на основании шариата способны доказать участнику программы неприемлемость применения насилия.

Следует принимать во внимание, что программы редко оказывают влияние на мотивированных экстремистов, занимающих высокое положение в иерархии экстремистской группы.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Schmid A., & Price E. 2011. Selected Literature on Radicalization and De-Radicalization of Terrorists: Monographs, Edited Volumes, Grey Literature and Prime Articles published since the 1960s. *Crime, Law and Social Change*. 2011. № 55(4). Pp. 337-348. <https://doi.org/10.1007/s10611-011-9287-4> (accessed 20.06.2022)

⁷ A new approach? Deradicalization programs and counterterrorism. International Peace Institute. June 2010. https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/publications/a_new_approach_epub.pdf (accessed 10.09.2022)

2. Сокирянская Е.Л. Уверенный шаг в будущее? Исследование социально-психологических и адаптационных потребностей членов семей бывших боевиков на Северном Кавказе. Март 2020. <https://cap-center.org/doklad-uverennyj-shag-v-budushhee/> (accessed 29.04.2022)
Sokirianskaia E.L. A confident step into the future? Study of the socio-psychological and adaptive needs of family members of former militants in the North Caucasus? 2020. (In Russ.) <https://cap-center.org/doklad-uverennyj-shag-v-budushhee/> (accessed 29.04.2022)
3. Koehler D. Understanding deradicalization. Methods, tools and programs for countering violent extremism. London, Routledge, 2017.
4. Bjorgo T. Processes of disengagement from violent groups of the extreme right. In T. Bjorgo and J. Horgan (Eds.) *Leaving Terrorism Behind: Individual and Collective Disengagement*. London: Routledge, 2009. Pp. 30-48; Feddes A. R. Socio-psychological factors involved in measures of disengagement and deradicalization and evaluation challenges in Western Europe. 2015. Retrieved from <http://www.mei.edu/sites/default/files/Feddes.pdf> (accessed 29.01.2022); Ferguson N. Disarmament, demobilization, reinsertion and reintegration: The Northern Ireland experience. In N. Ferguson, (Ed.), *Post Conflict Reconstruction*. Newcastle: CSP. 2010. Pp. 151-164.
5. Ashour O. The deradicalization of jihadists: Transforming armed Islamist movements. Oxon: Routledge, 2010.
6. Rabasa A., Pettyjohn S.L., Ghez J.J., Boucek Ch. Deradicalizing Islamist extremists. 2010. https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2010/RAND_MG1053.pdf (accessed 09.09.2022).
7. Demant F., Slootman M., Buijs F. & Tillie J. Decline and disengagement. An analysis of processes of deradicalisation. IMES Amsterdam, 2008. P. 13.
8. Braddock K. The talking cure? Communication and psychological impact in prison de-radicalisation programmes. In A. Silke (Ed.), *Prisons, terrorism and extremism: Critical issues in management, radicalization and reform*. London: Routledge, 2014. P. 60.
9. Horgan J. Individual disengagement: a psychological analysis. In Tore Bjørgo and John Horgan, eds., *Leaving terrorism behind: individual and collective disengagement*. New York: Routledge, 2008. Pp. 17-29.
10. Bjørgo T. and Horgan J. Introduction. In Tore Bjørgo and John Horgan, eds. *Leaving Terrorism Behind: Individual and Collective Disengagement*, New York: Routledge, 2008. Pp. 19-32.
11. Horgan J. Deradicalization programs: recommendations for policy and practice. Washington, D.C.: RESOLVE Network, August 2021. P. 1. <https://doi.org/10.37805/pn2021.18.vedr> (accessed 09.09.2022)
12. Horgan J. and Braddock K. Rehabilitating the terrorists? Challenges in assessing the effectiveness of de-radicalization programs. *Terrorism and Political Violence*. 2010. Vol. 22. Pp. 267-291.
13. Horgan J. Deradicalization or disengagement? A process in need of clarity and a counterterrorism initiative in need of evaluation. *Perspectives on Terrorism*. February 2008, Vol. 2. № 4. P. 4.
14. Розанов Д. «Там гражданская война, как и на Украине». Интервью россиянина, воевавшего на стороне ИГИЛ и вернувшегося к мирной жизни. *Газета.ру*. 05.08.2015.
Rozanov D. "There is a civil war, as in Ukraine." Interview of a Russian who fought on the side of ISIS and returned to civilian life. *Gazeta.ru*. 05.08.2015. (In Russ.) https://www.gazeta.ru/politics/2015/08/05_a_7669209.shtml?updated (accessed 10.09.2022)
15. Clubb G. Re-evaluating the disengagement process: The case of Fatah. *Perspectives on Terrorism*. 2009. Vol. 3. № 3. September 2009. P. 27.
16. Sageman M. Leaderless jihad. Terror networks in the twenty first century. University of Pennsylvania Press, 2008.
17. Сергеев Н. Спецназ ФСБ зачехлил меч Аллаха. *Коммерсантъ*. 20.08.2013.
Sergeev N. FSB special forces sheathed the sword of Allah. *Kommersant*. 20.08.2013. (In Russ.)
18. O'Brien N. Interview with a former terrorist: Nasir Abbas' deradicalization work in Indonesia. *CTC Sentinel*. November 2008. Vol. 1. Issue 12. <https://www.ctc.usma.edu/wp-content/uploads/2010/06/Vol1Iss12-Art7.pdf> (accessed 09.09.2022)
19. Renaldi A. Meet the former mujahideen behind Indonesia's fight against terrorism. *Vice Media Group*. 05.05.2017. <https://vice.com/en/article/nz8beg/meet-the-former-mujahideen-behind-indonesias-fight-against-terrorism> (accessed 09.09.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Нефляшева Наима Аминовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Naima A. Nefliasheva, PhD (History), Senior Researcher, Associated Professor, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 20.09.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.10.2022

Принята к публикации
(Accepted) 21.11.2022

Распространение пятидесятничества в Африке

© Захаров И.А.^a, 2022^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0003-3838-169X; vanszax@yandex.ru

Резюме. В статье предпринимается попытка дать комплексную характеристику распространения пятидесятничества в Африке на основе обширной конфессиональной статистики по странам континента за 1906-2015 гг. Неравномерность вклада стран Африки в увеличение числа пятидесятников макрорегиона оценивается исходя из значений совокупного среднегодового темпа роста их общины. Этот индикатор также использован для определения соотношения естественного, конверсионного (перехода из одной религии в другую) и миграционного прироста (убыли) в изменении численности пятидесятников.

Установлено, что пятидесятничество смогло значительно увеличить численность своих адептов, прежде всего, за счет конверсии, объемы которой были значительно выше, чем у христианства и протестантизма в целом практически во всех странах Африки. Пиковые значения конверсии, обусловившие рост численности приверженцев пятидесятничества, пришлись на период 1960-1980 гг., совпавший с процессом деколонизации в Африке. Далее, начиная с 1980-х гг., вопреки распространенному мнению, рост численности пятидесятников на континенте замедлился. Последнее может указывать на приближение пятидесятничества к пределу своего роста в Африке. Тем не менее, экспансия пятидесятничества продолжается, что еще может привести к изменению географии этой религии.

Ключевые слова: пятидесятничество, Африка, конфессиональное пространство, религиозная конкуренция, конверсия, миссионерство, христианство

Благодарность. Исследование выполнено по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых - кандидатов наук (№ МК-2046.2022.2).

Для цитирования: Захаров И.А. Распространение пятидесятничества в Африке. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 12. С. 77-84. DOI: 10.31857/S032150750023566-4

The expansion of Pentecostalism in Africa

© Zakharov I.A.^a, 2022^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0003-3838-169X; vanszax@yandex.ru

Abstract. The article attempts to give a comprehensive description of the spatial dynamics of Pentecostalism in Africa based on extensive religious data that covers 1906-2015 period on country level. The uneven contribution of African countries to the growth of Pentecostals in the macroregion was estimated in accordance with the compound annual growth rate of this faith-group. This indicator was also used to quantify the impact of demographic, migration and most importantly conversion gain/loss on the change in the number of Pentecostals; the latest is represented in the form of maps.

It is established that Pentecostalism has undergone a large-scale spatial expansion, ensured primarily through conversion, the scale of which was much higher than that of Christianity and Protestantism in general in almost all countries of Africa. The peak values of the indicators characterizing the spatial dynamics of Pentecostalism transformation occurred in the 1960-1980s (Charismatic Wave), especially during the era of decolonization in the 1960s. Since 1980s (Neo-Charismatic Wave), contrary to popular belief, the dynamics of the Pentecostalism slowed down. This fact can be interpreted as the first sign of the stabilization of the expansion of Pentecostalism, yet it is typical only for few countries in Africa. However, among them we can see Nigeria which has the largest Pentecostal population in Africa.

The ongoing expansion of Pentecostalism may lead to further reconfiguration of its territorial structure, but we expect minor changes.

Keywords: Pentecostalism, Africa, religious landscape, religious competition, conversion, missionary activity, Christianity

For citation: Zakharov I.A. The expansion of Pentecostalism in Africa. *Asia and Africa today*. 2022. № 12. Pp. 77-84. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750023566-4

ВВЕДЕНИЕ

Пятидесятничество представляет собой одно из наиболее динамичных направлений христианства, которое возникло на базе баптизма и методизма в XIX в. Вскоре после возникновения движение приобрело глобальный характер, проявившийся в активизации пятидесятнических миссионеров во всех регионах мира и особенно в Африке. В научном дискурсе пока не сложилось единого представления об этом быстрорастущем и стремительно меняющемся движении.

Одни исследователи связывают с ним будущее христианства, отмечая при этом важность роли Африки для его развития [1], другие видят в нем духовно-теологическую основу для социально-экономического развития, воплощенную в «доктрине процветания» [6], третьи обнаруживают его «темную сторону» - ряд деструктивных черт этого молодого религиозного движения, в т.ч. «антиинтеллектуальность», коррупцию, финансовые манипуляции, авторитаризм отдельных лидеров и др. [9], четвертые оценивают его как инструмент внешней политики США [23] и др.

Очевидно, что выводы исследователей о природе и особенностях пятидесятничества противоречивы, что указывает на проблему субъективности научного дискурса относительно данной проблематики. Отчасти это связано с тем, что источниковая база зарубежных и немногочисленных отечественных исследований пятидесятничества строится вокруг материалов, предоставляемых самими пятидесятническими организациями и их членами, собранных из открытых источников или в ходе экспедиций и опросов, а также из газетных, журнальных публикаций, новостных сюжетов и т.п.

Разнообразие источников даже при сохранении нейтралитета исследователя порождает широкий спектр интерпретаций содержания и специфики африканского пятидесятничества. Тем не менее, как было показано нигерийцем Н.Варибоко (Бостонский университет), многие исследователи, особенно западные, в основу этих интерпретаций закладывают уже сложившиеся представления, диктуемые стереотипами или нерелевантными теоретическими построениями [11].

Неоднородность пятидесятнического движения заставляет исследователей ориентироваться на отдельные сообщества, соответственно, большая часть работ по этой проблематике выполнена на микроуровне. Чаще всего в фокусе их внимания оказываются разрозненные сведения об отдельных пятидесятнических общинах и церквях, на основе которых делаются общие выводы на страновом, региональном и даже глобальном уровнях. Тем не менее масштабные исследования этого религиозного движения, охватывающие Африку в целом, исчисляются единицами, что вносит ограничения для интерпретации результатов.

Одним из наиболее известных эмпирических исследований пятидесятничества считается отчет социологического исследовательского центра *Pew Research Center* (США) «*Spirit and Power*»¹ 2006 г., который охватывает только три государства Африки - ЮАР, Нигерию и Кению. Известны и более фундаментальные труды, например, *Pentecostalism in Africa: Presence and Impact of Pneumatic Christianity in Postcolonial Studies* [10]. Однако даже эта основательная монография, подготовленная при участии ведущих исследователей пятидесятничества, в т.ч. М.Линдхардта (Университет Южной Дании), А.Андерсона (Бирмингемский университет, Великобритания), П.Гиффорда (Школа востоковедения и африканистики Лондонского университета), Дж.Кwabена Асамоа-Гьяду (Троицкая духовная семинария, Гана), Д.Комароффа (Гарвардский университет, США), не дает полного представления об этой конфессии, что связано с практически полным отсутствием освещения пространственного аспекта её развития в Африке.

Анализ распространения пятидесятничества мог бы дать более целостное представление об этом религиозном течении и его роли в развитии христианства в Африке. Это станет важным условием для преодоления субъективности и противоречивости выводов исследователей, изучающих данную конфессию. Особое внимание в статье уделено сдвигам в территориальной структуре пятидесятничества с учетом соотношения компонентов её прироста/убыли (естественного, миграционного и конверсионного) по странам Африки за период до 2015 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Распространение религий в настоящем исследовании рассматривается в рамках модели конкурентного развития конфессионального пространства, предложенной отечественным географом - профессором, д.г.н. С.А.Гороховым. Конфессиональное пространство представляет собой систему развивающихся во времени и опосредованных территорией разнонаправленных отношений, во-первых, между социальными общностями, образованными совокупностями религиозно идентифицирующих себя (на институциональном уровне и уровне массового сознания) индивидуумов, и, во-вторых, между этими же общностями и создаваемыми в результате их деятельности культовыми и внекультовыми объектами [15].

В соответствии с моделью С.А.Горохова, конфессиональное пространство Африки рассматривается нами как совокупность взаимодействующих между собой на одной территории отдельных религий и их направлений, конкурирующих друг с другом за адептов. Помимо собственно культовой составляющей, т.е. религиозных практик и доктрин, религии также ведут и внекультовую деятельность, например предос-

¹ Spirit and Power - A 10-Country Survey of Pentecostals. 2006. <https://www.pewforum.org/2006/10/05/overview-pentecostalism-in-africa/> (accessed 10.08.2019)

тавление образовательных, медицинских, финансовых и иных услуг своим последователям. Конкурентоспособность религии можно оценить исходя из изменения её доли в конфессиональной структуре населения страны или континента. В этом отношении особое место принадлежит конверсии, т.е. переходу из одной религии в другую, обусловленной, прежде всего, активностью миссионерской деятельности.

Конкурентный характер развития религий в пределах определенной территории, помимо простого изменения соотношения числа их последователей, находит свое отражение как в социально-экономических и общественно-политических процессах, так и в самом изменении конфессионального пространства. В отношении последнего особый интерес представляет такая характеристика конфессионального пространства, как дискретность. Её следствием является одновременное существование территорий, в пределах которых происходит увеличение или сокращение доли адептов соответствующей религии [18].

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ПЯТИДЕСЯТНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В АФРИКЕ

В контексте поставленной цели представляется необходимым кратко обозначить общие черты пятидесятнического движения на Африканском континенте. Оно отличается высоким разнообразием и включает в свой состав сотни организаций по всей Африке. Сложность компонентной структуры пятидесятничества определяется сетевым характером этой конфессии, а также историей его развития.

Формирование пятидесятничества происходило в три волны: (1) начало XX в. - 1960-е гг. - возникновение классических пятидесятнических церквей; (2) 1960-1980-е гг. - становление харизматического движения; (3) 1980-е гг. - н.в. - формирование неохаризматического движения². Каждая последующая волна оказывала значительное влияние на предыдущие, при этом новые организации нередко позиционируют себя как самостоятельные религиозные течения. К пятидесятникам также причисляют последователей независимых Африканских церквей харизматического типа, возникших на базе миссионерских церквей [2; 10] и оказавших заметное влияние на глобальное пятидесятническое движение [11].

Рассматриваемая в статье религия ассоциируется с евангельским движением, ознаменовавшим третью волну «ревайвела» (христианского «обновления»), которое оказало существенное влияние и на более ранние направления христианства и даже другие конфессии. Такой масштабный отклик во многом объясняется притягательностью ключевой идеи пятидесятнической доктрины - об исключительном значении «Святого Духа». Считается, что его присутствие проявляется через «духовные дары», которые верующие получают после рождения «свыше». Среди них центральное место занимает «дар языков» - глоссолалия и ксеноглоссия, обычно воспринимаемые как опыт общения «Святого Духа» через говорящего, «дар исцеления», позволяющий убежденному верующему исцелять и/или обретать физическое и психологическое здоровье, а также «дар пророчества» и др.

В пятидесятничестве распространены высокие эсхатологические ожидания конца света и премиллениализм - вера в то, что пришествие Христа ознаменует Тысячелетнее царство, в котором Иисус и благоверные христиане будут править тысячу лет, что объясняет интенсивность миссионерской деятельности пятидесятников. Акцентирование различных проявлений присутствия «Святого Духа» и его манифестаций также стало важным стимулом для расширения этой конфессии [3; 20].

Рост числа деноминаций пятидесятничества в Африке сопровождался проникновением соответствующих идей в сознание приверженцев других направлений христианства. Так, «обновленческое движение», или «ревайвел», оказало сильное влияние на католицизм, протестантизм, восточное христианство, которые заимствуют элементы теологии, а также концепции и практики пятидесятнических церквей. Более того, пятидесятничество оказывает существенное влияние и на другие религии.

Например, в Нигерии в ответ на усиление присутствия пятидесятников начали возникать новые движения в исламе: *NASFAT - Nasrul-Lahi-il Fathi Society of Nigeria* (1995), *Islamic Platform Society of Nigeria* (2007), *Aqibat Lil Mutaqeen Society of Nigeria* (1999), *Fadlullah Society of Nigeria* (2006) и др. Эти организации заимствуют экспрессивную харизматическую манеру практик и ритуалов, адаптируют теологические концепции «обновленцев» [8]. Несмотря на это, они сохраняют собственную религиозную идентичность, поэтому в настоящей работе не рассматриваются.

² Подробный разбор различий волн пятидесятничества - задача отдельного масштабного исследования. Здесь же мы ограничимся лишь самой общей характеристикой. Первая «классическая» волна обычно ассоциируется с возвратом к апостольскому христианству, главными атрибутами которого считаются дары Святого Духа, прежде всего «дар языков». Вторая «харизматическая» волна связана с развитием духовных практик, вырастающих из идеи о дарах Святого Духа, и их адаптации другими протестантскими течениями, католицизмом и православием. Развитие третьей «неохаризматической» волны опирается на новые независимые и маргинальные церкви, которые включают в свои учения в т.ч. оккультные и мистические практики. К главным видимым различиям волн пятидесятничества можно отнести экспрессивность и зрелищность религиозных практик, которая со временем заметно усилилась (прим. авт.).

Благодаря высокой религиозности населения континента влияние пятидесятничества в современной Африке выходит далеко за рамки духовного опыта и распространяется на массовую культуру, социально-экономические и общественно-политические процессы [10]. Согласно вышеупомянутому исследованию «*Spirit and Power*», с 1980-х гг. в правительствах ряда государства Африки южнее Сахары увеличивается присутствие пятидесятников. Представители пятидесятнических церквей активно лоббируют интересы своей общины, выступают против инициатив по расширению автономии мусульманских регионов.

В 1990-х гг. пятидесятнические деноминации обеспечили «духовную» легитимность власти в некоторых странах Африки. Исследователи отмечают вклад пятидесятнических и других протестантских церквей в распространение демократии в Африке за счет популяризации соответствующих принципов в обществе [21]. Тем не менее в силу высокой мозаичности пятидесятнического движения его влияние пока что носит локальный характер, а его значение в общественно-политической жизни различается от страны к стране [20].

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПЯТИДЕСЯТНИЧЕСТВА В АФРИКЕ

Распространение пятидесятничества в Африке происходило крайне неравномерно - в одних странах его последователи появились еще в начале XX в., т.е. фактически сразу после возникновения международного движения пятидесятничества³; в других оно начало распространяться только во второй половине XX в. Согласно имеющимся данным, позже всего пятидесятничество проникло в Гамбию и Гвинею-Бисау (1970), Мавританию (1971) и Экваториальную Гвинею (1985). В отдельных африканских государствах оно не представлено до сих пор, по крайней мере, открыто (Ливия, Сомали, Джибути).

При этом долгое время пятидесятничество в Африке оставалось относительно небольшим по численности религиозным течением. Ситуация начала меняться в период с 1960 по 2015 г., когда обозначился экспонентный рост данной общины, численность которой увеличилась с 3,5 до 97,2 млн человек⁴, что было обусловлено активизацией деятельности миссионеров в добившихся независимости странах Африки.

Рост числа пятидесятников сопровождался резким увеличением их доли в христианском населении Африки - в 1960 г. она составляла всего 4,2%, в 1980 г. - уже 11,9%. Их доля в протестантских общинах также увеличилась - с 13,6 до 28,4% за тот же период. После 1980 г. рост доли пятидесятников среди христиан замедлился, к 2015 г. она достигла 17,5%. При этом его позиции по отношению к другим направлениям протестантизма изменились не столь значительно, составив 34,6% в 2015г. - почти столько же, сколько и в 2000 г. (см. табл.).

Таблица. Динамика численности и доли пятидесятников в христианском и протестантском населении Африки, 1920-2015 гг.

Table. Dynamics of the size and share of the Pentecostal faith-group in the Christian and Protestant population of Africa (1920-2015)

Год	Численность пятидесятников, млн чел.	Доля пятидесятников среди христиан, %	Доля пятидесятников среди протестантов, %
1920	0,2	1,1	3,5
1940	0,9	2,3	7,8
1960	3,5	4,2	13,6
1980	21,7	11,9	28,4
2000	60,0	16,5	33,6
2015	97,2	17,5	34,6

Составлено автором по: [4].

Относительно медленные темпы роста пятидесятнической общины на начальных этапах её развития обуславливает возникновение эффекта низкой базы, оказывающей заметное влияние на расчеты, поэтому в качестве базового года для обработки статистических данных был выбран 1920 г.

³ Превращение пятидесятничества в международное движение ассоциируется с «Пробуждением на Азуса-стрит» (Лос-Анджелес) в 1906 г. Это событие считается одним из наиболее значимых «духовных пробуждений» в истории христианства и началом активного миссионерства, приведшего к широкому распространению этого направления протестантизма по всему миру (прим. авт.). См. подробнее: [7].

⁴ Если отнести к числу пятидесятников последователей синкретических течений христианства, включающих в т.ч. африканские независимые церкви харизматического типа, то приведенные цифры возрастут до 4,4 млн человек в 1960 г. и 108,1 млн - в 2015 г. (прим. авт.).

Согласно нашим расчетам, индекс структурных различий Рябцева⁵ для пространства пятидесятничества за 1920-2015 гг. принимает значение 0,365, т.е. указывает на «значительный уровень различий» его территориальной структуры в сравниваемые годы. Тем не менее преобразования территориальной структуры пространства пятидесятничества в историческом отношении шло неравномерно. Полученные значения по волнам пятидесятничества, свидетельствуют о том, что наибольшим динамизмом территориальная структура пятидесятничества характеризовалась в 1920-1960 и 1960-1980 гг. - индекс Рябцева принял значение 0,095⁶ и 0,084, соответственно. При этом в первый период большая часть изменений пришлась на 1960-1970 гг., а в 1970-1980 гг. изменений практически не произошло: индекс принял значение 0,063 и 0,003. В дальнейшем изменение территориальной структуры пятидесятничества замедлилось - значение индекса Рябцева за 1980-2015 гг. достигло лишь 0,025.

На протяжении всего периода происходила территориальная деконцентрация пятидесятнических общин, обеспеченная проникновением этой религии в новые для неё страны Африки. Об этом свидетельствует последовательное снижение индекса Херфиндаля-Хиршмана (*HHI*)⁷: в 1920 г. индекс принимал значение 3090, в 1960 г. - 1959, в 1980 г. - 1547, в 2015 г. - 1099.

Несмотря на выявленную нами тенденцию территориальной деконцентрации, привязка пятидесятничества к отдельным странам в течение рассматриваемого периода сохранялась - особое значение для него имели Нигерия, Кения, ЮАР, ДРК. В пределах только этих четырех стран по состоянию на 2015 г. проживало более 60% всех пятидесятников континента. В связи с этим закономерными выглядят более масштабные сдвиги в территориальной структуре протестантизма в сравнении с пятидесятничеством за 1920-2015 гг. - значения индекса Рябцева составили 0,534 и 0,365, соответственно. Тем не менее в последнее время наблюдается интенсивный рост числа пятидесятников и в других государствах континента, в т.ч. в Гане, Зимбабве, Малави, Мозамбике, Танзании, Эфиопии, Анголе и др. Это указывает на то, что экспансия этой религии в Африке еще продолжается.

Пятидесятники постепенно наращивали свое присутствие в странах Африки, успешно конкурируя даже с такими крупными религиозными организациями, как Римско-католическая церковь [16; 17]. Это иллюстрируется ростом доли этой конфессии среди христиан большинства стран континента (см. *карту*). В результате к 2015 г. во многих из них доля пятидесятников превысила отметку в 30%.

Прохождение данного рубежа указывает на два важных обстоятельства: во-первых, в соответствии с моделью религиозной конкуренции в этих государствах наступила фаза религиозного паритета, при которой интенсивность взаимодействия конфессий резко возрастает (см. подробнее: [14]), во-вторых, трансформация пространства христианства в ряде государств Африки обеспечивается именно за счет расширения [20] пространства пятидесятничества.

Такая ситуация особенно характерна для Ботсваны (доля пятидесятников в христианском населении составила 51%), Свазиленда (50,9), Алжира (50,4), Либерии (47,5), Зимбабве (43,1), Кении (39), ЮАР (37,6), Сьерра-Леоне (35,2), Нигера (32), Гвинеи-Бисау (31,6), Ганы (30,4%). Эффекты интенсификации внутрирелигиозной конкуренции в социально-экономических и общественно-политических процессах изучены достаточно слабо. Тем не менее, как нами было показано ранее, усиление внутрирелигиозной конкуренции, т.е. между направлениями мировых религий, нередко становилось важным фактором возникновения конфликтов в Африке [19].

Во многих из указанных выше стран влияние пятидесятнических организаций на численность христиан ограничивается фактически только их территорией, в то время как макрорегиональные тенденции во многом диктуются теми государствами Африки, в пределах которых проживают наиболее крупные общины пятидесятников. Среди них исключительное значение имеют Нигерия (23 млн человек)⁸, Кения (16,5), ЮАР (13,6), Гана (5,4), Зимбабве и Малави (по 4,2 млн) и др. государства (см. *карту*).

Активизация миссионерской деятельности пятидесятников практически во всех странах Африки оказывает прямое влияние на изменение конфигурации пространства этой религии. В связи с этим особый

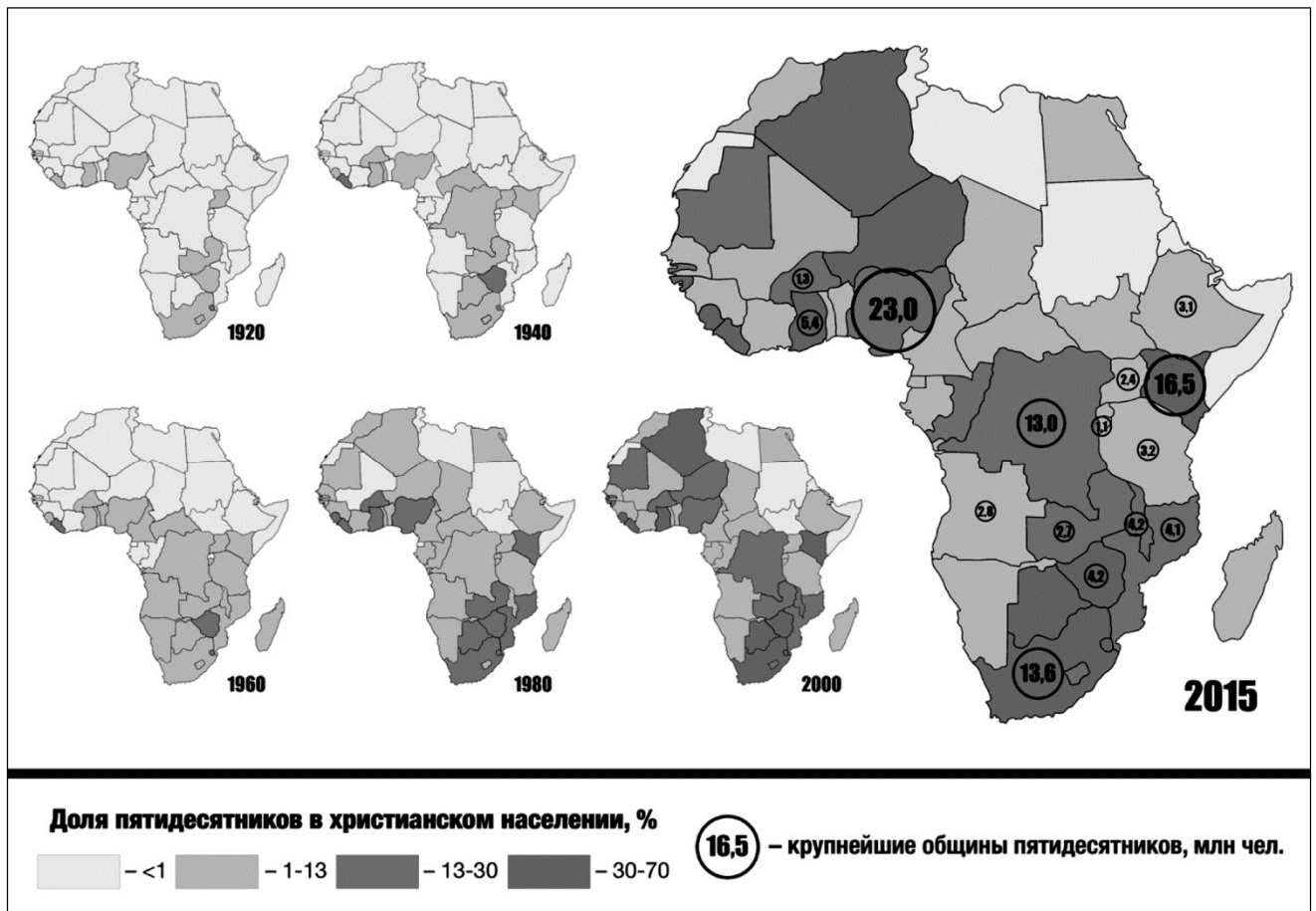
⁵ В.М.Рябцев - д.э.н., проф., действительный член Академии социальных наук. Предложенный им индекс позволил оценить сдвиги в территориальной структуре геопространства пятидесятничества исходя из изменений соотношения «веса» стран в общей численности последователей этой конфессии. Индекс Рябцева принимает значение от 0 до 1 - чем выше его значение, тем ниже уровень инерционности территориальной структуры, т.е. тем более масштабными были её изменения (см. подробнее: [22]).

⁶ При использовании 1910 года в качестве базового индекса Рябцева принимает значение 0,112 (*прим. авт.*).

⁷ Индикатор используется нами для оценки уровня территориальной концентрации пятидесятничества. *HHI* принимает значения от 0 до 10000 - чем ближе полученное значение к верхней границе, тем выше степень территориальной концентрации (см. подробнее: [5]).

⁸ Несмотря на большой размер общины и влияние пятидесятнических церквей, их последователи составляют только 23% христианского населения Нигерии (2015) (*прим. авт.*).

интерес представляет территориальная неоднородность конверсионного прироста этой общины. Оценить её позволило сопоставление рассчитанных значений *совокупного среднегодового темпа роста* (ССТР) пятидесятничества [4] и населения⁹ в целом по странам Африки в 1920-2015 гг., благодаря чему была определена роль конверсионного прироста в увеличении численности этой общины.

Карта. Динамика доли пятидесятников в христианском населении государств Африки, 1920-2015 гг.
Map. Dynamics of the share of Pentecostals in the Christian population in African countries (1920-2015)

Составлено автором по: [4; 13].

Согласно нашим расчетам, на макроуровне ССТР населения за 1920-2015 гг. составил 2,07%, христиан - 3,27%, протестантов - 3,72%, пятидесятников - 6,01%. Соответственно, совокупный среднегодовой темп конверсионного прироста этих религиозных групп можно оценить: в 1,20% для христианства, 1,65% для протестантов и 3,94% для пятидесятников. Таким образом, можно утверждать, что экспансия пятидесятничества в рассматриваемый период в большей мере зависела от конверсии, чем от демографического прироста в сравнении с христианством и протестантизмом в целом.

На протяжении всего рассматриваемого времени её роль оставалась высокой, особенно на начальных этапах проникновения - в отдельных странах совокупный среднегодовой темп роста численности пятидесятников превышал соответствующий показатель для населения в целом в несколько раз. Во многих случаях это было связано с эффектом низкой базы - превышение могло быть более 30%.

Так, увеличение числа пятидесятников с 1,5 тыс. до 108,6 тыс. человек в 1960-1980 гг. в Эфиопии нашло свое отражение в экстремальных значениях *совокупного среднегодового темпа роста* - 31%, тогда как для населения в целом оно было достаточно низким (2,4%). Тем не менее стремительный рост наблюдался и в сравнительно крупных общинах, особенно в период масштабной деколонизации Африканского континента. Например, в 1960-1980 гг. в ДР Конго этот показатель достиг 11,1% (при ССТР для населения 2,8%), в Кении - 15,8% (3,5%), в Танзании - 12,3% (3,1%), в Малави - 15% (2,9%) и т.д.

⁹ По данным: World Fertility Pattern. 2015. <http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/fertility/world-fertility-patterns-2015.pdf> (accessed 10.01.2022)

С 1980 г. *совокупный среднегодовой темп роста* пятидесятничества начал постепенно замедляться, приближаясь к значениям соответствующего показателя для населения в целом. Это было характерно для Нигерии, Замбии, ЦАР, Южного Судана, Сьерра-Леоне и др. стран, где данная конфессия приблизилась к пределу своего роста.

В редких случаях имела место даже убыль пятидесятников, связанная, во-первых, с политической дестабилизацией стран, например, в Судане, когда внутренние противоречия привели к расколу страны (в 2000-2015 гг. ССТР их общины достиг -6,3%¹⁰), Руанде, охваченной геноцидом (-7,1% в 1990-2000 гг.¹¹); во-вторых, с законодательными ограничениями миссионерской деятельности пятидесятнических и других христианских организаций, например в Марокко¹², Сомали, Ливии. При этом даже в условиях достаточно строгого ограничения религиозных свобод пятидесятничеству все же удается увеличивать число своих последователей, например, в Эритрее, Мавритании, Египте и др. Во всех остальных случаях ССТР пятидесятничества в 2000-2015 гг. хоть и замедлился, но остался на высоком уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С момента своего проникновения в начале XX в. пятидесятничество распространилось практически во всех странах Африки, что стало результатом масштабной миссионерской деятельности. Экспансия данной религии происходила неравномерно. Наиболее масштабные изменения пространства пятидесятничества совпали по времени с деколонизацией государств Африки в 1960-х гг. В этот же период зафиксировано наиболее быстрое увеличение численности пятидесятников (ССТР в 1960-1970 гг. составил 12,6%, в 1970-1980 гг. - 6,7%), которое сопровождалось стремительным распространением этой религии в странах континента. После 1980 г., в эпоху масштабных экономических и общественно-политических реформ, наблюдалось снижение значений всех рассматриваемых параметров. Тем не менее в абсолютном отношении размер пятидесятнической общины достиг впечатляющих масштабов - с 1980 по 2015 г. её численность увеличилась с 21,7 до 97,2 млн.

В то же время динамика доли пятидесятников в христианском и протестантском населении начала замедляться, особенно с 2000-х гг., что может свидетельствовать о приближении к пределу роста данной общины за счет конверсии. В пользу последнего говорит сближение значений совокупного среднегодового темпа роста пятидесятников и населения в целом, т.е. рост численности данной конфессии теперь в большей степени будет обеспечиваться естественным приростом. Это характерно в том числе и для Нигерии, занимающей первое место в Африке по размеру пятидесятнической общины.

Замедление территориальной экспансии и роста доли пятидесятников в населении Африки, по нашему мнению, является первым признаком стабилизации пространства этой религии. Пока что данный тренд достаточно четко обозначился лишь в нескольких государствах континента - прежде всего в Нигерии, Замбии, Южном Судане и др. странах. В связи с этим здесь можно ожидать усиления тренда на объединение пятидесятнических организаций в различные союзы и зонтичные структуры, что может привести к дальнейшей консолидации их достаточно разнообразных религиозных доктрин и практик, а также возрастанию их роли как крупного общественно-политического актора.

Тем не менее в большинстве стран Африки рост числа последователей пятидесятничества, в т.ч. за счет конверсии, сохраняется на достаточно высоком уровне, что еще приведет к изменению географии этой конфессии.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Adogame A. 2012. The African Christian Diaspora: New Currents and Emerging Trends in World Christianity. L.
2. Anderson A. 2005. Towards a Pentecostal Missiology for the Majority World. *Asian Journal of Pentecostal Studies*. Pp. 29-47.
3. Anderson A.H. 2018. Pentecostalism in the Sub-Sahara. *Spirit-Filled World: Christianity and Renewal - Interdisciplinary Studies*. Pp. 23-50. DOI: 10.1007/978-3-319-73730-0_2
4. Brown D., James P. 2019. Religious Characteristics of States Dataset Project - Demographics. V. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries only.
5. Hirschman A.O. 1964. The Paternity of an Index. *The American Economic Review*. Vol. 54. Is. 5, pp. 761-762.
6. Jenkins P. 2011. The Next Christendom: The Coming of Global Christianity.

¹⁰ Для христиан и протестантов в целом отток населения был еще выше - ССТР составил -8,2 и -7,9%, соответственно, тогда как для населения данный показатель достиг лишь -0,2% (прим. авт.).

¹¹ Интересным представляется факт, что *совокупный среднегодовой темп роста* христианского населения и протестантов остался положительным (2,9 и 2,5%, соответственно), хотя в обоих случаях их рост по сравнению с предыдущим десятилетием резко замедлился (в 1980-1990 гг. ССТР составлял 4,8 и 7,1%, соответственно).

¹² В этой стране с 1940-х гг. наблюдается убыль христианского населения, которая усиливалась в 1960-1980 и 1990-2000 гг. до -6,4 и -4,8%.

7. Liardon R. 2006. The Azusa Street Revival: When the Fire Fell. Shippensburg: Destiny Image. 238 p.
8. Obadare E. 2016. The Muslim response to the Pentecostal surge in Nigeria: Prayer and the rise of charismatic Islam. *Journal of Religious and Political Practice*. № 1, pp. 75-91.
9. Olson E.R. 2006. Pentecostalism's dark side: Troublesome teachings and practices. *The Christian Century*. 2006. <https://christian-century.org/article/2006-03/pentecostals-dark-side> (accessed 04.03.2022)
10. Pentecostalism in Africa: presence and impact of pneumatic Christianity in postcolonial societies. 2014. Ed. by M. Lindhardt, M.Leiden. Boston.
11. Wariboko N. 2017 Pentecostalism in Africa. *Oxford Research Encyclopedia of African History*. <https://oxfordre.com/africanhistory/view/10.1093/acrefore/9780190277734.001.0001/acrefore-9780190277734-e-120> (accessed 15.06.2021)
12. Westoff C.F., Bietsch K. 2015. Religion and Reproductive Behavior in Sub-Saharan Africa. *DHS Analytical Studies*. № 48. Rockville.
13. Wilson J. 2019. Religious Landscape in South Sudan: Challenges and Opportunities for Engagement.
14. Горохов С.А. География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства: монография. М., 2020. 235 с. ISBN 978-5-238-03377-8
Gorokhov S.A. 2020. Geography of Religions: Development Cycles of the Global Religious Landscape. Moscow. 235 p. (In Russ.) ISBN 978-5-238-03377-8
15. Горохов С.А. Конфессиональное геопространство как объект изучения географии религий. *Известия РАН. Серия географическая*. 2012. № 2, с. 21-30. DOI: 10.15356/0373-2444-2014-2-21-30
Gorokhov S.A. 2012. Confessional geospace as the object of study of Geography of Religions. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*. № 2, pp. 21-30. Moscow. (In Russ.) DOI: 10.15356/0373-2444-2014-2-21-30
16. Дмитриев Р.В., Горохов С.А. Геостратегическое соперничество негосударственных акторов в Африке: Римско-католическая церковь в борьбе за «континент надежды». *Ученые записки Института Африки РАН*. 2019. № 4, с. 70-81. DOI: 10.31132/2412-5717-2019-49-4-70-81
Dmitriev R.V., Gorokhov S.A. 2019. Geostrategic competition of non-state actors in Africa: the Roman Catholic Church in the fight for the "Continent of hope". *Journal of the Institute for African Studies*. № 4, pp. 70-81. Moscow. (In Russ.) DOI: 10.31132/2412-5717-2019-49-4-70-81
17. Горохов С.А., Дмитриев Р.В., Захаров И.А. Ватикан в современной Африке (к 50-летию визита в Уганду Папы римского Павла VI). *Вестник Томского государственного университета. История*. 2022. № 76. С. 38-46. DOI: 10.17223/19988613/76/5
Gorokhov S.A., Dmitriev R.V., Zakharov I.A. 2022. Vatican in modern Africa (on the 50th anniversary of the pope Paul VI' pilgrimage to Uganda). *Tomsk State University Journal of History*. Vol. 76, pp. 38-46. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/76/5
18. Захаров И.А. География религий: трансформация конфессионального пространства Африки в XX - начале XXI веков. М., 2020. 148 с. ISBN 978-5-94193-087-6
Zakharov I.A. 2020. Geography of religion: transformation of the African religious landscape. Moscow. 148 p. (In Russ.) ISBN 978-5-94193-087-6
19. Захаров И.А., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Роль религиозного фактора в формировании конфликтных зон в Африке. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*. 2020. № 4, с. 640-653. DOI: 10.21638/spbu07.2020.402
Zakharov I.A., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. 2020. The Role of the religious factor in the formation of conflict zones in Africa. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth sciences*. № 4, pp. 640-653. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu07.2020.402
20. Захаров И.А., Уланова Н.С. Мобилизационный потенциал пятидесятничества в современной Африке. *Восток (Oriens)*. 2022. № 2, с. 165-176. DOI: 10.31857/S086919080019206-3
Zakharov I.A., Ulanova N.S. 2022. Mobilization potential of Pentecostalism in modern Africa. *Vostok (Oriens)*. № 2, pp. 165-176. (In Russ.) DOI: 10.31857/S086919080019206-3
21. Прокопенко Л.Я. Религиозный фактор в политическом процессе Замбии: взаимное влияние религии и политики. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 8, с. 40-47. DOI: 10.31857/S032150750015933-8
Prokopenko L.Ya. 2021. Religious Factor in the Political Process in Zambia: Mutual Influence of Religion and Politics. *Asia and Africa today*. № 8, pp. 40-47. (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750015933-8
22. Региональная статистика. Ред. Рябцев В.М., Чудилин Г.И. М., 2001.
2001. Regional statistics. Ed. by V.M. Ryabtsev, G.I. Chudilin. Moscow. (In Russ.)
23. Филянова В.Н. «Нет границ, только люди!»: пятидесятники на службе глобализации. *Проблемы национальной стратегии*. 2014, № 4, с. 221-238.
Filyanova V.N. 2014. "There are no boundaries, only people!": Pentecostals in the service of globalization. *National Strategy Issues*. № 4, pp. 221-238. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Захаров Иван Андреевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Центр глобальных и стратегических исследований Института Африки Российской академии наук, Москва, Россия.

Ivan A. Zakharov, PhD (Geography), Senior Researcher, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 17.05.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 25.07.2022

Принята к публикации
(Accepted) 30.09.2022

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История •

• Философия •

• Политология •

• Социология •

• Международные отношения •

• Зарубежное регионоведение •

• Востоковедение и африканистика •

• Психология •

• Культурология •

• Археология •

• Менеджмент •

• Юриспруденция •

• Экономика •

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/_

vk.com/gaugn

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

БАКАЛАВРИАТ

Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА

Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА

Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).